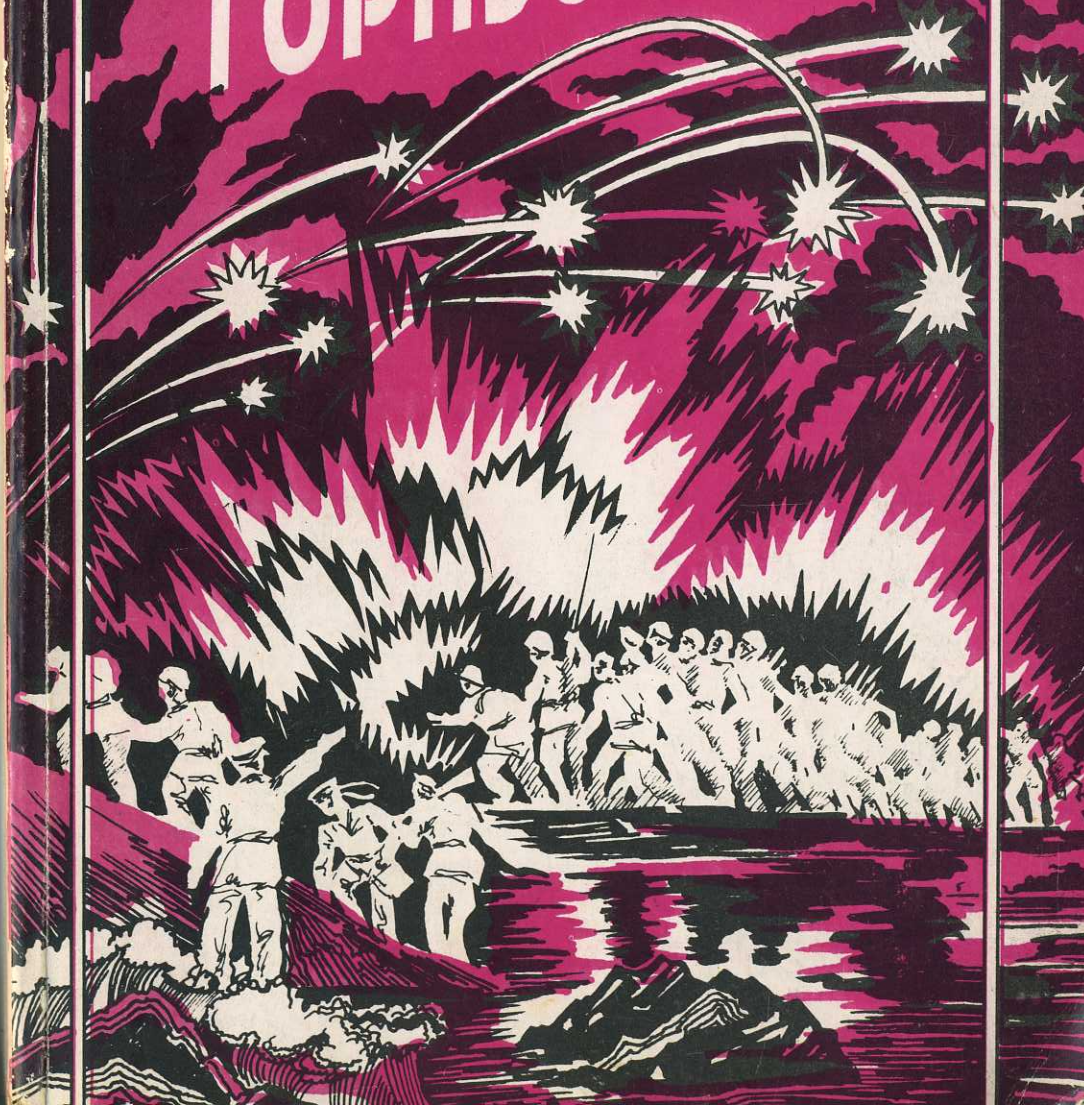
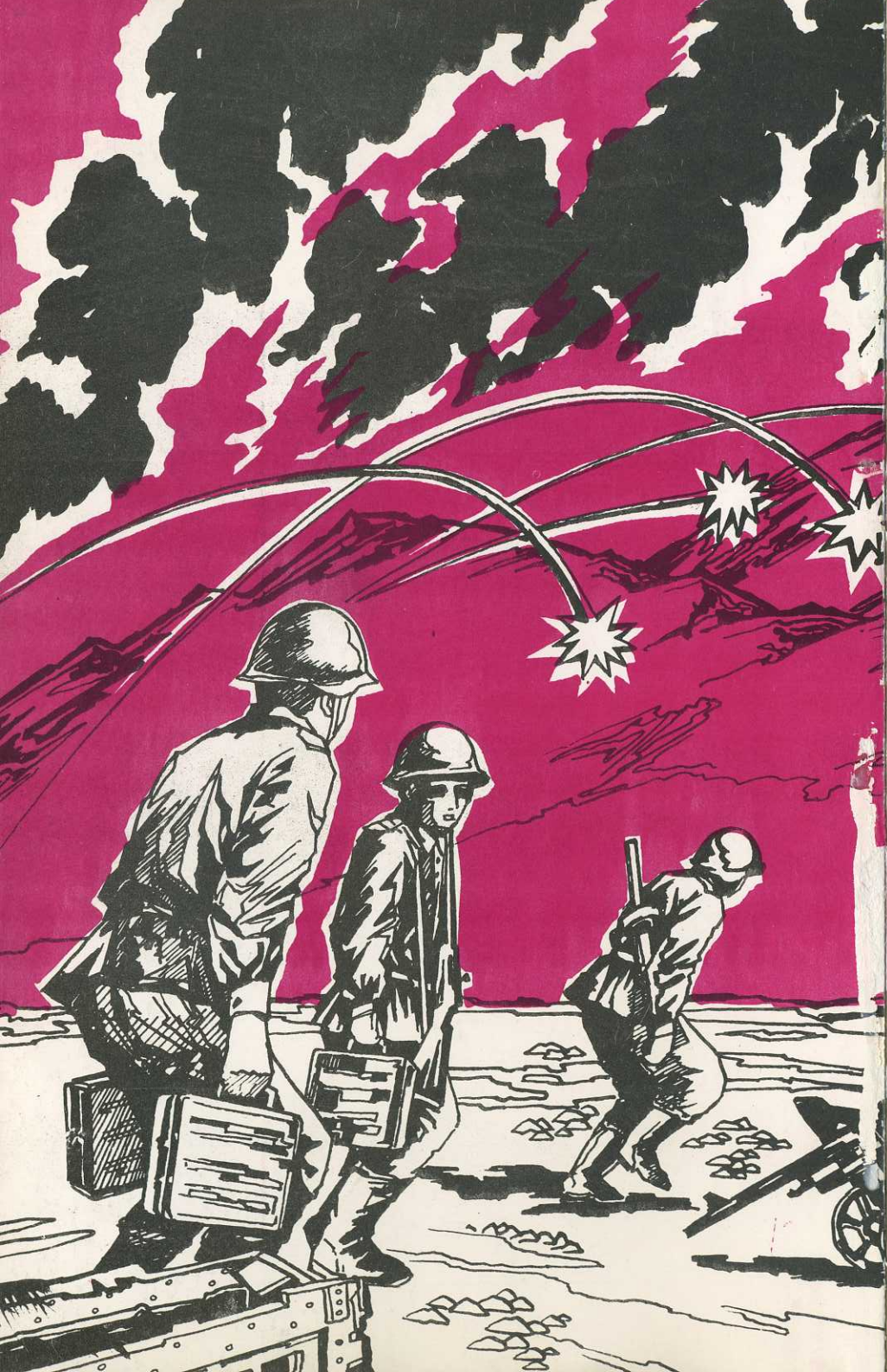

А.ВОДОВОЗОВ

ПЫЛАЮЩИЙ ГОРИЗОНТ

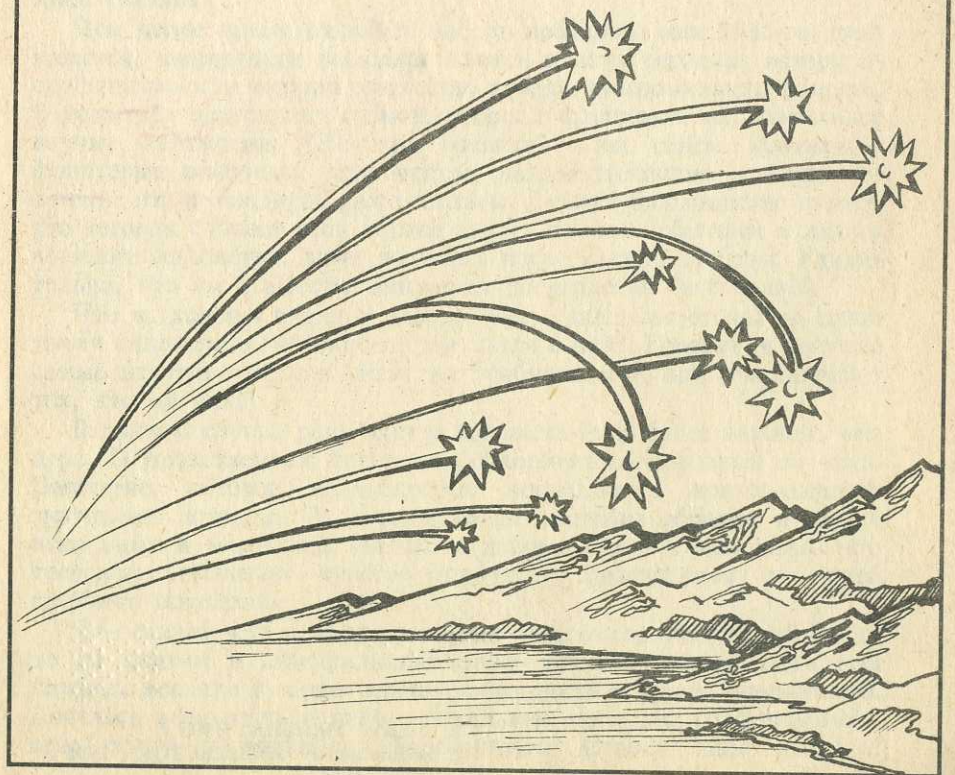

„ЎЗБЕКИСТОН“

А.ВОДОВОЗОВ

ПЫЛАЮЩИЙ ГОРИЗОНТ

ТАШКЕНТ "ЎЗБЕКИСТОН" 1995

Записки фронтового пулеметчика

*Мы в долгу перед армией.
Мы виноваты перед ней.
Ни один институт государства
за тысячу лет не принес
на алтарь Отечества
столько жертв, сколько
наше воинство.*

КАРЕЛЬ РАШ

Распад могучей Советской державы на суверенные государства подстать зловещему шторму разрушил экономические связи, чуть ли не наизнанку вывернул политику и что особенно тягостно видеть нам, людям старшего поколения, иногда уродует традиционные нравственные устои. Прежде всего такие, как патриотизм, верность воинскому долгу, отвага, честь и достоинство вооруженного защитника Родины.

Чем далее время отделяет нас от победного мая 1945-го, тем, кажется, изощреннее выхолащиваются пласты героики, исторической значимости подвига советского народа, разгромившего фашизм. В попытках переоценки событий войны с фашизмом все назойливее звучит лейтмотив: "Не так воевали". Под огнем критики — фронтовые операции, полководцы, разрабатывавшие и осуществлявшие их, командиры, даже солдаты. Думаю, большинство из тех, кто сегодня считает себя вправе давать оценки событиям и людям военного лихолетья, даже родились после салюта Победы. Удивительно, что им с высоты минувших десятилетий "все видно".

Что ж, хорошо видна с земли луна, удаленная от нас на сотни тысяч километров. А много ли мы знаем о ней?! Говорят, в футболе самые искусные игроки сидят на трибунах. Ох, как они поучают тех, кто на поле!

В данном случае речь идет о предмете куда более важном, чем игра. О нравственном богатстве, накопленном народами за века. Богатстве, которое хладнокровно истребляется вновьявленными знатоками истории. Их стрелы метят главным образом в людей искренних и незрелых, чистых и доверчивых — в молодежь. Это тревожит, вызывает чувство горечи у фронтовиков, у людей старшего поколения.

Я — солдат, как и миллионы моих ровесников, познавший войну не по книгам и кинофильмам. Знаю военачальников, одно имя которых вселяло в наши сердца уверенность в успех задуманного. Довелось выполнять и явно губительные приказы, обескровливавшие полки и дивизии. Представители Ставки типа Мехлиса

безрассудно бросали на верную гибель десятки тысяч людей. Мне, участнику неудавшегося десанта на Южную Озерейку, выпало испытать это.

Но даже подобные факты не дают мне права обобщенно судить, талантливо ли действовали полководцы. Ведь из солдатского окопа видна лишь крохотная часть того оперативного пространства, на котором решается судьба крупномасштабного сражения. Зато перед его взором часто меняющиеся батальные картины; бойцы, командиры среднего звена, призванные осуществлять план гигантского сражения.

Впечатления от всего этого самые неизгладимые, достоверные. Они-то и обязывают меня утверждать: солдаты и командиры воевали правильно. Иначе не было бы успехов ни в боях местного значения, ни в исторической значимости фронтовых операциях, ни Победы в самой войне.

"Воевали правильно"... Предвижу реплику: "В сорок первом — тоже правильно? Драпали от границы до Волги..."

Так может рассуждать человек, далекий от истины, а потому готовый свалить вину правительства на солдата, что совсем нетрудно: солдат выдержит! Тот, кто "драпал", на чью долю выпали нечеловеческие терзания, способен привести факты легендарных подвигов, назвать фамилии героев.

Мне понятно волнение, с которым вспоминает о первых днях войны моя однополчанка, бывшая военврач медсанбата А. Т. Ищенко. Вместе с мужем, командиром Красной Армии, она служила в дивизии, дислоцировавшейся на территории Бессарабии, у самой границы с Румынией. Разрывы первых вражеских снарядов бросили ее к операционному столу, оказывать помощь раненым. О своих однополчанах она пишет: "Кто не видел первых дней войны, тому трудно представить, какая непосильная ноша легла на плечи кадровых войск. Каждый из воинов сражался за десятерых. А когда иссякали силы, кончались боеприпасы, солдаты обвязывались гранатами и бросались под вражеские танки, преграждая им путь в глубь страны. "Зачем жить, если не будет Родины," — рассуждали они. Когда пришел приказ об отступлении, поредевшие полки очень неохотно подчинились ему".

Не было для нас, солдат, более сурового наказания, чем отступление. Оно, пусть вынужденное, обусловленное даже самыми трагическими обстоятельствами, бередило душу, заставляло стыдливо отводить глаза от укоризненных взглядов жителей, оставшихся на территории, куда вторгся враг.

Опять-таки позволю себе привести строки из обстоятельного письма военврача А. Т. Ищенко:

"Было это близ Ростова. Вошли мы в хутор. Нас встретила пожилая казачка. Она не плакала, нет! Она дрожала от негодования. Сразу обрушила свой гнев на бойцов: "Куда тикаете? За Дон?"

А воевать кто будет? Нам, старухам, прикажете ружья в руки брать да вас оборонять от фашистов?"

— Эх, бабушка! Сразу видно, что у тебя никого нет на фронте. А то б иначе рассуждала.

— Что ты сказал? — наступала казачка на бойца, посмеявшегося возразить. — Это у меня-то нет? У меня там и сыновья, и зятья, и мужик добровольно ушел. Их счастье, что глаза свои не кажут мне. Я бы им высказала! Доколь будете тащить ворога на родную землю? Не срамно вам перед памятью дедов-прадедов?!

Казачка, в пару минут выплеснула весь запал обиды, горько заплакала и, махнув рукой, скрылась во дворе.

Мы, забыв о намерении сделать привал, поплелись дальше. Удрученно несли тяжелый крест вынужденного отступления, хотя готовы были броситься на землю, провалиться сквозь нее, только чтоб уберечь от врага".

Потрясающими были сцены при отступлении. Они выбивали слезу из глаз самых мужественных солдат. Помню, в Крыму, когда подразделения нашей бригады морской пехоты с боями пробивались к Севастополю, жители селений провожали нас рыданиями, истощенными воплями. Старухи, встав на колени, умоляли: "Сыночки, не уходите!" Иные в отчаянии хватали матросов за ноги: "Родимый мой! Не пуш! На кого вы нас покидаете?!"

В такие минуты мало помогали увещания: "Не плачьте, матери, сестры. Мы вернемся!"

Отступали? Да. Но это вовсе не значило, что плохо воевали. Батальоны, полки оставляли позиции вынужденно, расстреляв патроны и снаряды, подчиняясь приказам. Имея на счету больше погибших, нежели оставшихся в строю, штыками и гранатами пробивались из окружения, подчас наводя панику в стане врага.

Мне тоже довелось изведать горечь отступления: в Крыму, затем на Кавказе. Моторизованная дивизия СС "Викинг" теснила бескровленные части 317-й стрелковой дивизии. Подразделения 517-го стрелкового полка, в который я попал, выйдя из госпиталя, с трудом сдерживали натиск противника. Наша первая рота, прикрывая отступление основных сил, за один только день отбила семь атак. Дважды сама предпринимала контратаки.

Командир пулеметной роты капитан А. Грачев, принявший под свое командование и пехотную роту, вернее сказать, все, что от нее осталось, как мог маневрировал сильно поредевшими взводами, огневыми средствами. Боеприпасов было мало. Мы, пулеметчики, экономя их, старались бить наверняка, подпускали гитлеровцев на предельно близкое расстояние. Ротный считал это рискованным, в ярости кричал, что немцы могут забросать нас гранатами. Он оказался прав. Расчет А. Попова, занимавший позицию на левом фланге, поплатился за излишнюю самоуверенность. Взрывом гранаты, угодившей в бруствер, разворотило кожух "максима". Осколками изрешетило солдат. Санинструктор, девятнадцатилетняя

Ольга Севастьянова, бросилась к раненым. Но перевязать их не успела. Заметила подползавших немцев и начала отстреливаться из автомата.

Видя, сколь опасная ситуация создалась на фланге, А. Грачев перебрал туда мой расчет, разрешив "сверх нормы" взять три ленты. Атаку противника удалось приостановить.

Ольга стала перевязывать раненых и вдруг вскрикнула. Гимнастерка на ее спине пропитывалась кровью. Старшина Ватрушин, раненный в живот и левую руку, преодолевая боль, подполз к О. Севастьяновой, чтобы сделать перевязку. Девушка не позволила снять с себя одежду. Естественная девичья стыдливость превозмодала даже в столь трагической ситуации. Истекающую кровью любимицу солдат пришлось выносить из-под огня, не оказав ей первой медицинской помощи. Говорили, в медсанбате врач Л. Карпова отругала за это и раненую, и доставивших ее бойцов.

Почти сутки мы прикрывали отход пехоты к Моздокскому перевалу. Экономными очередями пресекали попытки гитлеровцев обойти роту, окружить ее. Понесли потери при арналете и бомбежке с воздуха. Зато получили подкрепление. В мое отделение ротный прислал пулеметный расчет, не подозревая, какую радость доставил мне и вновь прибывшему. Первым номером оказался Сергей Мироян, бывший мой сослуживец, матрос из 7-й бригады морской пехоты. Мне, юнге батальона, нравился этот широкоплечий, суровый с виду боец. Ранило его под Севастополем. И вот встреча. Жаль, радость оказалась кратковременной. Противник спешил воспользоваться результатами бомбежки, бросил против нашей роты до батальона пехоты. Вскоре запасов лент как не бывало. Умолкли пулеметы. Немцы ворвались в окопы. Мироян штыком заколол двоих фашистов, одного, изрядно помятого, раненого, связал в окопе. Капитан Грачев с группой бойцов вынудили противника отступить.

Только теперь мы увидели как бледен Сергей. Гимнастерка на его груди и животе набухла от крови.

— Да ты ранен, друг! — бросился я к нему. — Санитар!

Пока Дуся Семяга перевязывала Мирояна, он потерял сознание. Беспамятного, его отправили в тыл.

Не кощунственно ли говорить, что "не так воевали" матрос Мироян, тысячи других парней?! Даже в начальный период войны враг ощутил силу невиданного доселе сопротивления.

Те, кому посчастливилось бывать в Георгиевском зале Кремля, не могли спокойно взирать на беломраморные стены, где золотом выписаны полки, батальоны, батареи, корабли Российской армии и флота, отличившиеся в сражениях при защите Отечества. Военские части, под знаменами которых сражались солдаты — почти поголовно крепостные крестьяне, — удостоены высшей степени славы, навечно вошли в героическую историю государства. В их честь были воздвигнуты соборы, церкви. В честь победы над

Наполеоном в Отечественной войне 1812 года построена Триумфальная арка, которая и сегодня является символом отваги, патриотизма русского воинства. Непокоримы памятники Петру I, Суворову, Кутузову, Минину и Пожарскому. Чувство гордости и почтения вызывает портретная галерея героев Отечественной войны 1812 года, размещенная в Санкт-Петербургском Эрмитаже. Ни у кого за истекшие более чем сто семьдесят лет не поднялась рука выискивать просчеты в управлении войсками, охаивать полководцев, говорить будто солдаты "не так воевали".

Война с фашизмом не перестала быть священной. Почему же полководцы и даже войска оказались беззащитными? Нельзя смириться с этим, забывая о том, что в армейском строю бок о бок сражались сыны всех народов, населяющих пространство от Бреста до Чукотки, от берегов Северного Ледовитого океана до знойной Кушки.

Свою задачу автор предлагаемой книги видит в том, чтобы на конкретных примерах и событиях далекого военного лихолетья раскрыть высокие нравственные качества фронтовиков, показать их самоотверженность, отвагу, верность вековым воинским традициям и принципам войскового товарищества. Возможно, это убедит сегодняшних любителей полемики в том, что их отцы и деды воевали как надо, защищая Родину, рисковали жизнью.

Сколько мне довелось потерять друзей за годы войны! Под Севастополем остался навски мой боевой наставник пулеметчик, матрос Михаил Сизов. В боях за Кавказ пали смертью храбрых армянин С. Акопов и украинец Г. Крапоткин. Там пролилась кровь дважды раненного, но не покинувшего поля боя ташкентца А. Акопяна. На легендарной Малой Земле пули сразили азербайджанца лейтенанта Ибрагимова, осетинку Асю Хасянову, казака Бегельды Бетиева. На всем многообразном пути до Австрийских Альп покоятся тысячи наших солдат, среди них — мои друзья. Для каждого из них священным было — защищать Отечество.

Сейчас, когда общество наше в разобщенных республиках смахивает на большую семью, в которой нарушено согласие, нелишне напомнить древнюю мудрость: горе несут люди, не помнящие родства и не желающие думать о других.

Откровенно признаюсь: я не смог бы написать свои воспоминания, не окажи мне помощи однополчане. Многие из них живо откликнулись на просьбу прислать свои заметки, осветить те или иные боевые эпизоды. Выражаю свою искреннюю признательность за это бывшему политработнику, комсору 255-й бригады морской пехоты подполковнику в отставке К. Милютину, командиру стрелковой роты 176-й стрелковой дивизии капитану в отставке А. Сухорукову, бывшему пулеметчику Г. Мокриенко, подполковнику в отставке А. Бакману, полковнику в отставке А. Домбровскому, бывшему помощнику начальника разведотдела штаба дивизии А. Солодкову, военврачу А. Ищенко и многим другим.

ПЫЛАЮЩИЙ ГОРИЗОНТ

На тысячеверстном пространстве от моря Баренцева до Черного, докатившись от западных границ Советского Союза до Кавказа и Волги, бушевала война, зловещими вспышками опалая землю, небо, морские дали. Мы шли сквозь это кровавое пламя, надеясь увидеть неспеленные им уголки планеты. Но вокруг, сколько доставало глаз, пылал горизонт. В жестоких схватках с врагом то мимолетных, как весенняя гроза, то затяжных под стать нудной осенней измороси, гасили мы бесчисленные языки жуткого пламени. Горизонт же, удаляясь к западу, окутанный едким пороховым дымом, по-прежнему оставался пылающим, истребляющим почти все живое и созданное многими поколениями людей.

Каждый метр пространства таил опасность. Изуродованные бомбежками города, истлевшие в огне и копоти деревни, искромсанные взрывами поля, иссеченные металлом леса, казалось, сплошь напичканы были минами, кишели вражескими полчищами, поминутно грозили расправой над теми, кому дороги были эта страдавшаяся земля, народ, жаждавший избавления от завоевателей, свобода и независимость великой державы.

Вовсе не преувеличиваю, утверждая, что путь к заветному горизонту был тернист и опасен. Помимо храбрости, умения воевать, он требовал постоянной боевой настороженности. Элементарная беспечность могла привести к беде.

Пишу об этом и точно со стороны вижу, как мы, трое морских пехотинцев — матросы В. Старцев, С. Гладилин и я, — ополоснув котелки в горном ручье, близ которого расположилась наша полевая кухня, отправились в свою роту. Следовало дожидаться, когда поужинают товарищи. Но мы увлеченно слушали Старцева, пересказывавшего содержание письма, полученного из дому. Василий исстрадался по любимой женщине, с которой его разлучила война. Он искал ее, подключил к поискам родных и знакомых. Последняя весточка: кто-то видел медсестру Евгению в Феодосии накануне боя. Жива ли она, добровольно ушедшая на фронт, оставалось гадать.

Заслушавшись романтически-печальной историей, мы не заметили, как в полумраке сумерек своротили с тропинки, которая вела

в расположение роты. Спыхватились, уловив поблизости немецкую речь. У меня — мороз по спине. Первая мысль: не выследили ли нас гитлеровцы? Хоть Старцев и вполголоса вел рассказ, а в лесу далеко слышно.

Мы словно по команде плюхнулись на землю. Изготовились к бою, слушали о чем то ли беседовали, то ли спорили немцы. Хоть бы слово понять! Никто из нас не знал языка. Что же делать? Бежать к своим?.. Доложить о противнике, каким-то образом просочившемся мимо наших постов и выполнявшем какую-то задачу?

Посоветовавшись, отправили Старцева в полк. Сами решили наблюдать за противником. Подползли к зарослям, укрывавшим гитлеровцев. Прикинули: в группе более двух десятков солдат. Охранение выставлено как заведено было у немцев, часовые ходили по указанному им маршруту взад-вперед. Гладилин — разведчик. Очень скоро загорелся мыслью захватить "языка".

— Гляди, часовые встретились, разминулись. Каждый доходит до своего куста, поворачивается... В этот момент и взять его.

— Взять можно. Только что с ним делать? Сумеем ли притащить его к своим? В полку, наверное, уже переполох, нас ищут.

— Старцев вот-вот будет там, доложит.

Профессиональный азарт уже не давал покоя Гладилину. О нем, лично взявшем тринадцать "языков", писали в армейской газете. Сейчас у Сергея будто бес в печенках:

— Швырнуть туда пару гранат, да из автоматов...

Шумели над головой кавказские сосны, еще какие-то деревья-исполины. Противоестественным казалось, что в этом лесу, таком задумчиво-ласковом, безмятежном, притаилась смертельная опасность. Маячили в зарослях кустарника едва видимые в ночи силуэты часовых. Время от времени ветер доносил приглушенный говор чего-то выжидавших гитлеровцев.

— Знаешь, куда нас шут занес? — В шепоте Сергея неподдельное изумление. — На тропу, что ведет во второй батальон. До нашего отсюда больше километра. Раньше чем через час Василия с подмогой нам не дожидаться.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Брать "языка".

— А не лучше ли одному из нас бежать во второй батальон или к артиллеристам? Сыграют там тревогу...

Пока мы решали, как поступить, гитлеровцы двинулись в направлении позиций артдивизиона. Мы следовали параллельно. Добрались до гребня малого, как мы его называли, хребта, поросшего кустарником и лесом. Впереди дозорные. Группа, в которой, по нашим уточненным подсчетам, было около тридцати человек, растянулась. Сергей досадовал:

— Дали мы с тобой маху. Там, внизу, надо было атаковать их. Теперь жди, пока соберутся.

Неожиданно где-то в стороне прозвучало "хенде-хох". Послышался детский плач. Затем старческий голос: "Мальчонку не трогайте, Бога ради".

— Фью-ю!.. Куда мы попали. В грузинскую деревушку!

Десятка домов, затерявшихся в уютной лесной ложинке, и днем-то не видно. Немцы отыскивали их ночью. Скорее всего, случайно наткнулись. Что нужно врагу от старика и мальчишки? Ах, вон в чем дело: немец на ломаном русском языке требует, чтоб старик кратчайшим путем вывел к артиллеристам. Мальчишку оставляют заложником. Новоявленного Ивана Сусанина вытолкнули вперед. Старик заупрямился. Потребовал, чтоб мальчишка был рядом. Немцы, посоветовавшись, согласились.

Группа осталась на месте. Дозор из четырех человек двинулся вслед за стариком и мальчишкой. Перевалили за гребень длинной горы. Камни погромыхивают под ногами. Возможно, старик нарочно повел врагов по каменной осыпи.

Вдруг в стане противника суета: проводник и мальчишка исчезли, найдя какой-то потаенный ход. Немцы бросились на поиски пленников. Один здоровенный солдат приблизился к кусту, за которым скрывались мы. Гладилин не выдержал. Оглушил его прикладом. Мы оттащили его в сторону, связали. Обрезав лямки вещмешка, приторочили пленного к дереву.

— Теперь не убежишь и не покричишь,— подытожил Сергей, закинув гитлеровцу в рот кляп.

У куста, где мы только что взяли "языка", тихо переговаривались двое. Обеспокоенные исчезновением солдата, они нервно топтались, не смея идти дальше. Удары прикладом свалили того и другого. Мы их также приволокли и привязали к дереву, под которым лежал связанный гитлеровец.

Гладилин сказал шепотом, довольный удачей:

— Офицер попался. Такой "язык" чего-то стоит.

— Старцеву давно пора быть здесь.

— Ночь... Могут нас не найти. Немцы, видишь, осторожны, не стреляют.

Послышался шорох. И тут же:

— Товарищи... Мы — свои.

Старик с мальчишкой?

— Откуда вы?.. Где были?

— В пещере отсиживались. Мы видели, как вы фашистов прикладами... Вам помогли. Один сунулся в пещеру. Я его камнем...

Старик протянул мне автомат, две гранаты и ранец, снятый с раненого гитлеровца.

Прошло не менее трех часов, как мы отправили Василия за подмогой. Не было ни его, ни бойцов. Это наводило на грустные

размышления. Открой мы огонь, гитлеровцы догадаются, что нас всего двое. Тогда и пленных нам не уберечь.

Оставив старика и мальчишку охранять немцев, мы опять стали наблюдать за группой. От нее отделились трое. Набрели на убитого стариком солдата. Один из них побежал назад сообщить о случившемся. Сергей вскочил, ударил прикладом того, который был поближе. Непроизвольно раздался выстрел. Теперь не имело смысла хорониться. Короткими очередями сразил обоих гитлеровцев.

Забрав оружие, гранаты, мы укрылись в зарослях меж валунов. Началось то, чего мы так не хотели до прихода подкрепления. Гитлеровцы, разбившись на группы по нескольку человек, двинулись в нашу сторону. Завязалась перестрелка. Не менее часа продолжалась она. Старцева и солдат все не было.

Как на грех один из пленных сумел избавиться от кляпа и заорал во все горло. Скорее всего, сообщил, что русских только двое. Немцы, осмелев, стали наседавать. Мы отстреливались, отбивались гранатами. Взрывались гранаты и близ того места, откуда вели огонь мы, часто меняя позиции.

Сергея ранило. Осколок угодил в правый бок и сильно кровоточило. Наскоро я перевязал товарища, оставил ему четыре гранаты, два трофейных автомата. Сам, продолжая менять позиции, вел огонь.

Рассветало. Легче стало наблюдать за противником. Но и мы на виду у атакующих. Гладилин, бледный, истекая кровью, продолжал отстреливаться. Три гранаты он уже израсходовал. Последнюю оставил на крайний случай. Мне напомнил: "Взгляни на пленных". Меняя в очередной раз позицию, я завернул в наш "тыл". Предупредил старика, не выпускавшего автомата из рук: "Если прорвутся немцы, пристрели этих и уходите с внуком".

— Не беспокойся, сынок.

Неожиданно было услышать сейчас, под пулями, в этом девственном уголке природы, опаленном войной, ласковое слово. Я обернулся:

— Как зовут тебя, дедушка?

— Сурен Аташвили, сынок. Здешний я. Приходи в гости.

Поблагодарил. А в голове до боли измучавшая тревога: "Где же Старцев? Почему шум боя не привлек внимания ни пехотинцев второго батальона, ни артиллеристов?" Сергею все хуже. Время от времени он терял сознание, просил пить.

Я уже не надеялся на благополучный исход истории, в которую мы попали из-за собственной беспечности, как стрельба усилилась. В стрекот немецких автоматов вписались сухие очереди наших. Наконец долгожданное "ура!". Первый, кого я увидел, был командир взвода младший лейтенант Владимир Сигида.

— Где Старцев?— спросил я его.

Оказалось, Старцев наткнулся в лесу еще на одну группу гитлеровцев. Немецкие разведчики заметили его, начали преследовать. Матрос вынужден был вступить в бой. Раненный в ногу, он с трудом добрался до своих, доложил обо всем. Командир роты старший лейтенант Камалов ликвидировал группу, обнаруженную Старцевым. И вот, наконец, пробилась к нам.

Обессиленный, я сел на землю. Жадно прильнул к протянутой кем-то из бойцов фляжке. До последней капли выпил воду. Перехватил из чьих-то пальцев зажженную самокрутку. Только после нескольких глубоких затяжек отступила гнетущая усталость, и я мог осмысленно воспринимать происходящее.

Косые лучи солнца купались в кронах деревьев, золотистыми бликами играли на листьях кустарника. Из ложбинки, где старик Аташвили и его внук всю ночь охраняли пленных, тянуло сыростью и прохладой. Наши автоматчики уже разрезали ремни и лямки, которыми мы привязали немцев к деревьям. Неподалеку солдаты, соорудив из жердей и плащ-палатки носилки, приготовились нести раненого Гладилина. На поляне, залитой солнцем, валялись несколько сраженных в бою гитлеровцев.

Мне стало не по себе от этой ужасной дисгармонии. Казалось, сама природа, изумительно красивая и сказочно чистая, протестовала, отторгала все то, что творили люди, лишая друг друга жизни. Земля славна брызжатежьем, обилием цветов, чарующим щебетом птиц, но не дыханием смерти. Хотелось сделать что-нибудь доброе для нее, ради нее.

— Пленным воды дайте, — вырвалось у меня. — Они еще ночью пить просили.

В сумерках мы пришли "домой", в батальон. Я доложил комбату о событиях минувших суток. Получив разрешение, отправился в свою роту. Небо на западе, теряя малиновый цвет, блекло, обретало желтовато-дымный оттенок. Дали, опаленные войной, настойчиво манили к себе, как бы зовя перейти от оборонительных действий к наступательным. Но и когда этот час настал, горизонт не утратил своей магической притягательности. Мы шли к нему, ломая жестокое сопротивление, теряя друзей, побратимов.

Наверное, предпочтительнее всего расстояние до горизонта измерять не километрами, а памятью тех, кто пробивался к нему сквозь смерчи огня и металла.

Память... Она и доселе выплескивает из глубин пережитого за годы войны то одно, то другое. Как бы заново вижу раздольный Южный Буг, куда после напряженных боев вышла наша дивизия. Зябко окунаюсь в туманную ночь над ним. Настороженная земля по обоим берегам реки и сама река, дремотная, расцвеченная отблесками трассеров, зеленоватыми вспышками осветительных ракет, медленно опускавшихся на парашютах, готовы взорваться страшным грохотом.

Войска с нетерпением ожидали сигнала форсировать водную преграду. Наконец берега выплеснули тонны снарядов, мин, свинца. Наш полк, преодолев кипевшую от взрывов реку, блокировал шоссе Хмельник — Калиновка в надежде обсохнуть после неласковой купели, перевести дыхание. Налет вражеской авиации, бомбежка, атака силами танков и пехоты не позволили даже обогреться дымком самокрутки. Но и в этот трудный час взоры бойцов устремлены были на запад, к горизонту — дымному, прокопченному, разрываемому взрывами орудий. Незримые нити, тянувшиеся к нему, вроде бы связывали бойцов с тем, что было отвоевано у врага, осталось позади и сказочным теплом обогревало сердца.

Не эти ли нити, думается мне порой, прибавляли нам решимости, отваги, поддерживая у нас стремление оправдать надежды земляков? И они, конечно! Издалека, с высоты минувших десятилетий, вижу старшего сержанта Абдулазиза Насимова, трогательно и поэтично высказавшегося за час до форсирования Днепра:

— Я живу около Самарканда. Речка Сияб течет возле моего дома. Днепр — большая река, Сияб — маленькая. Если мы изгоним проклятых фашистов с большой реки, это будет защитой многих маленьких.

Изгнали, пошагали навстречу манящим далям. И тут, на западном берегу Южного Буга, угрожающе приблизился пылающий горизонт, едва ли не вплотную подступив к полку, вынужденно перешедшему к обороне. Атака следовала за атакой. Танки утюжили передний край обороны, грозя смять подразделения. Спасибо батареям артиллерийского полка. Пробив брешь в кольце окружения, они словно далеко на запад отодвинули горизонт.

Под ударами артиллерии, танков нехотя враг откатывался назад. Но словно боясь темноты и мстя за отступление, гитлеровцы подожгли село. Пылавшие хаты ярко высветили все окрест. Особенно, как нам казалось, боевые порядки наступавших. Можно подумать, не пулеметы, не вражеские батареи изрыгали нам в лицо раскаленный металл, а горизонт, не успевший отодвинуться во мраке ночи. И вроде бы только он сдерживал благородный порыв освободителей.

Артиллеристы выкатили орудия, повели огонь прямой наводкой. Танки, одолев проходы в минном поле, смяли гусеницами батарею противника. Однако вражеская пехота продолжала удерживать оборону, дралась отчаянно. Из оконных проемов зданий, с чердаков били пулеметы. Угловой каменный дом на возвышенном перекрестке улиц, изрядно пострадавший от снарядов, все еще оставался труднодоступным дотом. Из подвала хлестали пулеметные и автоматные очереди. Груды щебня вокруг не давали возможности артиллеристам послать снаряд в цель. Не подобраться к дому и на бросок гранаты.

Командир пулеметной роты капитан Грачев приказал мосму отделению подавить огневую точку. Два пулемета били по узким, едва видимым за горами битого кирпича зарешеченным окнам подвала. Под прикрытием огня "максимов" трое смельчаков — Селиванов, Садык Омаров и Махмудов поползли к злосчастному дому. Забросали его гранатами, ворвались в подвал. Вскоре вывели оттуда пленных — раненого офицера и солдата.

— В подвале пятеро убитых, — доложил Махмудов.

С Махмудовым, попавшим в полк недавно, нас связывала дружба особенная. На привале, решив перекусить, мы расстелили плащ-палатку, вскрыли банку тушенки. Махмудов, доедая бутерброд, вдруг усмехнулся хитровато:

— Вижу, Анатолий, ты меня не хочешь узнать. На Сапун-горе тебя ранило и меня. Под Севастополем, помнишь? Ты юнгой нашего батальона был...

Я долго не мог вспомнить. И вдруг озарение: комиссар Ехлаков, сам раненый, втаскивает на борт лидера "Ташкент" матроса.

— Шахоб, ты?

— Ну да, я.

Бывают же счастливые мгновения! Одно из них мне подарил ты, Махмудов. Спасибо!

Мы свою задачу выполнили. Надо догонять ушедшие вперед роты. Вид пленных, попытка узнать у них что-то важное для нас задерживают. У офицера осколком гранаты пробита голова, пулей раздроблено плечо. Ранен и Селиванов. Осколок чиркнул по шее, оставив неглубокую борозду. Но кровью залиты ворот, перед гимнастерки. Санинструктор Вера перевязала Селивановскую рану и принялась за гитлеровца. Он, поскрипывая зубами, молча переносил боль.

Где-то впереди, на окраине села, утихла стрельба. Подразделения наши закреплялись на отвоеванном рубеже.

— Вряд ли он долго протянет, предупредила санинструктор, кивнув на пленного. — Рана в голову опасная. Если нужно допросить, поспешите.

Я приказал Селиванову и Омарову доставить немцев начальству. Кстати, КП батальона еще не успел продвинуться вслед за ротами.

Солдаты догнали нас на подходе к передовой. Оба негодовали:

— На кой черт мы взяли этого фрица в плен?! Надо было пристрелить на месте такую гадину! Там местные женщины чуть не задушили его. Видели, как он наших пленных пытал и убивал. Над женщиной из этого дома издевался. Двоих ее детишек застрелил.

— Разберутся в штабе да пустят в распыл.

— Не пустят! Начальник разведки дивизии приказал медикам лечить его. Важный фриц оказался.

— Черт бы его побрал!

Подтягивались к передовой группы бойцов, вероятно, как и мы, уничтожавшие очаги сопротивления, а потому оставшие. Навстречу брели раненые, способные самостоятельно добраться до медсанбата. Над землей, сплошь в оспинках воронок от гранат и снарядов; над селом, обугленным, по-вдовьи печальным, стоял удушливый запах гари, неподвластный легкому утреннему ветерку. Солнце, выплывшее из-за черневшего вдаль леса, хмуро взирало с туманного небосвода на эти уродливые шрамы войны, на трубы вражеских вояк, еще не убранные бойцами похоронной команды.

Из одной полуразрушенной хаты выбежал солдат. Закричал истошно:

— Братцы, сюда! Скорее...

Мы бросились на этот зов. И оцепенели от увиденного. Посреди комнаты, привязанный за руки к крюку, на который в селе принято вешать детскую люльку, висел обнаженный человек. Голова его бессильно упала на грудь, всю исполосованную ножами.

— Да не стойте же... Помогите снять парня! — распоряжался все тот же солдат. — Докторов сюда!

Возле хаты собралась толпа. В глазах у воинов боль, гнев, презрение к палачам, жажда мести. Мученика, бездыханного, с едва ощутимыми признаками жизни, бережно завернули в плащ-палатку, отправили в медсанбат. Не хотелось ни разговаривать, ни обсуждать случившееся. Перед глазами маячила истерзанное, подвешенное за крюк тело человека, пятиконечная звезда, вырезанная на груди и меж лопаток, белое, как мрамор, лицо...

Смерть всегда ужасна. Даже на войне, где ежечасно гибнут люди, к ней привыкнуть невозможно. Но что смерть в сравнении с подобной жестокостью!... Не один я был под впечатлением трагической сцены. Вечером, сменившись с поста и устраиваясь на отдых, Махмудов произнес задумчиво:

— Говорят, в Коране сказано: "В судный день чернила ученого перевесят порох воина".

— Не знаю, Шахоб, что будет в судный день. И в аду нет таких пыток, какие здешние палачи применяют.

Младший лейтенант Владимир Сигида с печалью в голосе поддержал беседу:

— Сегодня я тоже видел ужасное. Иду из штаба. Вижу, детишки играют. Мальчонка лет шести, две девочки. Играют возле землянки. мальчишка железкой роет ямки. Девчонки кладут в них щепочки. Закапывают. Хоронят "теток" и "дядек". Мальчонка ставит на могилки крестики из лучинок и прутиков. "Теперь большую могилу копай, — потребовала девочка. — У меня вон сколько мертвых"... Целое кладбище у входа в землянку. Такие, братцы мои, нынче игры у детей. Кем станут эти мальчишки и девчонки после войны? Излечатся от нее, проклятой?

Загадочно-манящим был пылающий горизонт, к которому мы стремились. Его мы видели, к нему шли. Зато неведомым оставался горизонт призрачный, о котором истомилась душа и к которому нам предстояло идти после окончания войны. Мечта "Дожить до Победы!" — исполнилась далеко не у всех: редкий бой обошелся без потерь. Едва ли не в каждом населенном пункте, отбитом у врага, осталась братская могила — последнее пристанище какого-то числа освободителей.

Немало их покоится и в древнем Коростышеве, городе на реке Тетерев, превращенном фашистами в хорошо укрепленный опорный пункт обороны на подступах к Житомиру. Вот где земля была нацпигована минами! Гитлеровцы взорвали мост через Тетерев — лед на скованной февральскими морозами реке. Подступы же к ней превратили в сплошные минные поля.

Мы переживали за саперов. Им выпало на лютном холоде, под интенсивным огнем обезвреживать мины. И когда они завершили свой каторжный труд, вся дивизия знала имена героев. Моя память сохранила только две фамилии: гвардейцев Чабаяна и Иващенко. Более трехсот обезвреженных мин оказалось на их счету.

Работая среди ледяного крошева, по шею в воде, саперы наводили переправы. Здесь они потеряли своего комбата. Командование подразделением принял на себя старший лейтенант Погибельный. В помощь ему, еще молодому офицеру, командир полка Лапшин направил капитана А. Сухорукова.

В лицо первой волне автоматчиков, пулеметчиков, бронебойщиков, преодолевших неласковый Тетерев, мела свинцовая пурга. На южной окраине Коростышева, где в составе стрелкового батальона действовал наш пулеметный взвод, гитлеровцы пытались силами танковой роты и пехоты вернуть утраченные позиции. Не будь четкого взаимодействия с артиллеристами, вряд ли удалось бы нам отбить мощную контратаку. Гаубичная батарея гвардии капитана Литвина точным огнем расстроила боевые порядки неприятеля. Орудийный расчет гвардии сержанта Сычева, подпустив противника на дальность прямого выстрела, сорвал его дерзкую попытку ударить во фланг.

Более двух часов продолжалась жестокая схватка. Противник отступил, бросив на поле боя пять догоравших танков, множество трупов. Однако город он оставил только к утру 28 февраля, не выдержав хорошо организованного наступления и мощных ударов наших войск.

Можно было предположить, что путь на Житомир свободен, что на завтра мы осилим тридцатикилометровое расстояние до него и начнем штурм города, вернее, разгром его глубоко эшелонированной обороны. Однако пробивались к Житомиру почти два дня. Целые сутки длился бой на рубеже сел Стрижевка и Калиновка. А когда наконец передовые части вышли к Житомиру, то увидели его

окутанным дымом, пылающим. Фашисты жгли дома, уничтожали: культурные ценности, грабили жителей.

Население, истомившись в неволе, радостно, со слезами на глазах, встречало освободителей. Вместе с нами люди оплакивали погибших в боях. Именем павшего в жаркой схватке гвардии майора Жуйко, батальон которого первым ворвался в город, была названа одна из житомирских улиц.

Война не щадила ни солдат, ни командиров, ни мирных жителей. Перед моим взором и сегодня те Британы, которые довелось увидеть в суровую годину. Нскогда изумительно красивое село было обезображено огнем, снарядами. Жители переселились из хат в подвалы. За это село и разгорелся бой. После мощного артиллерийского налета противник бросил танки. Наша пехота, не успев как следует закрепиться на данном рубеже, не получив пополнения, мужественно отбивала атаку. Но таяли силы. Гитлеровцам удалось вклиниться в наши боевые порядки, потеснить роты. В эту пучину смерти ринулся сам командир полка. Майор Титов личным примером отваги поднял двух солдат. Полк выстоял. Но лишился своего командира. Лейтенант и солдат вынесли его, безжизненного, из крошечного ада, чтобы в минуты затишья похоронить со всеми воинскими почестями.

Таким был наш путь на запад, к пылающему горизонту. Путь, вобравший в себя подвиги тысяч героев, из которых немалая толика осталась безымянными, как Неизвестный солдат у Кремлевской стены. Путь, вынуждавший человека в шинели менять боевые профессии: солдат — командовать взводами, даже ротами; офицеров — сражаться в роли рядовых. Никто не удивлялся этому. Знали: так надо.

Понадобилось — юная Рахима Алимова, медсестра из Бухарской больницы, ставшая на фронте санинструктором стрелковой роты, заменила в критический момент погибшего пулеметчика и отразила опасный демарш гитлеровцев. За 27 дней боев девушка вынесла 97 раненых. Ходила она и на задания с разведчиками.

При сборе материала для книги мне посчастливилось найти бесценный документ военной поры — письмо командира полка Савина, адресованное на родину Алимовой. Вот выдержки из него: "...Нсоотлучно находясь в боевых порядках стрелкового батальона, Рахима не раз действовала как рядовой боец, своей инициативой и смелостью воодушевляя других на ратные подвиги.

Однажды, находясь с группой разведчиков в расположении противника, Алимова в завязавшейся перестрелке уничтожила несколько гитлеровцев.

За бесстрашие и мужество, проявленные в боях, Рахима Алимова награждена орденом Красного Знамени и медалью "За отвагу".

Все верно в этом послании с фронта, хотя о подвигах девушки из Бухары сказано сухо, официально, сдержанно. Но не до сочинительства было фронтовому командиру. Спасибо и за то, что

выкроил он время, сообщил в далекую Бухару, как бьет врага скромная девушка, медсестра по профессии, патриот по характеру, герой по призванию и поступкам.

Великая наша Победа над фашизмом соткана из титанического труда миллионов людей на фронте и в тылу, из неисчислимых затрат материальных и человеческих ресурсов великой державы, не знавшей национальных предрассудков и распрей, и, конечно, из подвигов. Они немеркнущие лучи ее, гасившие пламя пылавшего горизонта и освещающие путь тем, кто сегодня в армейском строю.

ГЛАВА 2

ВОЕВАЛИ КАК НАДО!

Наступление подчас мысленно сравниваешь с тугой и мощной пружиной, способной все смести на своем пути. До предела сжатая и отпущенная, она резко увеличивается в размерах. Но достигнув предельной своей величины, истратив потенциальный заряд энергии, бессильно замирает. Так стремительное продвижение наших войск вдруг словно уперлось в глухой тупик и застыло, требуя всех видов подкрепления. Нам, оглохшим от грохота боев, одурманенным удушливой гарью взрывов, казалось, что война бушевала не только на истерзанных просторах родной стороны, но что ею окантован весь земной шар. И вынужденная остановка на пути к пылающему горизонту, переход к обороне лишь для того, чтобы перевести дух, оглядеться, запечатлеть в сознании суровые картины крупномасштабного истребления людей, того, что создано их руками. Даже страдавшаяся природа по-своему оплакивала творимое противоборствующими армиями. Метели колючими космами заметали все окрест. Деревья то стояли в изумительно красивом серебряном наряде, то словно мистические животные несли на ветвистых рогах хлопья тумана.

Однако сознание редко фиксирует красоты природы. Фронтникам, вдосталь понюхавшим пороху, известно: передний край обороны — это работа и жизнь на грани смерти. Люди зарываются в землю, живут в окопах, обледенелых в морозную непогоду, залитых потоками талой воды в оттепель, удушливо-пыльных в летний зной; подвергаются бомбежкам и артогням. Сами же открывают огонь лишь по приказу, дабы не демаскировать сосредоточения своих сил и расположения огневых средств. Чем ближе к противнику, тем эта грань острее и опасней. Она подищим взором вражеских наблюдателей является искушением для его разведки, снайперов.

Поэтому когда в официальных сообщениях от Советского Информбюро утверждалось, что на "остальных участках фронта существенных изменений не произошло", то это вовсе не означало, будто на переднем крае оборонявшихся войск царил безмятежная тишина и покой. Здесь постоянно шла охота. Немцы вели поиск

с целью захвата "языков", добычи важных для себя сведений. То же самое делало наше командование, верное извечному кредо: "Без разведки — ни шагу".

Но разведка — не романтика, не развлечение. В ней кто кого перехитрит, чьи нервы крепче, чья сноровка лучше, тот и в выигрыше.

На самом остром символической грани наша дивизия оказалась в середине января 1944 года. Заняв оборону на границе Житомирской и Винницкой областей, она после долгих и упорных боев: вроде бы получила передышку. Но то и дело на переднем крае завязывались кровопролитные схватки, вспыхивали перестрелки с той и другой стороны, предпринимались атаки, контратаки, в которые вязывались роты, батальоны и даже полки.

Моему пулеметному взводу было приказано занять позиции близ расположения артиллерийского дивизиона, чтобы при необходимости отразить атаки врага.

Местность оказалась сильно пересеченной, лесистой. Противник мог воспользоваться этим, скрытно просочиться в расположение наших подразделений. Пехотинцам, особенно нам, пулеметчикам, надлежало держать ухо востро. Я то и дело проверял, как несут службу наблюдатели. Покоя расчеты не знали ни днем, ни ночью. Огнем пресекали попытки врага что-то выведать. Были среди пулеметчиков отличившиеся. О них писала наша "дивизионка".

Однажды в наш окоп "ввалился" уже знакомый пулеметчикам корреспондент Аркадий Альтшуев. Еще издали пробасил:

— Сегодня я вас беспокоить не стану. Вот корреспондент армейской газеты капитан Попов хотел бы с вами познакомиться. Примете?

Капитан Попов, худощавый, подтянутый, с крупными, можно сказать, непомерно крупными чертами лица, почему-то располагал к себе. Что ж, порой и в некрасивом внешне человеке сразу подмечаешь свет неотразимой красоты. Она располагает к этому человеку, покоряет:

— Гостям всегда рады. Не каждый день нас навещают журналисты армейской газеты.

— Спешим к артиллеристам. Поработаю у них, загляну к вам. Лады? Проводите нас в дивизион?

— Есть проводить!

Командир дивизиона встретил журналистов приветливо. Кратко проинформировал о том, кто из воинов отличился накануне и о ком следовало бы написать. Однако настойчиво просил "гостей" поскорее оставить огневую позицию: немцы пунктуальны и вот-вот могут начать обстрел. Корреспондент армейской газеты не уступал:

— У меня задание написать о вашем дивизионе. Хочу увидеть своими глазами, как воюете.

— Опасно, товарищ капитан. Жизнь рискуете. немцы могут предпринять очередную атаку. Прикрытие у нас... жиденькое. В основном только эти пулеметчики...

Командир дивизиона кивнул в мою сторону.

— Я не первый день на фронте. Прятаться за спины бойцов не обучен.

Мне понятно было беспокойство командира дивизиона. Но подкупало и упрямство журналиста.

Беседовать с воинами корреспондентам довелось самую малость. Налетели вражеские самолеты. "Юнкерсы", приняв боевой порядок, обрушили бомбовый груз на траншеи, занятые пехотой, на артиллерийские батареи. Я умчался к своим расчетам и, прыгнув в окоп, наблюдал за адской каруселью в сером небе. "Юнкерсы" ходили по кругу, пикировали, сотрясая воздух ревом моторов. Острый режущий свист бомб надрывал душу. От многочисленных взрывов бомб с брустверов скатывались комья промерзшей земли. А сама она, словно живая, вздрагивала от демонических ударов.

Першило в горле. Едкий дым забивал легкие. Бомбы продолжали падать — справа, слева, где-то впереди. И если в обычном бою время быстротечно, мгновения спрессованы, то под бомбежкой минуты кажутся вечностью. Сама ситуация до жути противна. Даже у тех, кто привык к свисту бомб и снарядов, мурашки по коже. А как там армейский корреспондент? Выдержит?

Мелькнула мысль и затерялась. Нечто более важное отгеснило ее, погасило, выветрило. Нас, оглохших от взрывов, наблюдатели, должно быть, оповещали об опасности. Только мало кто среагировал на призывное "К бою!" Тут умей ползай, если хочешь ходить. Пришлось ползти через завалы в траншеях. Я прсерверил готовность моих пулеметчиков к ведению огня.

Сразу отлегло от сердца: расчеты потерь не понесли, оружие исправно. Работа предстояла серьезная. Семь танков подминали гусеницами почерневший, искрапленный разрывами бомб снег. За танками следовали цепи автоматчиков.

Почему медлят артиллеристы? Противник на расстоянии прямого выстрела. Орудия молчат. Неужто и они оглохли от бомбежки?... Танки, издали казавшиеся крошечными, почти игрушечными, постепенно обретали свою реальную величину. Устрашающе поводя стволами пушек, изрыгали снаряд за снарядом.

Судя по тому, что за танками наступало не более батальона пехоты и действия были весьма шаблонными, противник предпринимал разведку боем. Цель ее понятна: выявить огневые средства и уязвимые места в обороне наших войск и, конечно, захватить пленных. Артиллеристы встретили врага интенсивным огнем. Огневой вал отсек и уложил в снег пехоту. В очередной раз шаблон, стандартное мышление обрекли противника на неудачу. Впрочем, гитлеровцы, возможно, и не преследовали более значимую цель: своей вылазки, как эта: что-то разведать в обороне русских. В

таком случае слишком высока цена авантюры. Два танка из семи запылали, не успев преодолеть каких-нибудь трехсот метров, оставшихся до траншей, удерживаемых нашими стрелковыми ротами. Два маневрируют, не смея приблизиться. Но три прорвались в боевые порядки обороняющихся и яростно утюжили окопы.

Жизнь, как известно, соткана из поступков и действия. Кто-то из солдат удачно швырнул под гусеницу гранату, и грозная махина остановилась. Подстать тяжело раненному зверю, она в ярости продолжала метать громы и молнии. Экипаж отстреливался, не рискуя выбраться через люки наружу и не подпуская близко к себе советских бойцов.

Уцелевшие в схватке танки, посчитав свою миссию завершенной, пятясь и ведя огонь, отошли, затем, развернувшись, скрылись за холмами. Отступила и пехота, которой так и не удалось приблизиться к нашим позициям.

Бог весть, какими потерями в живой силе отделались гитлеровцы. У нас они от бомбежки и огня танков оказались ощутимыми. Военфельдшер Шарипов и санитар Худайбердыев, оба почерневшие от копоти, разгоряченные, в запятанном кровью обмундировании, будто из самого сердца выплеснули наболевшее:

— Мало "своих" раненых, так еще и "гостей" пришлось эвакуировать.

— Каких гостей?

— Корреспондентов. Обоих накрыло снарядами. Не знаю, выживают ли... Капитан из армейской газеты — молодец! От артиллеристов к пехотинцам перебрался. А там ротного убило. Ну он, старший по званию, принял командование... Водовозов, пойдешь к начальству на доклад, передай там планшетку корреспондента.

— Давай.

Раскрыл я блокнот из планшетки. Тот, который видел в руках капитана Попова. В нем торопливые, вкривь-вкось легшие карандашные строчки:

"Бой кипел не на жизнь, а на смерть. Три фашистских танка горят, коптят небо. У артиллеристов между станин орудий куча гильз. Здесь же раненые, отказавшиеся идти в тыл..."

На следующей странице такие же неровные строки: "Танк пугает пехотинцев своей массой металла и огня. Но его судьбу решать нам с вами, дорогие солдаты. Жить ему или не жить — зависит от нас, от нашей силы воли, сноровки. Помните об уязвимых местах вражеского танка. Вспомните, как надо вести себя, вступая в поединок с грозным стальным чудовищем. Я еще не знаю ваших имен и фамилий, дорогие пехотинцы. Я впишу их после боя. А пока вижу: все вы — герои!"

Трудно сказать, как выглядел бы репортаж в газете. Но черновые наброски более походили на душевную беседу опаленного войной старшего товарища с младшим, а потому волновали, брали за живое. Я собрал пулеметчиков. Рассказал им о недавней встрече

с военным корреспондентом. Прочитал строки, которым, к сожалению, не суждено было попасть в газету.

Рядовой Бородкин потянулся к блокноту.

— Разрешите, товарищ лейтенант.

Прочитал странички про себя, потом вслух.

— Братцы, давайте отправим эти листки в Москву, передаче "Слушай, фронт!" Напишем, что знаем про журналиста и как все случилось.

— Ну и что? — засомневались пулеметчики. — Часто ты слушаешь эти передачи? Черт знает, для кого они. В окопах радио нет.

Откровенно говоря, мне нравились передачи Всесоюзного радиокомитета, специально предназначенные для бойцов, командиров и политработников действующей армии и флота. Пока я находился на излечении в госпитале, то видел: в 19 часов с четвертью все, кто бродил по территории, спешили в палаты. Спешил и я, чтоб послушать новости, строки из писем, песни в исполнении известных артистов. Но за все годы пребывания на передовой ни о каком "Слушай, фронт!" и слухом не слыхивал. Поэтому к предложению Бородкина отнесся скептически. Виду, правда, не подал. Более того, поддержал солдата:

— Сумеешь, Виктор, изложить все грамотно, убедительно?

Вряд ли стоило задавать этот вопрос. У Бородкина среднее образование, добрый характер. Он отзывчив на чужую боль и беду. Привлекает к себе внимание какой-то особенной, загадочной, что ли, мудростью и упрямством. В одной из освобожденных деревень Виктор отыскал в погребе мальчишку лет десяти, осиротевшего и одичавшего от постоянного страха. Тронутый убогим видом пацана, Бородкин принялся уговаривать меня: упрсите, дескать, командира, пусть разрешит усыновить мальчонку, сделать его сыном полка. Кое-как согласился Бородкин отдать своего подопечного девчатам из банно-прачечного отряда.

Война, как говорится, испытывает хабреца, гнев — мудреца, нужда — друга. Глядя на Бородкина и подобных ему солдат, можно было спорить с учеными, утверждавшими, будто война истощает физические силы и психику людей, делая их нравственно ущербными. Действительно, человек в горниле испытаний способен утратить терпение, выдержку, обрести жгучую ненависть к врагу, при которой руководствуется одним-единственным желанием — убить неприятеля.

И все-таки дар человеколюбия неистребим. Мне доводилось видеть девушек, вконец озлобленных, затравленных невзгодами войны, неистовых в ярости к врагу, собственноручно истреблявших солдат противника, живших, вроде бы, одним-единственным чувством мести. Но с каким состраданием относились они к раненым немецким солдатам! Сколько терпения и сердечности проявляли, ухаживая за больными, обмороженными, потерявшими человеческий облик военнопленными!

Прибывшая в нашу часть из 7-й бригады морской пехоты санинструктор Вера Шумнова удивляла нас хладнокровием в бою, отвагой. Думается, закалили характер миловидной девушки испытания в осажденном Севастополе, бои на Кавказе, десант на Малую Землю. Через все это прошла она, пережив и личные трагедии. Война отняла у Веры родителей, любимого человека, оставила отметины на ее теле (несколько раз она была ранена). Однако не лишила война главного качества Веры — человечности. В одном из недавних боев она вынесла с передовой нескольких раненых и смолочно уложила из винтовки двоих гитлеровцев, пытавшихся взять ее в плен. Обнаружив опасность, санинструктор выхватила винтовку из рук тяжело раненного солдата и почти в упор расстреляла обоих фашистов. После этого вынесла "своего" раненого. Вернулась на передовую и увидела, что один из гитлеровцев подавал признаки жизни. Чувство милосердия оказалось превыше благородной ненависти к врагу. Санинструктор оказала первую медицинскую помощь солдату вражеской армии. Не отчитай ее взводный, могла бы вынести сраженного ею гитлеровца в тыл. Впрочем... Помощи ждали раненые наши бойцы. Вера сделала перевязку одному-другому, как осколком мины подкосило взводного Сергея Капина. Вера бросилась к нему. Уже оттащила было лейтенанта в безопасное место, как шальная пуля настигла ее самоё.

Что ни говорите, а именно от любви к людям просыпается душа человека, проявляясь в ярких делах и поступках. Изумительнейшим, на мой взгляд, нравственным качеством наших солдат и командиров была готовность к самопожертвованию. Блистательной легендой в священную историю войны с фашизмом вписались подвиги Александра Матросова, его предшественников и последователей. Обессмертил свое имя и наш однополчанин помкомвзвода: Павел Иванович Костенко, уроженец Кривого Рога.

Подвига не будет, если для этого у человека недостает духовных и физических сил. Природа щедро одарила ими Павла. Воевал он храбро. Поблескивали на его груди орден Славы III степени и медаль "За отвагу".

11 января 1944 года, сразу после интенсивной артподготовки, нам удалось ворваться в траншеи противника. Но в глубине вражеской обороны сильный пулеметный огонь из дзота вынудил атакующих залечь. В такие мгновения неординарные сложнейшие проявления человеческого духа. Неоценимо было и решение Павла Костенко во что бы то ни стало уничтожить пулемет. Помкомвзвода сам пополз к дзоту. Швырнул гранату. Последовал взрыв. Пулемет продолжал строчить. Тогда с возгласом "За Родину!" Костенко бросился на амбразуру, тем самым дав роте возможность уйти из-под губительного свинцового ливня.

Несколько позже, 16 мая 1944 года, указом правительства отважному патриоту посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Разведка босм, как видно, не принесла гитлеровцам каких-либо ощутимых результатов. Стремясь добыть нужные сведения, они каждую ночь засылали разведгруппы. Чем-то, вероятно, привлек их внимание участок нашей обороны, в глубине которой находился артдивизион. На исходе глухой и студеной январской ночи пулеметчик Махмудов обнаружил скрытно продвигавшихся в кустарнике гитлеровцев. Открыл огонь, чем, кажется, навлек на себя "гнев" вражеской минометной батареи. В расчете Махмудова убит осколком второй номер. В другом пулеметном расчете ранило рядового Володина. Но не упустить же противника, едва не проникшего в наше расположение! Кажется, весь мир сузился для нас на крохотном пятачке заснеженного кустарника, где скрывались немецкие разведчики.

Огнем из пулеметов мы прижали гитлеровцев к земле, вернее, вынудили их зарыться в снег. Махмудов метнул туда гранату. У двоих немецких разведчиков явно сдали нервы от безысходности. Привстали с намерением ускользнуть. И тут же упали, сраженные очередью. Третий успел отползти несколько метров. Санинструктор Вера Шумнова из автомата прикончила его.

Махмудов вызывается отсечь пути отхода тем, которые еще живы. Вместе с рядовым Омаром Садыковым они поползли к гитлеровцам: те одеты в маскхалаты, едва различимы на снегу, а наши хорошо заметны. Для острастки даю очередь поверх голов, чтоб не посмели враги открыть огонь по Махмудову и Садыкову. Уговаривали непрощенных гостей недолго. На требование сдаться они отбросили автоматы и подняли руки. За исключением одного, раненного в голову и потерявшего сознание. По тому, с какой робостью и с каким чинопоклонством отзывались о нем пленные, можно было понять, что этот фриц — важная птица.

— Спроси, Вера, кто он?

Шумнова, сносно говорившая по-немецки, перевела мой вопрос. Оказалось, немецкое командование, разгневанное неудачами последних дней, потребовало любой ценой добыть данные о советских войсках. Начальник разведки дивизии приказал своему заместителю лично возглавить одну из групп поиска.

Один из пятерых пленных, раненный в плечо, словоохотливый и как бы подобревший после того, как Вера перевязала его, заявил вдруг, указывая на офицера: "Вы его не лечите. Потому что все равно его расстреляете".

— Почему так думаете?

— Он плохой человек. Вчера сам убил двоих русских детишек. Одного, совсем маленького, на глазах у матери ударил головой о стену.

У Веры опустились руки: "Не буду оказывать помощь такому зверю. Пусть подыхает".

— Нет, Верочка. Все сделай, чтоб он выжил. Отправим в штаб. Там разберутся.

Немец после оказанной ему первой медицинской помощи пришел в себя. Спрашиваю его: "Говоришь по-русски?" Пролетел что-то невразумительное. Затем повторил более отчетливо.

— Говорит, согласен отвечать только на вопросы старшего офицера, а не какого-то лейтенанта.

— Расстрелять его на месте! — вспылил Махмудов. — Такая гнида! Подавай ему старшего офицера!

— Ладно, Махмудов. Может, пригодится нашему командованию эта гнида.

— Палач проклятый! — с дрожью в голосе произнесла санинструктор. — Своими бы руками его задушила!

— погоди, Верочка, душишь. Чувствую, он располагает важными сведениями. Выколотишь бы их из этой мерзкой душонки да расстрелять!

— Если знает что-то важное, то выторгует себе жизнь, — с отвращением заключила санинструктор. — Посмотрите на него. Нечистую совесть глаза выдают.

— Верно заметила фрау-солдат, — нагло ухмыльнулся немец, неожиданно для нас заговорив на чисто русском языке. — Хорошему товару своя цена. Вот вам аванс: скоро мы перейдем в наступление. Когда? Об этом и у нас известно очень немногим.

— Ведите его, Махмудов, в штаб. Предупредите, что он говорит по-русски. И про его зверства не забудьте сказать. Этих мы тоже отправим.

Махмудов из простой многодетной дехканской семьи, озаряемой светом любви и согласия. Возможно, именно этот мирок любви пробудил и укрепил в нем оптимизм, жажду справедливости и способность быть там, где он всего нужнее. По натуре Атабек весельчак и остролов. При случае сыплет анекдотами, афоризмами. Ошибки сослуживцев и командиров осуждает по-народному метко. Лектору из политотдела, пытавшемуся оправдать некоторые просчеты и заявившего, что на ошибках, мол, учатся, возразил:

— У нас в кишлаке говорят: брадобрей и тот своему ремеслу на чужой голове учится.

В кругу товарищей он сыплет перлами народной мудрости. Вроде таких, например: "Если соседи хороши, то и хромая дочь замуж выйдет", "В горе и из глаз слепого слезы текут". Подскользнулся Селиванов, упал, пробираясь к окопу, Атабек прокомментировал: "Насреддин упал с ишака, ушибся и сказал с укоризной: Зачем же так? Я и сам бы слез".

На Махмудова во всем можно было положиться. И теперь ему задание: срочно доставить в штаб фашиста.

Махмудов и Селиванов, легко раненный в шею, увели офицера.

Остальные пленные, зная о творимых им зверствах и уверенные в том, что, выдав военные секреты, негодяй выторгует себе жизнь, шумно выражали свое негодование.

— Сообщите вашим начальникам: другую группу повел за "языком" друг этого офицера, Гутман. Вчера он над матерью детишек издевался. Бил, топтал ногами. Двух ваших солдат раненых допрашивал. Тоже бил. Потом одному солдату отрубил руку, отрезал уши. А этот, из дивизии, стрелял в них из пистолета по нескольку раз.

У Веры потемнело лицо. В глазах ненависть.

— Поймать бы еще и того Гутмана! Да казнить...

Старший сержант Сегида успокаивал девушку.

— Не мы, так кто-то из наших захватит того Гутмана. От кары ему не уйти! Да, теперь нашему командованию срочно потребуются толковый "язык". Будет работенка разведчикам! — как бы вслух размышлял Сегида.

— Еще как нужен "язык"! — согласился я. — Чтобы проверить данные, которые сообщает "гнида".

О возможном проникновении группы неведомого нам Гутмана в расположение нашей дивизии были предупреждены все подразделения. В ту же ночь ушли за "языком" три группы наших разведчиков. Не совсем удачной оказалась "охота". Группа младшего лейтенанта Казыбаева попала в засаду и, понеся потери, лишь чудом пробилась к своим. Вторая группа, также потеряв троих солдат, вернулась ни с чем. И только третьей чуточку повезло, добыла пленного. К огорчению начальника разведки, пленный не располагал сколько-нибудь ценными данными. То, что интересовало наше командование — срок намеченного немцами контрнаступления, гитлеровцы хранили за семью замками. Издержки последних дней заставили их быть предельно бдительными.

О Гутмане и его группе поиска все еще ничего не было известно. Словно сквозь землю провалилась. Пленный негодяй-офицер, спасая свою шкуру, уверял, что Гутман, опытный разведчик, исполнительный служака, с пустыми руками не уйдет. Обязательно добудет "языка". Где же он, этот проклятый Гутман? Ищет лазейку.

Он нашел ее аж двое суток спустя! Долготерпению немца позавидуешь: в мороз, под носом у русских он выжидал, искал возможность проникнуть в расположение "облюбованного" им подразделения и захватить пленного. Война, видимо, всерьез обкатала, обточила этого профессионального разведчика с задатками палача и убийцы, начисто лишила его нормальной человеческой психики. На третьи сутки, вечером, Гутман и его подручные схватили возле полевой кухни зазевавшегося старшину и поволокли его, оглушенного прикладом, в свое логово — крохотную землянку, устроенную в глубокой воронке от авиабомбы и тщательно замаскированную.

Тихо, без выстрелов, никем не обнаруженные, они решили переждать суматоху, начавшуюся после исчезновения старшины и обнаруженных следов схватки. Обнаружил неприятеля рядовой Шанин. Да и то совершенно случайно, как бы интуитивно, уже

утром. Среди белесо видневшихся веток дорог и тропинок, протоптанных в снегу, его внимание привлекла цепочка следов, убежавших в гущу кустарника. Следы виднелись и в других местах. Но взор наблюдателя приковала именно эта цепочка. Солдат поделился своими подозрениями с товарищами. И что же, в стувившихся вечерних сумерках воины заметили какие-то фигуры. "Призраки" в белых маскировочных халатах едва различались на снегу. Тенями мелькнули они в зарослях кустарника и пропали в снежном покрове. Две группы наших бойцов, зайдя с противоположных сторон, отрезали гитлеровцам путь отхода. Немцы, поняв, что окружены, внезапно открыли огонь, намереваясь во что бы то ни стало пробиться к своим. Взлетела в хмурое небо ракета и тут же немецкая артиллерия обрушила на наш передний край десятки снарядов.

Одной из групп командовал я. В ответ на лютую стрельбу вражеских разведчиков я дал длинную очередь из пулемета, заменив раненого Свиридова. Тут вижу, выронил автомат из рук рядовой Стурцев. Махмудов, перевязав Свиридова, подполз к Стурцеву, известил глухо: "Скончался".

Нервы у противника на пределе. Он уже не осторожничал, не скрывал намерения пробиться к своим, даже оставив на поле боя половину группы. Лишь бы "языка" не потерять! Действовали немецкие разведчики дерзко: отстреливались, отбивались гранатами. На передовой у нас клокотали разрывы. Вражеские батареи на снаряды не скупилась.

К нам на помощь подоспел командир разведгруппы Гусев:

— Прицельного огня не вести. Надо захватить их живыми, — потребовал он.

"Взять живыми!"... Легко сказать. Враг-то нас близко не подпускает. Мечется в западне и не собирается складывать оружия. Ранило одного из наших разведчиков. В ярости я выпустил длинную очередь, которая несколько поубавила дерзость противника. Махмудов, не выдержав, бросил гранату. Капитан Гусев отругал нас. "Взять живыми! Вам ясен приказ? Дохлые нам не нужны!" И доверительно: "Здесь предположительно тот самый Гутман, про которого говорил пленный офицер".

В общем-то, зря отругал нас капитан Гусев. После брошенной Махмудовым гранаты у противника потери, замешательство. Интенсивный огонь из стрелкового оружия хотя и поверх голов, но с разных направлений окончательно обескуражил их. Оставшиеся в живых подняли руки. Кто-то из них, заглаживая вину, развязал руки пленному-старшине, и тот, освободившись от пут и кляпа, отборным матом крыл похитителей.

Капитан Гусев остудил его ярость просто: "Катись отсюда и впредь не будь вороной. У нас дела поважней... Кто из вас Гутман?"

Вопрос пленным. Они удивлены осведомленностью русского офицера. Но молчат. Раненые (их было двое), также связанные,

тоже ничего не ответили. Обыскивать разведчиков — пустая трата времени. Отправляясь на задание, они документов не берут. И все-таки им вывернули карманы в надежде разжиться хоть чем-нибудь, раскрывающим тайну.

— Кто из вас Гутман? — повторил Гусев свой вопрос.

Вновь тягостное молчание.

— Вера, переведите фрицам: если не выдадут нам Гутмана, вся эта банда пойдет в распыл. Кровь — за кровь!

Опять пауза. Гусев шепотом поделился с нами своим подозрением: "Один из этих раненых — Гутман. Судя по описаниям..." И громко:

— Махмудов, возьмите этих раненых. Обоих одной очередью.

Махмудов уловил задумку ротного. Поправив автомат на груди скомандовал немцам "Встать!" Они подчинились. Пошли было, куда им указал солдат. Вдруг один из них, впав в истерику, стал кричать, что он не Гутман. Гутман, дескать, трус и свинья. Из-за него могут погибнуть невинные солдаты фюрера. "Вот Гутман!" — ткнул вышедший из себя гитлеровец.

— Его-то нам и надо, — обрадовался Гусев.

По его приказу разведчики чуть ли не волоком потащили раненого в штаб. Без спешки были препровождены туда и остальные пленные.

Буквально час спустя начальник дивизионной разведки майор Склярков позвонил нашему ротному и передал приказ командира соединения: представить к наградам всех причастных к задержанию немецких разведчиков. В числе награжденных орденом Красной Звезды оказался и я. А несколько часов спустя наши войска нанесли мощный артиллерийско-минометный удар по обороне противника. Этот вынужденный и наскоро подготовленный упреждающий удар наносился с учетом данных, полученных от двоих захваченных в плен фашистов-изуверов.

Кончилось наше "сиденье" в обороне, хотя и не на большом участке фронта развернулось наступление, но мы продвинулись на запад. Благодаря внезапности и сосредоточенности огня удалось сорвать контрнаступление немецких войск, нанести им большой урон, сохранив при этом жизнь многих наших воинов.

Кругозор солдата ограничен тем, что он видит перед собой из окопа, какую задачу выполняет на поле боя. Вот почему, описывая конкретные события, я не раскрываю общей картины.

Готовя рукопись данной книги, я попросил бывшего офицера оперативного отдела штаба дивизии капитана в отставке А. Сухокурова более полно осветить оперативно-тактическую обстановку конца 1943 — начала 1944 года. И вот передо мной воспоминания, касающиеся нашей 176-й дивизии, преобразованной затем в гвардейскую и носившую с тех пор наименование 129-й гвардейской

Житомирской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии.

Излагаю ход событий по тексту, присланному мне А. Сухоруковым. Думаю, и они подтверждают истину: воевали советские бойцы так, как надо — смело, умело, проявляя разумную инициативу и находчивость.

...Соединения 18-й десантной армии в спешном порядке перебрасывались из Таманского полуострова в состав Первого Украинского фронта. Здесь дивизию бросили на главное направление, откуда она и начала наступление 24 декабря.

Офицерам оперативного отдела штаба дивизии предстояла кропотливая и ответственная работа — довести до частей и подразделений замыслы и планы командования, проверить готовность войск к предстоящему наступлению, побывать на передовой и убедиться в готовности личного состава к выполнению конкретных задач. В течение нескольких суток, не зная сна и отдыха, Сухорукову пришлось где верхом на коне, где пешком, под огнем противника перебираться из части в часть.

Наконец все готово к действиям. На рассвете, в условленный час гвардейские минометы, сотни стволов орудий и минометов обрушили на врага мощные залпы. Противник создал прочную оборону. Поэтому почти полтора часа бушевал там грохот канонады, руша бетонные сооружения, уничтожая огневые средства, технику, живую силу.

Сухоруков находился на КП 320-го гвардейского стрелкового полка, командовал которым тогда Лапшин. Видно было, как за огненным валом разрывов пошла в атаку пехота. Когда наши воины ворвались в траншеи переднего края обороны гитлеровцев, то в них не было ни души. Только из полуразрушенных блиндажей и дотов выволакивали оглохших, обезумевших от страха фашистов.

Подступы к Житомиру оставались труднодоступными. Едва ли не каждый населенный пункт представлял собой сильный узел сопротивления. Жестокий бой разгорелся на четвертые сутки наступления. Перед частями дивизии раскинулся город Коростышев. Красавец на реке Тетерев был превращен немцами в опорный пункт обороны. Подступы к нему и по природным условиям сложны. Противник взорвал не только мост через реку, но и лед, заминировал местность.

Под прикрытием огня артиллерии и пулеметов саперы принялись за обезвреживание мин, проделывание проходов в минно-взрывных заграждениях. Только рядовые Чабаян и Иващенко сняли более трехсот мин и фугасов.

Первыми в проделанные проходы ринулись к реке солдаты батальона, которым командовал гвардии капитан Федоров. Гвардейцы смело бросились в кипящую от осколков и пуль ледяную воду. Не всем посчастливилось переплыть реку, выбраться на

противоположный берег. Ранен был сам комбат. Командование подразделением принял на себя замполит гвардии старший лейтенант Погибельный. На помощь ему подоспел А. Сухоруков. Он и организовал атаку, возглавив подразделение и взяв на себя ответственность за выполнение боевой задачи.

Автоматчики, пулеметчики, бронебойщики, "зацепившись" за берег, начали теснить врага. Тем временем реку форсировали другие батальоны, орудийные расчеты. Плацдарм расширялся.

Наиболее жаркой оказалась схватка на южной окраине Коростышева. Фашисты бросили против нашей пехоты пятнадцать танков и пехоту. Орудийный расчет гвардии сержанта Сычева более двух часов сражался с ними, подбив пять танков, три автомашины с боеприпасами.

Вряд ли успех был бы полным без четкого взаимодействия частей и подразделений. Умело обеспечили огневую поддержку наступающих командиры гаубичных батарей гвардии капитаны Литвин, Галенджий. Враг не выдержал организованных и мощных атак. Город Коростышев был освобожден.

А бои продолжались. Долгие, кровопролитные. Целые сутки шла схватка на рубеже сел Стрижевка и Калиновка, еще ряда населенных пунктов. Наконец преодолены последние тридцать километров и после упорных боев освобожден пылающий, полуразрушенный Житомир. Случилось это в последний день 1943 года. Дивизии за столь значимый "подарок" и было присвоено почетное наименование Житомирская.

Боевой путь дивизии продолжался. Что касается автора этих воспоминаний А. Сухорукова, то он, призванный из Ташкента в 1938 году, после войны вернулся в родной город, окончил строительный факультет политехнического института и многие годы посвятил возведению жилых домов и иных объектов, за что к его боевым наградам добавился орден Знак Почета.

ОПАЛЬНЫЕ... ГЕРОИ

Развалилась громадная и мощная держава, за свободу и независимость которой отданы миллионы жизней. В обществе, некогда монолитном и благополучном, было нарушено согласие. Сегодня возрождаются традиции, о которых один из литераторов сказал вполне справедливо и метко: "Традиция — единственная надежная плотина, которой по силам противостоять всем дурным и опасным влияниям".

Так это или нет, докажет сама жизнь. Одно безусловно: традиция — не только вчерашний день, но и наше будущее. Только с ее помощью мы уверенно сумеем перейти в завтра, не потеряв ни собственного достоинства, ни самобытности.

Полемизируя с теми, кто не прочь отказаться даже от лучших наших традиций да еще извратить историю войны с фашизмом, развенчать ее героев, принизить суть подвигов, смею утверждать, что они не первые в этой нечистоплотной возне. Даже в период войны желающих развенчать подвиги и героев было предостаточно. Из-за них множество представлений к наградам осталось неудовлетворительным.

После войны мне при сборе материалов для книги довелось прочитать личное дело полковника в отставке Пилецкого. Четырежды командование дивизии представляло тогдашнего командира стрелковой роты к званию Героя Советского Союза. Всякий раз взамен высшей награды офицеру вручались ордена на два-три порядка ниже. Но Пилецкому еще повезло. Иным же вместо почестей доставались упреки.

Во все времена и во всех армиях утрата Боевого Знамени считалась и считается величайшим позором. Часть при этом расформируется, а лица, виновные в случившемся, предаются суду военного трибунала. Спасение же святыни части всегда считалось высочайшим подвигом. Герои удостоивались наград и почестей. Их имена вписывались в формуляры и боевую историю части.

Лейтенант Алексей Арсентьевич Барбелюк, спасший Боевое Знамя 255-й, в ту пору Краснознаменной бригады морской пехоты и несколько суток сражавшийся ради его сохранности, не получил ни наград, ни почестей и даже был обойден простым человеческим вниманием со стороны большого начальства. Командование 18-й армии фактически скрыло случившееся. Ему было не по себе, пока неизвестна была судьба Знамени. А нашлось оно и, оберегая собственную честь, командование, политотдел армии старательно скрыли ЧП. А поскольку не было ЧП, то и не оказалось героя. Даже после войны, несмотря на ходатайства Совета ветеранов бывшей 255-й дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова Таманской бригады морской пехоты, справедливость не восторжествовала.

Бывший командир Отдельного пулеметного батальона 255-й бригады Семен Кузьмич Козлов — живой свидетель подвига А. Барбелюка, обращаясь в Совет ветеранов, пишет:

"После войны я перечитал много литературы и статей о битве за Кавказ. Новороссийск, Керчь и другие города, где в боях участвовала наша бригада. Нигде о подвиге Барбелюка, о спасении Знамени бригады и сохранении ее от расформирования ни слова.

Тогда я стал разыскивать документы о присвоении звания Героя Советского Союза лейтенанту Барбелюку. Оказалось, в архиве ничего нет. И вообще никто не знает, что бригада находилась в труднейшем положении, что ее считали опозоренной по случаю утраты Знамени. Стало быть, документы о трагическом событии, о снятии за это с должности командования бригады и о подвиге Барбелюка кем-то уничтожены. Для чего? Кому-то хотелось скрыть следы преступления".

Не один ветеран бригады С. Козлов возмущался несправедливостью в отношении героя. Вот с каким письмом обращался в Совет ветеранов бригады бывший начальник следственного отделения "Смерш" штаба 18-й армии полковник в отставке Н. Д. Дольников:

"...На второй день боев за Новороссийск командование стало известно, что сводная группа под командованием лейтенанта Барбелюка со Знаменем в районе КП бригады продолжает отбивать атаки немцев. В группе большие потери. Командир группы просит подкрепления и боеприпасы. Связи с группой установить не удалось. На третий день боев командование посчитало, что группа без подкрепления, боеприпасов и продуктов питания погибла вместе со Знаменем бригады. В связи с чем военный совет принял решение бригаду расформировать.

16 сентября 1943 года после освобождения Новороссийска на Малую Землю к штабу прибыла небольшая группа десантников, которая принесла тяжелораненых. Все они были усталые, грязные. Это были остатки сводной группы.

Барбелюк доложил: "Командир минометного взвода 322 ОБМП... прибыл после боев с остатками группы. Приказ командования

выполнен. Знамя бригады спасено и надежно спрятано. Оно в заваленном угольном подвале. Не было сил откопать. Сейчас пойду за ним..."

Барбелюку идти за Знаменем я не разрешил. Во-первых, он был ранен в обе ноги, измотан боями. Во-вторых, он один знал о тайнике, где хранилось Знамя, и подробности о боях группы.

...Заявляю: благодаря исключительной организации боев, отваге, героизму и находчивости А. Барбелюка, который, рискуя собственной жизнью, спас Знамя, и командование 255-й ОКБМП было реабилитировано, а бригада спасена от расформирования".

Как же развивались события в те осенние дни и ночи 1943 года, когда советские войска вступили в решающие схватки за освобождение Новороссийска? В ночь на 10 сентября батальоны нашей 255-й бригады в составе десантного отряда № 1, погрузившись на корабли, вышли в море. На рассвете началась артиллерийская и авиаподготовка. Огневые удары наносились по противнику и с моря. Однако высадка десанта осуществлялась под ливнем свинца с берега. Десант нес потери. На рассвете гитлеровцы активизировали контратаки. Подразделения бригады утратили связь между собой, действовали на разобщенных направлениях. Отдельные разрозненные группы морских пехотинцев вели бой в зависимости от обстановки, что называется, на свой страх и риск.

Командир минометного взвода 18-летний А. Барбелюк, высадившийся близ Каботажной пристани, был встревожен отсутствием должного управления десантниками. Лейтенант собрал под свое командование разрозненные группы и растерявшихся матросов. Его сводная группа численностью до пятидесяти человек смогла отразить атаку гитлеровцев, уничтожить танк. Затем группа заняла оборону близ КП бригады и в подвале каменного дома, куда вскоре переместился КП и куда было доставлено Боевое Знамя бригады. При нем фактически никакой охраны. Барбелюк принял на себя заботу о святыне части, умело организовал оборону. Атаки следовали одна за другой. Они были отбиты, уничтожено три танка, много врагов недвижимо лежали в зоне действия группы. Но и десантники понесли потери.

Командиру пулеметного батальона, прибывшему к КП, Барбелюк доложил, что Боевое Знамя он спрятал сначала на огневой позиции возле миномета, затем в критический момент счел необходимым завернуть его в брезент и вложить в дымоход печи там же, в подвале.

К исходу пятых суток не было никакой возможности оставаться в подвале. Барбелюк в сопровождении нескольких оставшихся в живых матросов занял оборону в одном из окрестных дворов. Там он спрятал Знамя в подвале для хранения угля и, чтобы враги не проникли в него, забросал вход гранатами.

Группа продолжала сражаться и несла потери. Ранен матрос В. Еремеев. Барбелюк приказал старшему сержанту В. Васильченко

доставить его к своим и доложить командованию о боевой ситуации, а главное — о Знамени. Васильченко выполнил приказ, хотя и покидал товарищей с тяжелым чувством. Горсточка бойцов сражалась трофейным оружием. Не оставалось в ней ни одного, не меченого пулями, осколками. Сам лейтенант, раненный в обе ноги, едва передвигался.

16 сентября Новороссийск был освобожден от врага. Барбелюк привел остатки группы к штабу, доложил о выполнении боевой задачи и о том, что Знамя в сохранности, находится в безопасном укрытии. За ним были посланы офицер и матросы. Отправился вместе с ними и Васильченко, знавший местонахождение тайника.

Так закончилась печальная и вместе с тем героическая эпопея: с Боевым Знаменем прославленной части. Эпопея, кем-то преступно вычеркнутая из документов и истории.

Еще более жестко обошлась фронтовая судьба с командиром божьей милостью, солдатом, беспредельно честным и отважным, патриотом, не склонившим головы даже под пытками в плену — О. И. Кузьминым.

С восхищением и грустью я называю капитана III ранга Олега Ильича Кузьмина, бывшего командира 142-го батальона морской пехоты, входившего в состав нашей 255-й бригады. Сын потомственного рабочего, питомец ФЗУ завода "Русский дизель" в Ленинграде, он в 1932 году по спецнабору ЦК ВКП(б) был направлен в Ленинградское высшее военно-морское училище. Там его, отлично завершившего учебу, оставили командиром курсантской роты. И там же за высокие показатели в воспитании будущих моряков-командиров он был удостоен ордена "Знак Почета".

Молодой командир подавал блестящие надежды и оправдывал их делами по службе. Ему доверяли, выдвигали на новые, более высокие должности. В 1939 году он уже заместитель начальника курса Каспийского Высшего военно-морского училища. В 1941 году, сразу после начала войны, его откомандировали в город Ярославль, где формировался 142-й Отдельный батальон морской пехоты. "Его" батальон. Им он командует, обороняя летом 1942 года доблестный Новороссийск.

В славную летопись батальона золотыми строками вписались героические дела при защите кавказских перевалов Кабардинский, Бабица. Батальон сражался против частей 73-й пехотной егерской дивизии, одного из лучших соединений Вермахта. Морские пехотинцы стойко отражали атаки превосходящих сил. Враг окружил командный пункт и штаб батальона. Но под ударами моряков вынужден был отступить. В те дни одна только третья рота "Кузьминского" батальона отбила 12 яростных атак.

Несколько позже, в сентябре 1942 года, в ходе ожесточенных боев 142-й батальон нанес ощутимый урон врагу, захватив пленных. В их числе — политического советника главнокомандующего румынскими войсками генерала Антонеску.

За умелое командование и за личные подвиги капитан-лейтенант О. Кузьмин был награжден орденом Боевого Красного Знамени. В декабре 1942 года за отличия в боях Олегу Ильичу Кузьмину присвоено очередное воинское звание — капитан III ранга.

Готовилась высадка десанта в район Южной Озерейки. Требовательный к себе и подчиненным, Кузьмин кропотливо готовил личный состав к предстоящему испытанию. Занятия были напряженные. Дни и ночи были насыщены тренировками. Тренировки проводились на суше и на воде, в горах и в лесу. Морские пехотинцы с полной выкладкой десантировались, атаковали "противника", учились преодолевать противодесантные и противотанковые заграждения. Все это в стремительном темпе, используя фактор внезапности, стараясь скрытно подходить к важным объектам. Подготовка велась многопланово, почти не оставалось воинам свободного времени. Моряки учились бороться с танками, обнаруживать и обезвреживать мины, налаживать связь и делать многое другое.

Учеба шла до изнеможения. Но не роптали моряки, не обижались на командира, осознав необходимость познания науки побеждать, уверовав, что леность и безынициативные действия в бою ограничивают мышление, лишают удачи.

Возможно, именно с учетом безупречной выучки морских пехотинцев 142-му батальону и выпала честь десантироваться у Южной Озерейки первыми. Задача — захватить плацдарм, обеспечив тем самым условия для высадки главных сил десанта — подразделений 255-й и 83-й бригад морской пехоты.

К сожалению, боевая операция не удалась. Противник, очевидно, подготовленный к отражению десанта, заблаговременно сосредоточивший крупные силы, встретил корабли лавиной огня. При свете прожекторов и осветительных ракет он яростно расстреливал болиндеры, катера. В этом крошечном аду 142-й батальон выстоял. Матросы бросались в ледяную воду, карабкались на скользкий берег, нашпигованный минами и фугасами, подавляли огневые точки противника, атаковали его.

Комбат Кузьмин, как и его подчиненные, вплавь добрался до берега. Раненный в голову, наскоро перевязанный, он стремился собрать воедино десантников, организовал атаку. Не его вина, а скорее беда, что высадка главных сил десанта не осуществилась. По приказу контрадмирала Басистого корабли прекратили боевую операцию и ушли, бросив 142-й батальон на произвол судьбы.

Немногим более 1400 человек оказались под командованием Кузьмина. Проявляя чудеса храбрости, они сломали сопротивление врага, превосходившего их численностью и технической оснащённостью, и овладели поселком Южная Озерейка. На вторые сутки повели наступление на населенный пункт Глебовка.

В течение трех суток морские пехотинцы удерживали плацдарм. Но иссякли силы. Ределели ряды бойцов. Кончались запасы патронов и гранат. Не осталось продуктов питания. Отсутствовала связь с

командованием. Уплотнялось кольцо окружения: активно действуя, батальон Кузьмина отвлек на себя целую дивизию противника. Кузьмин, изнемогая от ран, повел моряков на прорыв. Он решил пробиться к Станичке, месту высадки десанта Цезаря Куникова. В бою О. И. Кузьмина контузило. Его, потерявшего сознание, тяжело раненных матросов враг захватил в плен.

Плен... Нечеловеческие условия. Кузьмин, тяжело раненный, контуженный, больной тифом, не потерял веры в благополучный исход. Жила в нем надежда на вызволение из плена. Он, выросший на благородных делах и поступках, не утратил чувства собственного достоинства, чувства патриота своей Родины. Едва оправившись от недуга, стал помышлять о побеге из плена. Врачи концлагеря О. Волкорез и З. Сотская в своих воспоминаниях отдавали должное мужеству и силе духа этого человека.

О. И. Кузьмин осуществил задуманное, сердцем и разумом выпестованное. В ненастную сентябрьскую ночь 1943 года бежал из эшелона, увозившего военнопленных в Германию. Путь на родину предстоял долгий — из района польского города Познани. О. И. Кузьмин одолел его, пробираясь тайком, по ночам. Под Брянском влился в партизанский отряд, откуда ему посчастливилось передать жене весточку о себе. Он жаждал "...вернуться на флот, родной и любимый советский флот". Откровенно признается: "Попал я в плен раненный, с отмороженными ногами, контуженный, на десятые сутки после высадки десанта. Теперь остается рассказать моему командованию о тех событиях, которые я пережил..."

Рассказывать ему пришлось долго. Проверки подтвердили истинность показаний. Однако тень подозрительности следовала за бывшим комбатом. Его направили служить в армейский запасной полк, по случайному совпадению тоже 142-й. Здесь следы героя теряются. Удалось, правда, установить, что полк после войны был расформирован и О. И. Кузьмин откомандирован. Куда?!

Не кощунственно сегодня заявлять, что поколение, на которое выпали тяготы грозного лихолетья, воевало не так, как следовало? Никакой вины этих парней от заводских станков и плуга, девушек и женщин, оторванных от семейного очага, да, никакой их вины нет в том, что враг дошел до Волги, Кавказа, жег подмосковные деревни. Пусть рассудит история. А она не возложит просчеты руководства страны и верховного командования на плечи народа и вооруженных защитников Родины.

КРИК ПАМЯТИ

Мы шагали на запад. Шли неровно. Рывками. Чаше буквально черепашьям шагом. Ползком. Нас мучила тоска по чистому небу, свежему дыханию природы, безмятежной тишине. В лицо бил колючий ветер с посвистом и снегом, хлестала свинцовая метель. Огневая пурга выжигала ряды идущих. Редел солдатский строй. Теряли привычный монолит боевые порядки. Тогда вынужденно прекращалось движение, несмотря на то, что сердце, подогреваемое благородными чаяниями и мыслями об освобождении родной земли: от врага, рвалось вперед. К горизонту и дальше. За горизонт, таящий не только радость очередной победы, но и горечь утрат.

Таким манящим, зовущим к себе и опалющим, магическим и пылающим горизонт был на Кавказе, на легендарной Малой Земле, на Таманском полуострове... Таков он и здесь, на украинской земле, на Житомирщине и Винницщине. Не оттого ли память ветеранов войны пропитана грустью? Моя — не исключение. Печальные мотивы витками траурных лент вплетаются в потоки воспоминаний. И все-таки душа отдыхает от видения прошлых батальных картин, от сцен, где будто наяву, главное живыми — воображение воссоздает однополчан, воспроизводит их голоса, речи, проследивает их действия, поступки.

Вижу, будто глядя в день вчерашний, отрадный миг нашего пребывания на Кавказе. Передовая на окраине почти обезлюдившего поселка. В затишье после боя доставлены боеприпасы. Сотня патронов в руки. Богатство! За ними очередь. Торжествующий голос старшины, которому в этот день повезло без особых сложностей доставить ценный груз: "Следующий!"

Рядом со школой полевая кухня. Те, кто получил патроны, спешат туда, опять-таки выстраиваясь друг за другом. Многие уже едят духмянную кашу.

Повар вдруг замер, не донеся черпак до варева! Секунду помедлив, захлопнул крышку котла и с криком "Воздух!" резво шмыгнул за школу, где была отрыта щель.

Надрывный гул моторов вмиг загнал людей в укрытие. Самолеты пролетели над селом, будто наслаждаясь своей безнаказанностью, развернулись и принялись бомбить позиции пехотного полка, село,

нас, укрывшихся где кто успел. Такое ощущение, что не самолеты, а само небо выло, обрушивая адский груз. Воем, казалось, был насыщен воздух, окрестный мир, крутости окопов.

Наконец самолеты, убравшись восвояси. Вокруг школы дымились воронки. Одна из них на глазах заполнялась подпочвенной водой. Кухня, на удивление всем, стояла целая и невредимая, только вся в пятнах налипшей земли и глины. Повар, открыв котел, стучал черпаком по крышке, подзывая бойцов за едой. Солдаты ели кашу. Горьковато иронизировали: "Повезло... Спасибо фрицам, не оставили без обеда".

Окрест окопа, в котором мы отсиживались под бомбежкой, зияли три воронки. Нам, безусловно, повезло.

Вдруг рядовой Олег Киргизов, отодвинув котелок с кашей, стал пристально вглядываться вдаль. Мы тоже посмотрели туда. По дороге к школе шла безучастная ко всему старуха. Седая, изможденная, она несла на руках ребенка, судя по всему, мертвого, и небольшую икону.

— Глядите, та бабка.

Несколько дней назад мы видели эту несчастную. Слышали от самой горькую исповедь. Трое сыновей ее погибли на фронте. Погибли под бомбежками сноха, шестеро внуков и муж. Оставался один внук. Теперь же трагический. В другом населенном пункте, отбитом у фашистов. В деревеньке обычная "послебоявая" сутолока. Подтягиваются тыловые подразделения. Повозки медроты забивают небольшую площадь. К ним уже ведут и несут раненых. Неожиданно к медикам прорывается солдат, орущий диким голосом: "Помогите!.. Спасите!.. Скорее!"

Женщина с санитарной сумкой на боку, за ней санитары ринулись вслед за солдатом. Побежали туда и мы, несколько бойцов, держа наготове оружие. От того, что предстало нашему взору, бросило в дрожь. Леденящим холодом охватило каждого из нас: разведчики одной из частей 18-й армии, в составе которой при обороне Кавказа воевала и наша 255-я бригада морской пехоты, обнаружили в стороне от дороги залитого кровью советского солдата со следами чудовищных издевательств. У него были отрезаны уши, нос, язык, тело все в кровоподтеках и ранах.

Повторяю: жестокость на войне — явление обычное. Однако это было из ряда вон выходящее. Материал о нем напечатала армейская газета, поместив даже информацию начальника лоротделения госпиталя майора медицинской службы Е. Тамарина. Вот как он излагал происшедшее:

"9 декабря 1944 года в 23 часа в ушное отделение 54-го хирургического полевого подвижного госпиталя был доставлен в тяжелом состоянии боец Битюк А. М.

При осмотре было обнаружено, что у Битюка А. М. отрезаны верхние части обеих ушных раковин, отсечен кончик носа, а также отрезан язык.

Характер нанесенных ран показывает, что это было произведено опытным палачом. При обследовании Битюка обнаружено, что он лишился речи и слуха, находится в состоянии глубокой подавленности, страдает галлюцинациями, устрашающими сновидениями, временами вскакивает и пытается убежать. Он может изъясняться с окружающими только при помощи письма и то с большим трудом".

Ко всему личному составу армии было направлено специальное обращение. Его до воинов доводили политработники, политбойцы. Рассказывали о деталях трагедии. Алексей Битюк вместе с рядовым Корнеюком, Марчуком и Фомичевым ворвались в траншею противника. Уничтожив там несколько гитлеровцев, рядовой Битюк бросился преследовать убежавших солдат. В темноте он не разглядел опасности. Его ударили, захватили в плен. На допросе солдат не выдал военной тайны.

В ходе обстоятельного расследования удалось установить подробности. В политдонесении они излагаются так:

"9 декабря 1942 года при проведении силовой разведки в районе села Челок рядовой Битюк, увлекая за собой товарищей, первым поднялся в атаку и, ворвавшись в траншею противника, огнем из автомата уничтожил одиннадцать гитлеровцев. Преследуя отходящих врагов, Битюк обнаружил огневую точку и уничтожил расчет. Продвигаясь вперед, он наткнулся на засаду, был оглушен и в бессознательном состоянии взят в плен..."

Далее излагаются печальные детали пыток Битюка и еще одного бойца:

"Битюк, уже изуродованный, с обрезанными ушами, носом, языком, видел, как немцы пытали другого воина. Его долго били, затем отрубили ему левую руку. Боец не дал врагу никаких показаний.

Проздно вечером гитлеровцы вывели мучеников к реке, приказали им бежать и открыли огонь в спину. Боец с отрубленной рукой был убит сразу. Битюк упал в воду и это его спасло".

Битюк за подвиг был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Уже после войны стало известно: Битюка вывезли в глубокий тыл, в Тамбов. Там ему нарастили часть ушных раковин, язык и нос. В мае 1945 года отважный патриот был демобилизован, вернулся в родное село под Винницей и стал работать в колхозе. На доме, который фронтовик построил своими руками в селе Барнешовка, внимание прохожих привлекает табличка с надписью, указывающей, что здесь проживает герой войны, почетный колхозник Алексей Миронович Битюк.

Хорошо, когда и печальные события имеют счастливый конец. У людей смелых, инициативных ярко раскрывались прекрасные задатки. Это выручало их в самых критических обстоятельствах.

Представьте себе ситуацию тяжелого 1942 года. Отступление. Широкая гладь реки то и дело клокочет фонтанами взрывов. Через реку наведены две временные переправы, понтонные мосты. Перед ними море боевой техники, транспорта, людей, машины, подводы, санитарные повозки, артиллерийские орудия на конной тяге. Все в огромном количестве и все жаждет попасть на противоположный берег, уйти от опасности. Пока же четыре бесконечных потока ползут и ползут на зыбкие настилы мостов.

Порядок на переправе строжайший. Машины выстроились в колонну за машинами. Танки — за танками. Орудия — за орудиями. Всем распоряжался генерал, худой, пропыленный, смертельно уставший. Время от времени он выхватывал у регулировщика флажок и сам начинал управлять потоком отступающих частей.

Словно по графику, через каждые четверть часа налетала вражеская авиация. Самолеты заходили волна за волной, сбрасывали бомбы, норовя уничтожить переправу. К счастью, промахивались.

Зенитки били по стервятникам. Но также не попадали. Бомбы, изредка сбрасываемые на берег, причиняли немало бед. Все вокруг гудело, грохотало, ревело. Человеческие голоса тонули в этом аду. Самолеты же, сбросив бомбовый груз, принимались на бреющем полете из пулеметов обстреливать переправу.

Генерал невозмутимо выполнял свою миссию. Флажок в его руках то поднимался вверх, то опускался вниз, разрешая или запрещая движение.

Дошла очередь до медсанбата. Разрешено переправляться, подобрав раненых на берегу. Мост подрагивает. Его захлестывает водой. Какая-то счастливая случайность уже несколько раз уберегала его от бомб. Однако уверенности в том, что он останется цел, нет ни у кого. Нет уверенности и в том, что даже к утру посчастливится переправиться всем. Солдаты подразделений, пристроившихся в хвосте колонны, сооружают плоты. Неподалеку от моста уже с трудом балансируют на плоту четверо артиллеристов со своей пушкой. Доплывут ли до берега? Несколько плотиков буквально облеплены солдатами. На суденышках обмундирование, вещмешки. Сами пловцы только держатся за бревна или доски.

Взмах флажка. "Медсанбат, приготовиться". Медики — по обеим сторонам повозок. Ездовые понукают лошадей. Те испуганно храпят, рвутся с шаткого настила. Того и гляди, понесут в сторону. Военврач Александра Павловна Ищенко, "кадровый доктор", как ее называли подруги, забежала вперед, взяла под уздцы лошадей первой повозки, похлопывая животных по шее, говоря им что-то ласковое, повела их. Вряд ли кони, ошалев, слышали и понимали слова молодой женщины. Но ее уверенность, решительный вид, самообладание словно передались им. Они покорно и торопливо одолевали метр за метром понтонной переправы. Даже когда вслед

за санитарными повозками въехали пушки, также на конной тяге, и мост под их тяжестью просел, покрылся водой, лошади послушно шагали за женщиной. Сама она ужаснулась происходящему, потому что не умела плавать, и угроза оказаться на стремнине была отнюдь не шуточной. Но и в эти минуты доктор не потеряла самообладания.

Санитарные повозки уже были недалеко от берега, когда вновь налетели бомбардировщики. Взыбились султаны воды. Стремительнее рванулись вперед кони, подгоняемые опасностью. Люди, с ужасом следя за вражескими самолетами, мечтали об одном: выбраться на берег, выскользнуть из смертельной западни. Доктор Ищенко уже не ласкала, не успокаивала лошадей. Сбивчиво выкрикивала проклятья фашистам, повторяла, как заклинание:

"Неужели утопят гады раненых!"

Раненые отрешенно и обреченно ждали конца пытки. Один лишь танкист не поддался смятению. Неожиданно для всех запел во всю мощь своего богатырского голоса: "Броня крепка и танки наши быстры, и наши люди мужества полны..."

Санитары, медсестры подхватили песню. Шли по колена в воде, подталкивали повозки, поглядывали в небо, с замиранием следя за падавшими бомбами... И пели.

Едва последняя санитарная повозка выехала на берег, как произошло страшное. Доктор Ищенко не сразу увидела это. Она поначалу ощутила, как что-то горячее ударило ее в спину, отшвырнуло в сторону. Лошади в страхе поднялись на дыбы. Оглянувшись на мост, военврач обомлела: там бурлила вода, барахтались в ней люди, тяжелые пушки тянули за собой ко дну коней. Животные, сопротивляясь смерти, храпели, стараясь найти точку опоры, вырваться из упряжи.

Мост был разбит прямым попаданием бомбы. Туда, в страшную пучину, бросились саперы, чтобы как можно скорее восстановить переправу. Багряное солнце, склоняясь к западу, словно торопило их. А с прокопченного неба, где ревели моторы, неслись потоки свинца.

За годы войны мне довелось побывать в цепких и добрых руках многих медиков. Со своими ранениями отлеживался и в медсанбатах, и в госпиталях. Так что имел возможность убедиться: есть доктора, которые исцеляют не только лекарствами или скальпелем, но и умным проникновенным словом. Милая наша Александра Павловна Ищенко, человек щедрой души, высокого интеллекта и профессиональной выучки, относится к числу последних. Трудно было поверить, что она, обаятельная и мягкосердечная, в критической ситуации могла проявить железную силу воли. А критических моментов было предостаточно. За войну она пережилась и страха, и физических мук. Закалка, обретенная в предвоенные годы, служба в армии, личная самодисциплина сформировали ее облик, ее характер.

А. Ищенко в отличие от других докторов — кадровый военный медик. После окончания Военно-медицинской академии в Ленинграде она вместе с мужем, начиная с 1939 года, служила в прославленной Таманской дивизии. Войну встретила у западной границы. Ей выпало пройти через трагедию отступления, оборонительные бои на Кавказе, десант на Малую Землю, где ей довелось командовать в медсанбате присменно-сортiroвочным взводом. Она участвовала в штурме Новороссийска, в боях на Таманском полуострове и освобождении Крыма, во многих крупных операциях. Не утратила она ни любви к жизни и людям, ни веры в победу. Ее вдохновенное слово повышало у раненых настроение, воспитывало крепость духа, самообладание. Наверное, больше всего за это раненые любили доктора, а медперсонал уважал ее за многоопытность и трудолюбие.

Впрочем, люди в высшей степени организованные, в боевой ситуации, даже далеко не смелые, вели себя дерзко, отважно.

В мое сознание врзалась печальная дата — шестое февраля 1943 года. Поддерживая куниковцев, мы, пулеметчики, отбили атаку в районе кладбища. Ко мне подошел старший лейтенант, командовавший стрелковой ротой, приказал: "Установи "максимы" ближе к высотке. Сейчас подниму роту в атаку. Прикройте нас огнем. Да как следует!"

Что-то изменилось в обстановке. Атака не состоялась. Зато на Малую Землю обрушились интенсивные бомбовые удары. Наши подразделения хоть и "вросли" в землю, но понесли потери.

Закончилась бомбежка. Мы не успели прийти в себя, как немцы пошли в атаку. Командир роты капитан Колесников кричит мне, оглохшему от взрывов, почти в самое ухо:

— Перебрось два пулемета к железнодорожному полотну...

Там критическая ситуация. Немцы теснили обороняющихся. С двумя расчетами я перебрался к железнодорожному полотну. Открыли огонь, лишив гитлеровцев шанса ворваться в наши траншеи. Зато на нас обрушился град "гостинцев" минометная батарея. Пришлось сменить позиции. Опять меткие очереди скосили цепь атакующих. Колесников, довольный, хлопает меня по плечу:

— Представь к награде своих асов.

Пулеметчики действительно асы. Олег Киргизов и М. Муминов еще в Севастополе опыт накапливали. Но и у противника полевая выучка должная. Вон углядели то ли впадинку, то ли ложбинку четверо фашистов. Ползут, норовя гранатами забросать пулемет. Очереди не достают немцев из мертвого пространства. Киргизов дал очередь из автомата. Но и она прошла над головами. Бросил гранату. Неудачно. Муминов швырнул еще одну. Последовал мощный взрыв. Колесников кулаком грозит издали: зачем, мол, противотанковые гранаты расходуете почем зря? Прав наш ротный. Противотанковые гранаты у нас на особом счету. Только поздно

уже упрекать Муминова. Возле самого бруствера разорвалась мина. Убит прекрасный человек и солдат. Второй номер изрешечен осколками, истекает кровью, но, слава богу, жив. Отправляю его в тыл. Сам ложусь за пулемет, потому что вслед за разрывами двинулась на нас пехота. Прошу у Колесникова двоих бойцов. Ставлю вторых номеров первыми, а присланных солдат вторыми. Отбили еще одну атаку. Спасибо минометному взводу лейтенанта А. Барбелюка. Меткой стрельбой минометчики остановили противника.

Озлобленные неудачами, гитлеровцы подключают артиллерию. Орудия бьют с закрытых огневых позиций. Но местность пристреляна. Снаряды ложатся точно, густо. Один из них уничтожил расчет С. Колошина. Пулемет изуродован. Брешь в нашей обороне незаметная. Противник может воспользоваться ею. Прошу Колесникова добыть пулемет, взять его хотя бы в соседней роте. Колесников советует из нескольких разбитых собрать один. Совет дельный. У одного пулемета кожух рассечен крупным осколком. У другого станина искорежена. У третьего...

Словом, с бору по сосенке. В несколько минут на позиции оказался пулемет. Командир отделения автоматчиков И. Пятков временно сменил боевую специальность, стал первым номером.

Решаю так расположить расчеты А. Водяно, А. Машина и А. Пенько, чтобы они вели перекрестный огонь. Благо, обозначилась некоторая пауза. Только успели устроиться на новом месте, дооборудовать позиции, как началась очередная атака. Опять перед нами танки в сопровождении пехоты. На ходу ведут стрельбу. Их встретили огнем наши артиллеристы.

Снаряд, угодивший прямо в окоп, наделал беды. Убиты пулеметчик А. Пенько и подносчик патронов. Погиб второй номер расчета Х. Искандеров.

Опять прошу Колесникова прислать пополнение. На этот раз выручил командир пулеметного батальона С. Козлов. Бросил на подкрепление свой расчет — пулеметчика В. Нестерова, двоих солдат — О. Чуркина, Г. Смелинова. Я залюбовался тем, как вел огонь Нестеров. Очереди расчетливые, меткие. Жаль, недолгим оказалось столь надежное подкрепление. Едва я отполз к прекратившему стрельбу расчету Нетробина, как умолк и пулемет Нестерова. Возвращаюсь туда и глазам своим не верю: снарядом разметало бруствер окопа. Нестеров тяжело ранен, без сознания. Смелинов контужен, ничего не слышит и не в состоянии говорить. Чуркин тоже оглушен, мотает головой.

— Стрелять из пулемета можешь?

— Да. Я первым номером был.

— Давай. Веди огонь. Гляди, немцы опять в атаку двинулись. Сейчас подошло тебе второго номера.

Отдаю приказание Чуркину, а у самого душа болит: неужели и Нетробин погиб? Да, беда не обошла стороной и этот расчет.

Пришлось мне самому лечь за пулемет, поскольку никого рядом не было.

Тем временем к траншее успевают прорваться два танка. Автоматчик Дмитрий Нигода противотанковой гранатой остановил один из них. Машина крутанулась на месте, стала, потеряв гусеницу. Экипаж отстреливался из пушки и пулемета и, вероятно, в ожидании помощи не хотел покидать свою крепость. Кто-то из солдат бросил на корму бутылку с зажигательной смесью. Танк задымил, запылал. Открылся люк. Немцы стали выпрыгивать, прятаться за броню. Очереди подкашивали их.

Однажды там же, на Малой Земле, у нас за целый день крошки не было во рту. Боеприпасы также подходили к концу. Ротный, капитан Колесников, отправил меня и матроса Мазитова к Рыбачьей пристани, где как раз шла разгрузка судна, доставившего партию грузов и пополнение. Нам удалось добыть сухарей, патронов. Миловидная женщина, военврач, назвавшая себя Симагой, предложила нам пакет с бинтами и какими-то медикаментами. Возвратившись, мы застали еще в живых матроса С. Бишена. Грудь его была проколота, вернее сказать, вспорота штыком.

Оказалось, за время нашего отсутствия рота отбила очередную атаку. Матрос Бишен хотел захватить в плен одного гитлеровца. Настиг убежавшего. Тот поднял руки. А когда Бишен приблизился к нему, мгновенно вонзил штык в грудь доверившегося врагу матроса.

Доверилась гитлеровцу и санинструктор Галя (фамилию ее не помню). Не пристрелила его, истекавшего кровью. Стала перевязывать стонавшего рядом раненого морского пехотинца. Подоспела санитарка Катя. Начала оказывать первую медицинскую помощь другому воину. Раненый фашист открыл стрельбу. Убил Галю, тяжело ранил Катю. Санинструктор Люба Брагилевская, симпатичная девушка из Ташкента, прикончила врага. Жаль, что не сделала этого раньше, пока подруги были живы.

Еще и еще раз утверждаю: воевали наши солдаты умело и отважно, не колеблясь, отдавали жизнь за Отечество. И лишь в радости, в упоении успехом порой как бы исчерпывали свои силы, теряли привычные нормы бдительности, допускали неосторожность, эдакие мелкие ошибки. Мелочи же на войне губительны. Они сравнимы с песчинкой в жиклере карбюратора. Такая песчинка — верный конец движению автомобиля.

Поистине чудо-богатырем выглядел матрос Султан Закиров. Не внешнею брал — смелостью, находчивостью, удалью. Он спас от гибели один из пулеметных расчетов моего взвода. А вот себя не уберег.

Случилось это 17 апреля 1943 года. Весь день шли тяжелые бои. Закиров увидел, что к пулемету нашему подбиралась группа немцев. Уничтожить их из автомата оказалось невозможно: мертвое пространство. Закиров бросил гранату. Прислушался после взрыва —

уловил стоны. На всякий случай бросил еще одну гранату и побежал к немцам, намереваясь захватить пленного. Видимость в сумерках была плохая. Но Султан, уверенный в том, что противник не в состоянии оказать сопротивление, ринулся к нему открыто. Раздалась автоматная очередь. Матрос упал. Командир отделения отправил двоих бойцов, чтоб вынесли раненого товарища. Они также пренебрегли опасностью, не поспешили уничтожить врага. Только подняли Закирова, как — очередь. Одно из морских пехотинцев ранило, Закирова убило. Только после этого матрос Л. Брыкунов забросал немцев гранатами и удалось вынести раненых и убитого.

Каждый метр Малой Земли, поистине, таил опасность. Дни и ночи были одинаково напряженными, безжалостными ко всему живому да и к неживой природе тоже.

15 февраля 1943 года Отдельная штурмовая группа, понесшая большие потери, была преобразована в 613-ю Отдельную штурмовую роту морской пехоты 255-й бригады. Командир роты капитан П. Фрейдин получил приказ занять оборону на Азовской улице Станички, едва ли не самом опасном участке. Здесь проходил передний край обороны бригады. Отсюда было рукой подать до позиций гитлеровцев. Здесь за каждым охотились снайперы, пулеметчики. Чтобы хоть как-то обезопасить себя, необходимо было улучшить свои позиции в тактическом отношении. Мы с вожделием поглядывали на расположенные совсем поблизости школу и жактовский дом. Но в них немцы. Здания превращены в мощные узлы сопротивления. Не раз десантники 142-го и 14-го батальонов пытались их захватить и безуспешно.

И вот новая попытка. В начале июля 1943 года командование десантной группы войск Малой Земли приняло решение о создании специального отряда морских пехотинцев для генерального штурма школы и дома. Основным костяком отряда стали бойцы 613-й роты. Всего в отряд на добровольных началах было отобрано 90 человек. Отряд разбили на четыре боевые группы. Общее командование отрядом возложили на командира взвода В. Воропаева. В каждую боевую группу, опять-таки на добровольных началах, направили санинструкторов. Помню их, обаятельных девушек, самоотверженных патриотов и отважных солдат. О Валентине Пшеничной в шутку говорили, что ее не испугает ни тигр, ни привидение. Не из трусливых были Людмила Артемова, Вера Акимова, Аня Хасянова. Удивительно, откуда силу брали эти внешне хрупкие девушки, которым бы детишек пеленать да нянчить. Они же своими руками выносили рослых мужчин с поля боя. Причем выносить требовалось обязательно с оружием. Раненый, вынесенный без оружия, санинструктору не засчитывался. Так вот, отряд в составе 90 морских пехотинцев, четырех санинструкторов и телефонистки Раи Галициной должен был выполнить задачу особой важности.

В ночь на одиннадцатое июля отряд скрытно и бесшумно двинулся вдоль стен разрушенных домов Азовской улицы. Десантники, вооруженные автоматами, противотанковыми ружьями, гранатами, ножами, сосредоточились за складскими помещениями. Терпеливо ожидали, пока артиллерия обработает передний край обороны противника и сами объекты атаки. Школу и дом заволокло дымом, пылью. После пятиминутного артналета взвилась в небо красная ракета. Отряд ринулся к школе, прорвался к ней, захватил и жактовский дом.

Впрочем, "захватил" неточно сказано. Противник цепко удерживал второй этаж. Окна здесь были заставлены бочками с цементом. Они не позволяли использовать гранаты. Да и автоматные очереди не достигали цели. Оттуда же, вниз и вверх враг легко обстреливал атакующих. Перестрелка перешла в кровавую схватку. В коридорах первого и второго этажей кипел рукопашный бой. Падали, скатывались по лестничным маршам раненые. Погибли сам Воропаев, санинструктор Аня Хасянова, ранен главстаршина Ясов.

И вот в этом аду, в темноте, озаряемой лишь вспышками выстрелов, выполняли свой долг наши санинструкторы. Выносили раненых в безопасное место, сами стреляли, когда была необходимость, делали перевязки.

Валя Пшеничная вытащила погибшего командира отряда, затем свою подругу Хасянову. Вернулась в здание и до конца боя оказывала помощь раненым. Неужто природа наделила Валу и ее ровесниц двойным или даже тройным запасом физических и духовных сил?!

Должно быть, мечта о победе, о мире, устремленность к светлomu завтра многократно увеличивали заряд энергии. И не только у взрослых. Бок о бок с нами сражались подростки, мальчишки 13—14 лет. Им поблажек не было. Они рыли окопы, ходили в атаки, несли службу в нарядах. Мне запомнились Анатолий Комар, Витя Берман, Витя Солонухин и Саша Борцов. Они с гордостью носили матросскую форму и оружие, как о чем-то будничном говорили об уничтоженных ими врагах, рвали на самые горячие задания.

А. Комар, которому тогда не исполнилось и пятнадцати лет, спасая жизнь бойцов, погасил своим телом, я бы сказал, своим сердцем огненное жало фашистского пулемета.

Фронт везде и всюду — огонь и пламя, кровь и смерть, подвиг и печаль. Но из всех мест, где мне довелось восвать, Малая Земля по-особому вписалась в мою биографию. Да и не только в мою. Участник боев на Малой Земле Василий Дитяткин так отозвался о ней:

Здесь камни плавилась
и плавился металл.
Врагу казалось —
ни одной букашке
На той земле
не протянуть и дня.
А люди в бескозырках
и тельняшках
Крутой стеной
вставали из огня.
Плечом к плечу —
живые бастионы
Сражались насмерть,
бились до конца.
Передний край
матросской обороны
Незримо проходил
через сердца.
Им честь отдай!..

Разве не согласишься с автором этих пламенных строк, разве не присоединишься к его призыву, обращенному к людям, к потомкам:

Остановитесь.
Поклонитесь низко.
Не надо слез.
Не опускайте взгляд.
Я им бы каждому
отлил по обелиску.
И всех, что есть,
не пожалел наград.

Наград заслуживали все — автоматчики, саперы, связисты, тыловики. Да, и они, чудом доставлявшие нам пусть урезанный паек питания, пусть не всегда в достатке наделявшие нас боеприпасами. Однако и они совершали подвиг, под огнем, под бомбежками переправляя с Большой земли на Малую тысячи тонн грузов.

Наша 255-я бригада несколько раньше остальных частей ушла с Малой Земли. Поэтому неизвестна мне дальнейшая судьба мальчишек. Что касается 613-й отдельной штурмовой роты, финал ее трагический. В боях у Мыса Любви она совместно с другими подразделениями захватила парк имени Д. Бедного, кроватный завод, подошла к зданию тюрьмы. Здесь командир роты капитан Фрейдин и несколько солдат попали в окружение. Фрейдин отстреливался до последнего патрона. Затем ворвался в гущу врагов,

ИРО — СССР

ПОЛЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ

57 АРМИИ

ОТДЕЛ КАДРОВ

23 августа 1944 г.

С П Р А В Н А

Вылана Мадрид Лейбмань

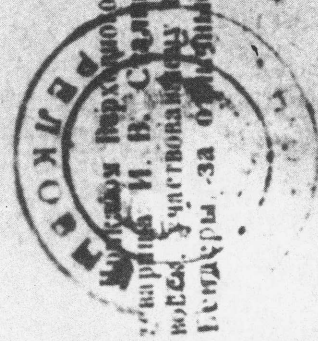
Водопроводу

Анатолия Шмигу

в том, что он является участником авиационных боев 1944 г. за овладение городом Бендеры в составе войска 57 армии.

Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина от 23.08 — 1944 г. всему личному составу в боях по овладению штурмом города и крепости Бендеры за образцовые боевые действия объявлена благодарность.

Начальник Отдела кадров 57 армии
Полковник Н. ПОЛЯКОВ.

НКО — СССР

ПОЛЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ
57 АРМИИ

ОТДЕЛ КАДРОВ
30 августа 1944 г.

Справка

Выдана

Мадрид Лейтман

Добровозову
(Ф. И. О.)

Антонию Зимичеву
(И. М. Я., отчество)

в том, что он является участником августовских боев 1944 г. за овладение городом и портом Констанца (Румыния) в составе войск 57 армии.

Вышеупомянутого Главного командующего Маршала Советского Союза Сталина от 30.08—1944 г. всему личному составу войск, участвовавшему в боях за город и порт Констанца, за отличные боевые действия объявлена благодарность.

Начальник Отдела Кадров 57 армии
Полковник Н. ПОЛЯКОВ.

НКО — СССР

ПОЛЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ
57 АРМИИ

ОТДЕЛ КАДРОВ
9 сентября 1944 г.

Справка

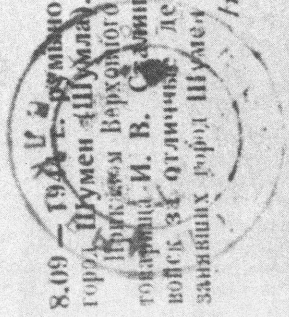
Выдана

Мадрид Лейтман

Добровозову
(Ф. И. О.)

Антонию Умичу
(И. М. Я., отчество)

в том, что он является участником сентябрьских операций Красной Армии в Болгарии в составе войск 57 армии, пересекших восточно-болгарскую границу и занявших 9.09 — 44 г.

8.09 — 1944 г. румыно-болгарскую границу. Главного командующего Маршала Советского Союза Сталина от 9.09—1944 года — всему личному составу войск, участвовавшему в операциях на территории Болгарии и занявших город Шумен (Шумла) объявлена благодарность.

Начальник Отдела Кадров 57 армии
Полковник Н. ПОЛЯКОВ

Участнику боев в районе озера
Балатон *М. Г. Ясов*

Сейтхалилову

Ворожобову

Ахметову С. С. Говору

Командир части

С. Г. Ясов

М. П.

Г. М. Ясов

П Р И К А З
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Командующему войсками
3-го Украинского фронта
Маршалу Советского Союза
ТОЛБУХИНУ

Начальнику штаба фронта
генерал-лейтенанту **ИВАНОВУ**

Войска 3-го Украинского фронта, отразив атаки одиннадцати танковых дивизий немцев юго-западнее Будапешта и измотав их в оборонительных боях, перешли потом в наступление, разгромили танковую группу немцев и продвинулись вперед на 70 километров на фронте протяжением более 100 километров.

Благодарности Верховного Главнокомандующего

Из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в разгроме танковой группы немцев.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН

24 марта 1945 года
№ 306

Р. Г. Ясов, старшина 255-й бригады морской пехоты, 1943 г.

Л. Ф. Ревина-Симагова, военврач, 1944 г.

С. Л. Кудрявцев, ст. лейтенант, 1945 г.

В. Минчев, командир роты автоматчиков, 1942 г.

Б. Эргашев

*В. Е. Цигаль, скульптор, редактор
газеты "Полундра"*

*А. Барбелюк, командир минвзвода,
1943 г.*

*С. Грязнов, командир 14-го батальона,
1943 г.*

С. Р. Асатурян, матрос, 1942 г.

*С. Борзенко, военный корреспондент
газеты "Правда", 1944 г.*

*И. Куников, командир десантного
отряда, 1943 г.*

А. Газиев, комсорг 255-й бригады
морской пехоты, 1943 г.

Н. Нургазиев, командир батальона
317-й стрелковой дивизии

А. Чилибев, матрос из отряда
Ц. Куникова

Командир 255-й бригады морской пехоты,
полковник А. Потапов, начальник штаба А. Хлябич

Полковник А. Потапов вручает награду лейтенанту И. Журухину

Разведчики 14-го батальона 255-й бригады морской пехоты отдыхают после ночного боя

Н. Асина, фотокорреспондент ТАСС, 1942 г.

Колодец — один из источников воды на Малой Земле

Автоматчики роты Мамаева ведут огонь по противнику.
255-я бригада морской пехоты, Малая Земля, 1943 г.

Добыча воды, 255-я бригада морской пехоты, 1943 г.

Пересечение румыно-болгарской границы

Автоматчики роты Мамаева в бою, 1943 г.

Доставка боеприпасов и продовольствия на передовую 255-й бригады морской пехоты, 1943 г.

Возвращение домой после освобождения родной земли от фашистов

Дети оккупированных территорий перед отправкой в Германию

Ездовой ослика Суем направляется на передний край с горячей кашей для бойцов Малой Земли, 1943 г.

противотанковой гранатой подорвал себя и гитлеровцев. Фактически это был последний день существования роты. В жестоком бою она понесла невосполнимые потери и была расформирована.

613-й Отдельной штурмовой роте еще повезло в том плане, что она подвигами своих бойцов, своей ролью в боях на плацдарме все-таки прочно вписалась в героическую хронику Малой Земли. Упоминают о ней в мемуарах военачальники. Теплое слово о ней сказали журналисты, литераторы, военные историки. Совсем далеко стороной обошла слава морских пехотинцев 2-го Отдельного батальона морской пехоты. Досадно! И не просто досадно, а до горечи обидно за них, героически сражавшихся, проливавших кровь, не щадивших своей жизни.

Второй Отдельный батальон морской пехоты занимал оборону в районе цементных заводов "Октябрь" и "Пролетарий". Там же громили врага подразделения нашей 255-й бригады морской пехоты. Агитаторы не раз и не два ставили нам в пример отвагу, смекалку, стойкость лейтенанта Николая Воронкина, который в ту пору командовал во 2-м ОБМП ротой, командиров взводов лейтенантов Новикова, Ефименко, начальника штаба лейтенанта Жернового, главстаршину Королева, старшину 1-й статьи Белякова, связками гранат уничтожившего два гитлеровских танка...

Ситуация парадоксальная: известны героические дела батальона, на устах у многих малоземельцев фамилии его бойцов, а батальон не вошел в список частей, сражавшихся на крохотном плацдарме. Только публикации П. Межеричкого несколько восстановили справедливость, высветили затененную и безвинно забытую страницу массового подвига.

Морские пехотинцы 2-го ОБМП ни в чем не поступились честью ни в боях при обороне Кавказа, ни на Таманском полуострове, ни в трижды огнем крещенной Станичке. Правда, тогда еще не было 2-го батальона. Официальная дата его рождения относится к сентябрьским дням 1943 года. До этого морские пехотинцы сражались в подразделениях, носивших иную нумерацию, относившихся к другим частям. Лейтенант Николай Митрофанович Воронкин высадился в ненастную ночь 4 февраля 1943 года в Станичке. Воевал под командованием Цезаря Куникова, был у него на плацдарме командиром корректировочного поста. Корректировщиком оказался отменным и смелым. Проникал чуть ли не в расположение гитлеровских войск, вызывая дикую ярость у врага. На него обрушивали огонь минометчики, автоматчики. Его даже бомбили авиаторы. Назначенный командиром роты, он в бою командовал и самим батальоном, терявшим героических своих комбатов.

Костяком батальона были остатки подразделений, которые под ударами превосходящих сил в сентябре 1942 года отступили с Таманского полуострова. В те трагические дни батареицы 140-го отдельного артдивизиона Керченской военно-морской базы, израс-

ходовав боскомплект, взорвали орудия и на пробившихся к мысу Панагея катерах вырвались из окружения.

Бойцов артдивизиона и других подразделений, эвакуированных с Таманского полуострова и собранных в единый отряд, по приказу незамедлительно бросили в сражавшийся Новороссийск. Командиром этого батальона морской пехоты, насчитывавшего почти шестьсот человек, назначили капитана Литвинова, начальником штаба — старшего лейтенанта И. Головачева, комиссаром — политрук А. Олейникова.

Батальон, пока еще безымянный, выдвинулся из Кабардинки на Новороссийск и занял оборону под стенами завода "Пролетарий".

Политрук посчитал необходимым рассказать бойцам о том, какой уголок земли им надлежало оборонять:

— В этом доме жил учитель здешней школы Федор Гладков, — сообщал Олейников, хорошо знавший Новороссийск. — Вот и завод, в цехах которого работали герои книги "Цемент".

Сейчас панорама заводов выглядела тревожно. Но именно им, поставщикам ценного строительного материала, суждено было сыграть важную роль в оборонительных боях. Боевой настрей моряков был так высок, что на следующее утро батальон перешел в наступление и, миновав Мефодиевку, овладел заводом "Красный двигатель". Танки врага остановили этот мощный рывок. У моряков не было ни артиллерии, ни гранат для борьбы с броневыми машинами. Оказавшись без огневой поддержки, батальон вынужден был отступить, еще не ведая того, что попал в засаду. В Мефодиевке под огнем пулеметов и автоматов полегло немало отважных. Горстка оставшихся бойцов пробилась к цемзаводу "Пролетарий" и там влилась в подразделения первого батальона 83-й морской стрелковой бригады.

Морские пехотинцы батальона, не успевшего получить даже подлинного своего наименования, не теряли надежды на то, что он все-таки обретет статус самостоятельной части. Роковые обстоятельства вновь и вновь мешали этому. На участке обороны 83-й морской бригады творилось что-то неопишное. Армада вражеских войск, втрое-вчетверо превышавшая число защитников рубежей, обрушила тысячи снарядов, мин. Танки, самоходные артиллерийские установки, подразделения автоматчиков раздробили фронт, разобили боевые порядки 83-й бригады. Оттеснили два ее батальона к Мысхако и почти окружили первый батальон. Тот самый, который принял в свой состав остатки батальона морской пехоты.

В боевых донесениях тех сентябрьских дней 1942 года неоднократно фигурировали 15-й отдельный батальон морской пехоты, 103-я курсантская бригада, еще ряд подразделений, стеной ставших на пути врага. Справедливости ради следует сказать: речь шла уже не о батальонах, бригадах, ротах, а о горстках бойцов, которые от них остались. Из этих-то подразделений и был создан 2-й отдельный

батальон морской пехоты, командовать которым выпала честь старшему лейтенанту Н. Фролову.

Рождение воинской части — событие важное. Оно оформляется документально. Важнейший документ — формуляр части — появляется в один день с частью и сопровождает ее до конца, отражая боевой путь, важнейшие события, сохраняя имена героев, место и даты совершенных ими подвигов. Не повезло 2-му ОБМП с формуляром. Бомба крупного калибра разрушила здание техникума, где хранились штабные документы. Батальон остался без своего "удостоверения личности", без "паспорта". Его, вероятно, можно было сравнить с человеком, оказавшимся без единого документа и неспособным доказать, кто он и что он. Должностным лицам недосуг было все поставить на свое место. Ну а морские пехотинцы на совесть били врага, не заботясь о славе.

Бойцам 255-й бригады известны были и побратимы из 2-го ОБМП. Прославился отвагой младший политрук Алексей Лукашов. Сняв два орудия с подорванного бронепоезда "Свердловский железнодорожник", Лукашов и его товарищи уничтожили немало живой силы и важных объектов противника.

Группа моряков, оборонявших Дом ударников отбила несколько атак. В критический момент подчиненный старшины Демченко Георгий Беликов выполз из подвала горевшего здания и связками гранат подбил два танка. Благодаря смелости воина взвод вышел из окружения.

Несмотря на адское невезение, на трагизм судьбы батальона, его бойцы и командиры прониклись гордостью за него, многострадальный и не наделенный официальной славой. Николай Воронин, уже в звании подполковника, напишет в своих воспоминаниях, что своим главным воинским подвигом считал командование 1-й ротой 2-го ОБМП.

Бывший комбат И. Жерновой тоже искренне признает: "Мне довелось немало повоевать в обороне Одессы, Севастополя, на Керченском полуострове и Малой Земле. Но всего памятнее мне цемзаводы, где наши морские пехотинцы, быть может, впервые почувствовали, на что они способны".

Печально, конечно, что не сохранилось документов о тех боях в районе цемзаводов. Но участники-то героических дней еще живы! Значит, остался в строю и 2-й отдельный батальон морской пехоты с его самоотверженными воинами, с подвигами, которые врезались в память многих защитников Новороссийска, малоземельцев.

Разве забудется день, более похожий на сумерки. Дымные, удушливые от огня и пыли сумерки, через которые не могло пробиться солнце. Противник обошел фланг 2-го ОБМП со стороны гор. Опасность не поколебала давших клятву моряков насмерть защищать занятый рубеж. Когда умолк пулемет на втором этаже дома и гитлеровцы рванулись к нему, санитар матрос Бирюков бросился к пулемету и буквально выкосил очередями врагов,

ходовав боекомплект, взорвали орудия и на пробившихся к мысу Панагея катерах вырвались из окружения.

Бойцов артдивизиона и других подразделений, эвакуированных с Таманского полуострова и собранных в единый отряд, по приказу незамедлительно бросили в сражавшийся Новороссийск. Командиром этого батальона морской пехоты, насчитывавшего почти шестьсот человек, назначили капитана Литвинова, начальником штаба — старшего лейтенанта И. Головачева, комиссаром — политрука А. Олейникова.

Батальон, пока еще безымянный, выдвинулся из Кабардинки на Новороссийск и занял оборону под стенами завода "Пролетарий".

Политрук посчитал необходимым расказать бойцам о том, какой уголок земли им надлежало оборонять:

— В этом доме жил учитель здешней школы Федор Гладков, — сообщал Олейников, хорошо знавший Новороссийск. — Вот и завод, в цехах которого работали герои книги "Цемент".

Сейчас панорама заводов выглядела тревожно. Но именно им, поставщикам ценного строительного материала, суждено было сыграть важную роль в оборонительных боях. Боевой настрой моряков был так высок, что на следующее утро батальон перешел в наступление и, миновав Мефодиевку, овладел заводом "Красный двигатель". Танки врага остановили этот мощный рывок. У моряков не было ни артиллерии, ни гранат для борьбы с броневыми машинами. Оказавшись без огневой поддержки, батальон вынужден был отступить, еще не ведая того, что попал в засаду. В Мефодиевке под огнем пулеметов и автоматов полегло немало отважных. Горстка оставшихся бойцов пробилась к цемзаводу "Пролетарий" и там влилась в подразделения первого батальона 83-й морской стрелковой бригады.

Морские пехотинцы батальона, не успевшего получить даже подлинного своего наименования, не теряли надежды на то, что он все-таки обретет статус самостоятельной части. Роковые обстоятельства вновь и вновь мешали этому. На участке обороны 83-й морской бригады творилось что-то неопишущее. Армада вражеских войск, втрое-вчетверо превышавшая число защитников рубежей, обрушила тысячи снарядов, мин. Танки, самоходные артиллерийские установки, подразделения автоматчиков раздробили фронт, разобили боевые порядки 83-й бригады. Оттеснили два ее батальона к Мысхако и почти окружили первый батальон. Тот самый, который принял в свой состав остатки батальона морской пехоты.

В боевых донесениях тех сентябрьских дней 1942 года неоднократно фигурировали 15-й отдельный батальон морской пехоты, 103-я курсантская бригада, еще ряд подразделений, стеной ставших на пути врага. Справедливости ради следует сказать: речь шла уже не о батальонах, бригадах, ротах, а о горстках бойцов, которые от них остались. Из этих-то подразделений и был создан 2-й отдельный

батальон морской пехоты, командовать которым выпала честь старшему лейтенанту Н. Фролову.

Рождение воинской части — событие важно. Оно оформляется документально. Важнейший документ — формуляр части — появляется в один день с частью и сопровождает ее до конца, отражая боевой путь, важнейшие события, сохраняя имена героев, место и даты совершенных ими подвигов. Не повезло 2-му ОБМП с формуляром. Бомба крупного калибра разрушила здание техникума, где хранились штабные документы. Батальон остался без своего "удостоверения личности", без "паспорта". Его, вероятно, можно было сравнить с человеком, оказавшимся без единого документа и неспособным доказать, кто он и что он. Должностным лицам недосуг было все поставить на свое место. Ну а морские пехотинцы на совесть били врага, не заботясь о славе.

Бойцам 255-й бригады известны были и побратимы из 2-го ОБМП. Прославился отвагой младший политрук Алексей Лукашов. Сняв два орудия с подорванного бронепоезда "Свердловский железнодорожник", Лукашов и его товарищи уничтожили немало живой силы и важных объектов противника.

Группа моряков, оборонявших Дом ударников отбила несколько атак. В критический момент подчиненный старшины Демченко Георгий Беликов выполз из подвала горевшего здания и связками гранат подбил два танка. Благодаря смелости воина взвод вышел из окружения.

Несмотря на адское невезение, на трагизм судьбы батальона, его бойцы и командиры прониклись гордостью за него, многострадальный и не наделенный официальной славой. Николай Воронин, уже в звании подполковника, напишет в своих воспоминаниях, что своим главным воинским подвигом считал командование 1-й ротой 2-го ОБМП.

Бывший комбат И. Жерновой тоже искренне признает: "Мне довелось немало повоевать в обороне Одессы, Севастополя, на Керченском полуострове и Малой Земле. Но всего памятнее мне цемзаводы, где наши морские пехотинцы, быть может, впервые почувствовали, на что они способны".

Печально, конечно, что не сохранилось документов о тех боях в районе цемзаводов. Но участники-то героических дней еще живы! Значит, остался в строю и 2-й отдельный батальон морской пехоты с его самоотверженными воинами, с подвигами, которые врезались в память многих защитников Новороссийска, малоземельцев.

Разве забудется день, более похожий на сумерки. Дымные, удушливые от огня и пыли сумерки, через которые не могло пробиться солнце. Противник обошел фланг 2-го ОБМП со стороны гор. Опасность не поколебала давших клятву моряков насмерть защищать занятый рубеж. Когда умолк пулемет на втором этаже дома и гитлеровцы рванулись к нему, санитар матрос Бирюков бросился к пулемету и буквально выкосил очередями врагов,

беспорядочной толпой бежавших к этому ключевому пункту обороны.

Танки поливали огнем из пулеметов проем окна, где находился Бирюков. Затем на дом обрушились снаряды. Одним из них уничтожило матроса. И все-таки враг не прошел.

Старшина несколько раз поднимал матросов врукопашную, и они вынуждали гитлеровцев отступить. П. Ромашков и П. Петриченко вместе с санитарями по канализационным трубам эвакуировали раненых товарищей из захваченного немцами Дома культуры. Роты несли потери, но батальон жил, сражался, удивляя врага своей неодолимостью.

Мозг, разум протестуют при мысли о том, что подвиг может быть забыт, задут в гробах, как пламя свечи. А всякий подвиг должен жить, быть "потомству в пример".

Два этих слова стали путеводной звездой и для чудо-богатырей минувшего века, и для людей моего поколения. Немеркнувший свет их уже 160 лет льется с Матросского бульвара в Севастополе, с памятника, на пьедестале которого две лаконичные надписи: "Казарскому", "Потомству в пример". Более полутора веков прошумели, прогрохотали над памятником. Дважды Севастополь был дотла разрушен, почти сметен с лица земли. А памятник уцелел. Как символ беззаветного мужества и непоколебимой верности Отчизне русских военных моряков, которые в далеком 1829 году под командованием капитан-лейтенанта Александра Ивановича Казарского в тяжелейшем морском сражении победили вдесятеро сильнейшего неприятеля. Благодарные россияне и воздвигли в 1843 году памятник. Потомству в пример...

...После жестоких бомбежек, схваток выпадали на нашу долю и блаженные минуты тишины. Тогда, хмелея от сознания исполненного долга, радуясь жизни, мы принимались мечтать о послевоенном житье. Мы почему-то склонны были думать, что солдаты, одолевшие невероятные испытания войны, когда-нибудь, уже постарев, обзаведясь детьми, внуками, критически взглянут на годы тяжелой своей молодости, удивятся ее богатому содержанию, с грустью вспомнят фронтовых побратимов и, возможно, сами не поверят в то, что совершали. Не поверят в свою отчаянную храбрость, самоотверженность, умение мгновенно ориентироваться в сложной обстановке. Очень может статься, что и потомки наши не все смогут принимать на веру, подстать тому, как мы относимся к деяниям былинных богатырей. Нужны испытанные истории основы, импульсы, те уникальные атрибуты, напоминающие о минувшем, какие, скажем, достались нам от предков. Уж они-то, наши прадеды и прапрадеды, знали, каким образом передать детям и внукам духовные сокровища, лучшие традиции. Глубоко правы они хотя бы в том, что считали: памятник — не только свидетельство славного прошлого, но и гарантия славного будущего. Осознание необходимости памятников равносильно их защите.

Потому что они так же обязательны в жизни, как любое достижение человеческого разума.

В войну опытные командиры, политработники использовали для поднятия боевого духа не только патриотические и политические публикации, но и памятники. Не пренебрег этим и комиссар 7-й бригады морской пехоты Николай Евдокимович Ехлаков. В его бригаде я, будучи юнгой, начинал службу осенью 1941 года. Время тогда было многотрудное. Бригада только что с тяжелейшими боями, лишившись многих своих матросов и командиров, пробилась к Севастополю, получила участок обороны и приступила к выполнению своих задач. Но при первой возможности батальонный комиссар Ехлаков отобрал группу матросов и заявил:

— Пойдете на Братское кладбище.

Попал в число "экскурсантов" и я, немало удивленный столь неожиданной вылазкой в город и столь неожиданным выбором объекта знакомства с ним. Возможно, комиссар поступил так сообразно глубокой преданности семейной традиции. Он признался нам, что дед его, солдат Суздальского пехотного полка, участвовал в первой обороне Севастополя. Одному из батальонов бригады выпало защищать боевой рубеж — гору Суздальскую, названную так в благодарность за подвиги солдат легендарного полка.

Как бы то ни было, мы отправились на Братское кладбище. Первое, что меня, в ту пору пятнадцатилетнего, поразило, — надпись у ворот с невысокой аркой. Она извещала посетителей, что здесь, за каменной оградой, покоятся 127 тысяч защитников Севастополя, погибших в 1854—1855 годах. Мысленно я ужаснулся этой цифре: 127 тысяч! Целый город, лучше сказать — добрый десяток полков доблестных сынов Отчизны нашли вечный покой на каменистом склоне холма... Тысячи одинаковых посеребривших от времени и печали каменных плит. Одни с именами похороненных. Множество — без надписей (не удалось тогда установить фамилии). Так навсегда остались они безымянными. Природа, будто сожалела об этом и восполняя пробел, обрамила квадратики серого камня порослью зелени.

На некоторых плитах три даты: рождения, ранения, кончины. Иные защитники умерли вдали от Севастополя, но похоронены там, где пролили кровь. Отважный генерал С. А. Хрулев, командовавший войсками Корабельной стороны, скончался вдали от города русской славы, в Петербурге. Но согласно его завещанию похоронен здесь, в севастопольской земле, политой кровью однополчан и его собственной.

Как мне тогда хотелось унаследовать от предков этот возвышенный патриотизм, эту верность военной присяге, земле, которую выпало оборонять от нашествия врагов! Я делился с товарищами впечатлениями. И они воспринимали все сочувственно, с пониманием, ничуть не относясь к моей исповеди, как к вспышке юношеской романтики.

...Сегодня я испытываю горечь и чувство вины оттого, что не осталось памятника ни 613-й отдельной штурмовой роте, ни другим подразделениям, повторившим ее подвиги и судьбу, ни тысячам погибших героев, как это сделали прадеды-севастопольцы. А общий памятник, безусловно, величественный, монументальный, впечатляющий, воспринимается не более как произведение искусства. Скульптору Владимиру Цигалю, ныне народному художнику, академику, а в период нашего знакомства — малоземельцу, автору мемориального ансамбля, не откажешь в изобразительности, композиционном мастерстве. Будоражит душу и дело рук архитекторов Я. Белопольского, Р. Кананина, В. Хавина, участвовавших в создании мемориала. Однако это памятник тем тысячам участников героической эпопеи, которым судьба предоставила возможность

...вспомнить, как в лютой круговерти
Они пошли на смерть в тот грозный год,
Не думая о славе и бессмертье,
Лишь свято веря — будет жить народ.

Но вернемся к событиям зимы 1944 года, к походу на запад. Наши полные сострадания взоры прикованы к местным жителям, возвращавшимся в родные места, только что освобожденные от врага. Имущество этих людей в основном на плечах. Редко у кого увидишь тачку, заполненную скарбом, а то — узлы, котомки. Одежка полуистлевшая, в заплатках. На некоторых мальчишках и девчонках штаны и платица из солдатской бязи, выкрашенной ольховой корой.

Деревенки разорены. Ни кола, ни двора. Женщины и пацаны заделывают проломы и дыры в стенах уцелевших домов, щели в покосившихся сараях, роют землянки. Матери пекут олады из мерзлой картошки. Накопали ее, рискуя подорваться на mine или снаряде, которыми буквально нащигована земля.

Этих несчастных не пугают ни бомбежки, ни грохот канонады, который доносится с передовой. Печально вглядываются они в небо, черное от дыма днем, красное от пламени ночью.

— Фашисты дома жгут! — устало отмечают они. Старухи крестятся. Молят Бога, чтоб наказал супостата. Дети со страхом взирают на происходящее и готовы просить каждого солдата, чтоб поскорее изгнали фашистов.

Мы тоже всматриваемся туда, где заревом объят горизонт. Негодованию нет предела: никак не удастся поймать факельщиков. Входим в село — дома пылают, поджигателей след простыл. Более, чем остальным, повезло третьей роте 330-го Краснознаменного стрелкового полка, которым командовал ташкентец полковник Сыроч Насруллаев, также прошедший через горнило Малой Земли.

Третья рота ворвалась в село, столь стремительно и внезапно, что гитлеровцы не успели выполнить до конца свою гнусную

"программу". За подлым занятием застали их наши воины. Один немецкий солдат обливал из канистры бензином дом, второй поджигал его, поднеся факел. Спокойно, посмеиваясь, балагурия, они шли вдоль улицы от дома к дому. Оба опешили, увидев рядом с собой советских солдат. Те, в гневе, застрелили преступников. И только теперь заметили третьего фашиста, очевидно, руководившего подлой акцией. Его задержали, привели к командиру. Стали допрашивать:

— Зачем сжигаете дома?

— Приказ фюрера — все уничтожить.

Сержант Бычков, оглядев пленного, схватил его за руку, разжал кулак.

— Товарищ полковник, этот не факельщик. У него ни копоти, ни запаха бензина.

— Ты прав, сержант, — согласился Насруллаев. — Вот он чем занимался.

Протянул бойцам несколько изъятых при обыске фотографий. На них — ефрейтор за "работой": расстреливает советского солдата, истязает женщину, держит за ногу ребенка...

— В распыл его, — прозвучало брезгливо-презрительное.

Вмиг с немца слетела напускная бравада. Поняв, какой приказ получили солдаты, он бросился на колени перед советским офицером. Его вопли, сам вид вызывали отвращение.

Жестокость, бесчеловечность, садизм бытуют в любой войне. Противники в ярости, хмелея от сознания своего превосходства, от ненависти, подогреваемой пропагандой и приказами, творят ужасающее зло. Особенностью поведения и поступков фашистов являлась крайняя жестокость даже по отношению к своим. Факты, один чудовищнее другого, убеждали нас в этом. Когда бойцы 142-го Отдельного батальона морской пехоты захватили Георгиевский монастырь в Крыму, подготовленный немцами к взрыву; когда обезвредили фугасы и спустились в подземелье, то были поражены. В монастыре размещался госпиталь. Сотни тяжелораненых и больных немецких солдат, оставленных без всякой медицинской помощи. И вот этот "объект" намечалось уничтожить вместе с обреченными, попавшими туда "солдатами фюрера!"

Дни и ночи трудились наши медики, спасая изнуренных, потерявших человеческий облик вояк рейха... Гуманность тоже присуща воинам. Она удел сильных, уверенных в своей правоте и красивых душой людей. Группа медицинских работников, возглавляемая старшим лейтенантом С. Игониным, лишний раз подтвердила эту аксиому. Подтвердил ее и заместитель командира батальона по тылу, капитан Козыренко. Подтвердил заместитель командира 142-го батальона майор Г. Митлаш, принявший самые энергичные меры к спасению несчастных. Подтвердили их подчиненные. Пленные были обеспечены продуктами питания. Создали им и надлежащие бытовые условия.

Возможно, это был единственный в своем роде случай за всю войну? Как бы не так! Я встречался с участниками феодосийского десанта сержантами Егоровым и Стукало. Они, под впечатлением увиденного в Георгиевском монастыре, поведали о том, как в подобной ситуации помогали раненым солдатам врага в Феодосийском госпитале на бывшей Итальянской улице. Ворвавшись в госпиталь, воины обнаружили там под кроватями раздетых, с сорванными повязками немецких солдат. Оказалось, что бинтов в госпитале не было, и офицеры, тоже раненные, срывали их с солдат. Не хватало места в палатах. Офицеры сбрасывали солдат с кроватей, ложились сами.

У нас, как я знаю по собственному опыту, не было разницы, кого ужалила пуля. Ко всем раненым отношение было одинаковым. Случались и нехватки перевязочного материала, медикаментов. Никто не "добывал" их методом, который удивил и возмутил наших десантников.

После кровопролитного боя в Буряках на Житомирщине 129-я гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия по-прежнему наступала на главном направлении армии.

Тридцать километров, оставшихся до Житомира, не поддавались, кажется, никакому измерению. Глубокоэшелонированная оборона, минные поля, инженерно-технические сооружения, доты и дзоты опоясывали город. Сюда враг стянул механизированные части, артиллерию.

Отвага, ратная выучка бойцов помогли сломить отчаянное сопротивление противника. Образец героизма проявил оружейный расчет сержанта Кавтарадзе. Пять танков уничтожили артиллеристы. Раненные не уходили с позиции. Вокруг орудия рвались снаряды. Расчет засыпало землей. Погибли подносчик снарядов и заряжающий. Кавтарадзе, раненный, преодолевая боль, продолжал вести огонь и подбил еще один танк противника. В этот момент в орудие попал снаряд, искорежил его. Стрелять больше было некому и не из чего. Истекавший кровью артиллерист потерял сознание.

Целые сутки длился бой на рубеже Стридовка — Калиновка. Наконец, понеся потери, враг отступил. Первыми в город ворвались пехотинцы батальона гвардии майора В. Жуйко. Радость гвардейцев омрачила гибель комбата. Благодарные житомирцы назвали впоследствии одну из улиц именем отважного командира Василия Семеновича Жуйко.

В первые весенние дни, в распутицу, дивизия продвигалась в направлении Уланов-Хмельник-Летычев, освобождая села Винницкой области и, взломав вражескую оборону, вышла к Южному Бугу. Нам было в новинку смотреть на плавно катившую свои воды судоходную реку. Ветераны же дивизии встретились с ней вторично. В августе 1941 года в многодневных боях под Николаевом они изматывали врага. Упорно сопротивляясь, не имея достаточно

танков, артиллерии, боеприпасов, они все-таки наносили противнику ощутимые удары.

Теперь дивизия, оснащенная боевой техникой и оружием, возвратилась к берегам привольной реки. Личный состав ее, накопивший солидный опыт в крупных сражениях и боях, был полон решимости скорее форсировать водную преграду, чтоб освободить Николаев. Но на противоположном берегу гитлеровцы создали мощную оборонительную линию. Николаев превратили в труднодоступную крепость, которая встретила наступающих лавиной огня. В то же время немецкое командование подготовило к взрыву основные предприятия города и его гордость — морской порт, где у причалов стояли четырнадцать вагонов со взрывчаткой.

Чтобы облегчить штурм города, командование решило скрытно высадить десант в городской порт. Крупный десант, многолюдный, с боевой техникой, не укрыть от глаз противника. Сошлись на том, что должную роль может сыграть десант малочисленный, из отлично владеющих оружием, физически закаленных и бесстрашных воинов.

Такими отчаянными по всем статьям были морские пехотинцы 255-й бригады морской пехоты. В особый отряд вошли пятьдесят пять добровольцев из 384-го отдельного батальона морской пехоты, которым командовал майор Ф. Котанов.

Пятьдесят пять отважных... Некоторые из них сражались на Малой Земле в куниковском отряде. Неустрашимые, многоопытные, воспитанные на традициях войскового товарищества и фронтового братства, верности присяге.

Накануне выброски десанта удалось получить разведанные о том, что Николаевский порт заминирован. Десанту потребовались саперы, а также радисты. Отряд пополнился и насчитывал шестьдесят шесть бойцов. Командир — старший лейтенант К. Ольшанский — шестьдесят седьмой. Проводник из местных жителей, А. Андреев, шестьдесят восьмой.

Дождливой холодной мартовской ночью десант скрытно, на семи весельных лодках, отправился вверх по течению Южного Буга. Никем не замеченные бойцы на рассвете подошли к порту, бесшумно сняли часовых и заняли оборону. Основные силы десанта укрепились в двухэтажном здании конторы порта. Небольшая группа под командой старшины 1-й статьи К. Бочковича засела в каменном сарае.

Утром гитлеровцы обнаружили десант. Бросили против него крупные силы, двинули танки. По зданию вела огонь артиллерия. Бойцы отбивали атаку за атакой. Теряли и своих товарищей. Каждый проявлял чудеса храбрости. Матрос В. Ходырев, которому осколком отвало кисть руки, выполз навстречу танку и, зажав связку гранат, бросился под его гусеницу.

Раненые истекали кровью под неприятельским огнем. Вынести их было некуда: в здании ни укрытия, ни безопасного угла.

Пламя огнеметов опалило, оплывало, обуглило все, что способно гореть, плавиться. Матросы, укрепившиеся в каменном сарае, меткими очередями уничтожали врага, облегчая участь товарищей. Радостно вздохнули, когда после струй огнеметов из дымящихся оконных проемов здания по врагу ударили хлесткие автоматные очереди десантников. Воины еще не знали, что ряды десантников сильно поредели. Погибли командир отряда старший лейтенант К. Ольшанский и его заместитель по политчасти капитан А. Головлев. Погибли лейтенант Г. Волошко и матрос М. Авраменко. Смертельно раненный матрос Н. Скворцов из последних сил дополз до оконного проема, чтоб метнуть оттуда гранату на головы врагов.

Когда утром 28 марта наши войска ворвались в Николаев, то в живых застали матроса Н. Медведева, еще нескольких израненных бойцов. Уцелел и старшина 1-й статьи Ю. Лисицын, которого накануне Ольшанский послал к своим, чтоб доложить о положении десанта. Главное — он вызвал огонь артиллерии на себя.

Всем бойцам отряда — живым и погибшим — было присвоено звание Героя Советского Союза. К сожалению, не все попали в список Указа Президиума Верховного Совета, поскольку фамилии части воинов остались неизвестными. Награждены были только 55 морских пехотинцев из батальона Котанова да двадцать лет спустя после салюта Победы удалось установить фамилию проводника — добровольца А. Андреева. Ему в 1965 году было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Мне посчастливилось знать Ольшанского по боям в Крыму. Он, в ту пору лейтенант, я — юнга батальона. Константина Ольшанского любили матросы, готовы были идти за ним в огонь и воду. А он, сгусток энергии, находчивости, ума, распорядительности, слыл удачливым и заботливым командиром. Я не удивился, прочитав в одной из сводок Совинформбюро о том, что десантная группа старшего лейтенанта Ольшанского, высадившись ночью на берегу Азовского моря, оседлала дорогу, по которой отступали немецкие войска. Десантники внезапно напали на колонну противника, "истребив до шестисот вражеских солдат и офицеров".

Не удивило меня и то, что К. Ольшанского в самом начале десанта в Николаевский порт грудью прикрыл от пулеметной очереди боец Аркадий Буторин. Воин погиб, но ценой своей жизни спас командира.

В критическую минуту морские пехотинцы по примеру командира, поклявшегося до последнего дыхания биться с врагом, также дали клятву и передали ее по рации в свой 384-й батальон. Каждое слово этой клятвы — изумительный сплав патриотизма и мужества:

"Мы, бойцы, старшины и офицеры отряда Ольшанского, клянемся Родине, что задачу, стоящую перед нами, будем выполнять до последней капли крови".

Они сдержали свою клятву, и шестеро оставшихся в живых, тяжело переживая гибель командира и товарищей, могли с чистой совестью сказать: "Мы сделали все от нас зависящее, чтобы спасти Николаев от разрушений". Шестеро — это москвичи Юрий Лисицын, Ефим Павлов и Николай Медведев, ростовчанин Николай Щербаков, Михаил Хакимов из Казани и Никита Гребенюк из Николаева.

Даже сегодня, полвека спустя после событий трагического лихолетья, память не может смириться с утратами, порой оправданными, иногда — безрассудными. Беспokoйно листает она давние страницы, исписанные кровью воинов, пропитанные гарью сражений, и как бы между строк находит открытые лица парней, честно исполнивших долг солдата, защитника Родины. И тогда трепетно взывает к тому, чтоб поименно был назван каждый из них, отдавших жизнь во имя Отчизны, чтоб донести их подвиг до потомков, воссоздать светлые образы тех, кто брал не только удалю, но выдумкой, инициативой, солдатской хитростью.

Именно из таких, быть может, воссоздан в поэме Твардовского легендарный Василий Теркин, не знаю. У нас бесшабашным весельчаком прослыл разведчик Коля Родионов. Он не вписал в богатырскую родословную части выдающихся подвигов, хотя в тыл к врагу ходил охотно и был смел, не ловчил, за спины товарищей не прятался. Но каждым своим поступком закреплял славу отчаянного шутника.

Был случай, когда он, крепко насмешив товарищей, помог батальону вернуть утраченную позицию.

В только что закончившемся бою стрелковый батальон потерпел неудачу. Немцы потеснили его, отбив часть траншеи, прилегавшей к проселочной дороге. Жаль было и траншеи, и этой дороги, единственной в условиях распутицы транспортной артерии, соединившей передовую с тылом.

Коля Родионов, огорченный случившимся не менее других, не подавал виду, что угнетен. Наведаясь к командиру взвода разведки, попавшему в санчасть, о чем-то пошептался с ним и исчез. Куда? В МТС, где обратил внимание на с довоенных лет стоявшие там и покрывшиеся ржавчиной трактора. Вместе с двумя-тремя бойцами собрали из нескольких машин одну, завели ее. Прицепили к трактору порошковые бочки из-под керосина, куски рельсов. В два часа ночи громящий обоз направился к переднему краю обороны. Грохот от бочек стоял невероятный. Десяток танков пройдут — меньше шума.

Командиры стрелковых рот вмиг оценили выдумку Родионова. Взвилась ракета — сигнал атаки. Перепуганные гитлеровцы почти без сопротивления оставили траншею и спасались бегством. В темноте им трудно было разобратся, какими силами русские вступили в бой.

Утром авиация противника изощрялась в искусстве высшего пилотажа. Бомбила и только что не утюжила передний край обороны частей дивизии. Поступил приказ отойти на прежние рубежи. Разведчики вывели из строя трактор, сослуживший верную службу. Ротный поэт и отменный весельчак Чернов прикрепил к нему фанерный лист, на котором вывел красным карандашом:

Чи-ай, фашист!
И станет рожа у тебя зеленой
И будешь ты от злости трепетать,
Когда прочтешь, что Коля Родионов
Умеет трактор в танки превращать.

Гриша Чернов и Коля Родионов — парни одной закваски. Храбрецы, балагуры, умельцы. Словом, родственные души, не терпящие скуки и безделья. Если Родионова больше к технике влекло, то Чернова, помимо поэзии — к ремеслу, от прадедов и дедов унаследованному. Товарищи называли Гришу "ложкарем" за его умение вырезать ложки. Солдатам выдавали алюминиевые ложки. Их приспособились носить за голенищем сапог. Но, случалось, кто-то терял так необходимую в быту вещь. Обращались к Грише: "Выручи, братец!"

Чернов никому не отказывал. Только умел разыграть просителя. Улыбнется хитровато прежде чем взяться за работу:

— Выручу тебя, обязательно выручу. Скажи, какую тебе сделать ложку-то?

— Ну, обыкновенную.

— Может, интеллигентскую баскую или полубаскую?

— Какую там интеллигентскую!

— Да ты не понял. Баскими и полубаскими ложками мои земляки в старину московские трактиры снабжали.

— Так мне же не в трактир с ней ходить.

— Тогда хохлатку тебе сделаю?

— Какую еще хохлатку? Что я, петух какой?

— При чем тут петух? Хохлаток мои земляки возами на Украину отправляли. Там эти ложечки нарасхват шли в ярмарочные дни.

Чем дольше продолжался торг, тем больше подмывало всех расхохотаться. Но кто-нибудь подавал знак: потерпите, дескать, узнаем, чем закончится.

Гриша вроде бы начинал сердиться.

— На тебя, вижу, не угодишь. Говори же, какую тебе ложку.

— Перетиральную, что ль? А может сливочную?

— Сливочную? Это какую же?

— Красивую, косую только, чтоб ловчей снимать сливки с молока.

— На кой она мне?! Сделай такую, чтоб зачерпнул раз-другой и сыт!

— А-а, межеумок, значит! Так бы сразу и сказал.

— Делай межеумок.

Взрыв хохота означал, что торг окончен, уговор состоялся. Оставалось ждать исполнения заказа. С этим Гриша управлялся вовремя, если не мешали бои. Нашел подходящий полен и принимался за работу. Даже в темноте, наощупь вырезал. Как правило, через день, а то и на следующий день вручал товарищу подарок со словами:

— На, дружище, ешь на здоровье, да фашистов колоти крепче.

Вручил он сослуживцу "межеумок". Заказчик растерялся:

— Чего ты выскоблил? Это же уполовник!

Взвод покатывался со смеху.

— Эту ложку за голенище не сунешь...

— А ты ее к поясу привяжи. Рядом с лопатой саперной. В бою немцев колотить сгодится.

Григорий невозмутимо и вроде бы с обиженным видом начинал высказывать:

— Сам же заказывал такую ложку, чтоб зачерпнул раз-другой и сыт? Я еще уточнил: "Межеумок тебе?" Ты что ответил: "Делай межеумок". Межеумок-то, брат мой, по всей матушке-Волге в ходу был. Грузчики его покупали, рыбаки, матросы... Зачерпнет рыбак раз-другой ухи из ведра — и сыт.

Заказчик смущен.

— Кто тут меня ухой кормить станет?

— Ладно, братец. На тебе в придачу к межеумку сибирку.

Протягивал аккуратную ложку. И добавлял разочарованно:

— Покрасить бы! заиграла бы... Так нечем. Ну а межеумок повару подари. Вареву помешивать сгодится.

Одни восхищали удалью, храбростью, солдатской хитростью. Другие — стойкостью, долготерпением. Третьи — умением оценивать обстановку и в зависимости от нее наносить удары расчетливо, внезапно. Так обычно поступал младший лейтенант А. Морозов, за что ему нередко выпадала честь ходить со своим взводом в разведку.

Кто может сказать, сколько жизней уберегла лишь одна его инициатива. Разведчики углубились в оборону противника. Время от времени Морозов докладывал по радио сведения, которые могли интересовать командование полка. На опушке леса дозорные обнаружили немецкую гаубичную батарею, которая прежде не выдавала себя. Вероятно, получив целеуказание, она дала залп. Огонь, конечно же, был открыт по наступавшим советским подразделениям.

В задачу Морозова не входило вступать в бой да еще с превосходящими силами. Но он правильно решил: внезапность — это выигрыш. Разведчики подползли к батарее вплотную, замаскировались в кустах. По сигналу офицера солдаты забросали фашистов гранатами и вслед за разрывами устремились к орудиям. Автоматными очередями перебили прислугу, привели в негодность орудия,

подорвали склад боеприпасов и, затратив на схватку считанные минуты, продолжали выполнять основную свою задачу.

Внезапность, безусловно, выигрыш. Но только при условии безупречных грамотных действий. Боже упаси допустить хотя бы малейшую небрежность. К сожалению, было и такое. В период боев на Северском Донце мы потеряли семерых разведчиков из-за случайной неосторожности одного из них. Разведвзводу лейтенанта П. Сидорова была поставлена задача взять "языка". План поиска разрабатывался тщательно. Разведчики во взводе были отменными. Сам лейтенант отличался находчивостью, фронтовой сметкой.

В данном случае требовалось скрытно подобраться к дзоту, внезапно атаковать находившихся в нем гитлеровцев и, захватив пленного, уходить.

Начало было удачным. Разведгруппа бесшумно преодолела проволочное ограждение, подползла к объекту атаки. Оставалось выждать удобного момента. Неожиданно один из разведчиков, неосторожно продвигаясь вперед, разбил бутылку с горючей смесью. Она воспламенилась, озарив пламенем всю группу нападения. Немецкий часовой, стоявший у входа в дзот, открыл огонь. Поднялся переполох. Гитлеровцы организованно вступили в бой. Разведчики, рассчитывавшие внезапной атакой достичь успеха, понесли потери и поспешно отступили.

Опытные разведчики, не отказываясь от фактора внезапности, отдавали предпочтение осмотрительности, терпеливому выжиданию благоприятного момента для решительных действий и выполнения поставленной задачи. Этим отличался лейтенант В. Ерошкин. В боях на днестровском плацдарме в районе Беляевка — Маяки нашей разведке долгое время не удавалось захватить пленного. Гитлеровцы здесь бдительно несли службу. А главное — у них были выгодные в тактическом плане позиции. Оседлав господствующие высоты, они держали под прицелом пойменные участки рски, где вынужденно заняли оборону наши подразделения.

Решено было послать в тыл противника небольшую разведгруппу, которая бы по плавням незаметно проскользнула и справилась с заданием. Отобрали хороших пловцов, поскольку значительное расстояние следовало преодолеть по воде.

Командование позаботилось об экипировке группы, в течение недели тщательно готовило ее. Тренировки сыграли свою роль. Но реальность оказалась сложнее, чем предполагалось. Камыш и мелкий кустарник в плавнях, вязкое илистое дно мешали продвижению. Преодолев эту стену зарослей, разведчики надули резиновую лодку, намереваясь на ней преодолеть водную гладь. Им не повезло. Лодка наткнулась на острый камыш и вскоре пошла ко дну. Разведчики вплавь преодолевали участок за участком. Где можно было, шли. Все устали, измучились. Вдобавок ко всему тяжело заболел рядовой А. Кошляк. Что делать? Возвращаться нельзя. Лейтенант решил оставить больного на незаметном острове, а всей группой идти дальше.

На третьи сутки разведчики выбрались на берег в расположении противника. Спрыгнули в траншею. На фоне ночного неба увидели сарай. Стали наблюдать. Заметили часового. Затем еще одного. Часовые сходились и расходились.

Ерошкин решил брать "языка". Прикончил одного часового. Рядовые Сухонос и Позигун навалились на второго. Обезоружили его, Николай Сухонос стал затыкать гитлеровцу рот, но немец увернулся, укусил разведчика за руку и успел закричать.

Из сарая выскочили гитлеровцы, стали палить в разные стороны. Ерошкин и Сухонос забросали их гранатами и поспешили оторваться от погони.

Всю ночь войны, по пояс в воде, увязая в тине, пробиваясь через камыш и кустарник, волоча за собой пленного, уходили к своим. Погони, к счастью, не было. Немцы просто-напросто не знали, в какую сторону ушли разведчики. Зато утром над плавнями, постреливая из пулеметов, барражировали два "мессершмитта". Летчики сбросили зажигательные бомбы. Запылали густые заросли камыша, травы. Огонь опалял разведчиков, и они спасались лишь, ныряя в холодную воду. Пуще глаза берегли пленного.

По пути группа забрала из потайного укрытия больного товарища и к исходу четвертых суток вернулась в полк.

...Память о войне. Она не дает покоя людям, полвека назад спасшим планету от фашизма. Она взывает, кричит, требует не забывать о чести, независимости родной страны; о крови, пролитой во имя ее свободы; о людях, чьи имена не должны быть забыты.

АНГЕЛЫ В ШИНЕЛЯХ

Подчас мне так и хочется сказать нашим молодым гражданам: встретив участницу войны, убеленную сединой, изнуренную недугами женщину, поклонитесь ей. Каждой! Они, прошедшие адские испытания войны, достойны уважения и почтения. Им, в ту пору юным, не успевшим познать житейских радостей, возможно, и первой любви, было труднее, чем мужчинам. Преодолевая страх, физические перегрузки, они совершали подвиги. Умело владели оружием. С оптимизмом глядели в завтра, глубоко уверовав в возмездие.

История впитывает наиболее значимые события, отмечая, как полову, все легковесное. Уберегла она, думаю, и шедевр остроумия, который восторженно воспринял /мы. Речь шла о прославленной Людмиле Павличенко, снайпере, Герое Советского Союза, в составе советской делегации посетившей Америку в самый разгар войны.

Предполагались выступления гостей перед рабочими. На одном из крупных предприятий должна была произнести речь легендарная героиня. Капиталист, остерегаясь коммунистической пропаганды, предупредил Людмилу, что не может дать ей на выступление более двух минут, поскольку от длительного простоя конвейера и рабочих понесет убытки.

— Мне достаточно тридцати секунд,— заверила капиталиста Павличенко.

В многотысячную толпу мужчин она бросила одну-единственную фразу, которая произвела фурор и стала крылатой:

— Парни Америки, до каких пор вы будете прятаться от нашего общего врага за юбки русских девушек?!

Намек и упрек за проволочку США и Англии с открытием второго фронта вогнал в краску многих там, за океаном.

Глубоко права была Людмила и в том, что война поставила в армейский строй и женщин. Она вручила им оружие, посадила за штурвал самолетов, рычаги танков, доверила связь, заставила овладеть профессиями тыловых подразделений. Зенитчицы, медики,

прачки, рабочие артремонтных мастерских, разведчицы... Кого только не встречали мы на дорогах войны!

Грешно было бы нам, мужчинам, относиться к ним свысока. Девушки и женщины трудились бок о бок с солдатами. Их нельзя было упрекнуть в трусости. Напротив, некоторые из них затмевали храбростью мужчин далеко неробкого десятка.

Ирина Попова, рослая, прекрасно сложенная и обаятельная восемнадцатилетняя санинструктор, могла положить на лопатки довольно крупного мужика. Занятия спортом сделали ее сильной, выносливой и... утонченно женственной. Она, вчерашняя школьница, в письме с фронта страстно любившему ее однокласснику Лене Шувалову и сама любившая его, признавалась с горечью: "Я никогда не была кровожадной, но теперь поневоле становишься жестокой". Юноша, мечтавший стать физиком, но по необходимости вставший в строй защитников Родины, не мог допустить мысли, чтоб его нежная и добродетельная Ирина могла стать жестокой. Но зверства гитлеровцев меняли характер людей. Волевая, целеустремленная и привыкшая добиваться намеченного, Ирина Попова не только спасала раненых. Она сражалась. По-солдатски умело вела огонь из штатного оружия роты, рвалась на опасные задания. Одна из немногих Ирина весной 1943 года добилась для себя исключительной "привилегии": ее приняли на краткосрочные курсы командиров взводов разведки. Уже летом она в должности командира взвода разведки одного из полков выполняла все, что полагалось на передовой.

Разведчица была храбра в делах и скромна в их оценке. В письмах к любимому сдержанна и лишь в минуты отчаяния, неодолимой боли у нее прорывалась потребность излить близкому человеку то, что терзало ее. Вот несколько таких доверительно-интимных строк: "...Я уже дважды побывала там, где не всякий может быть. Так что теперь крещена во всех возможных смыслах. В первый же раз у меня убило двух моих самых лучших ребят. Грустно, но приходится радоваться, что не больше".

В своей суровой сдержанности Ирина едва ли многим отличается от солдата, опаленного сражениями. Зато совсем иной видна она меж строк письма, адресованного тому же единственному Лене, которому девушка раскрыла сердце: "Любимый мой, где ты теперь, далеко ли от меня?... Но ты не здесь, и вряд ли можно сейчас встретиться. Но пусть твое сердце будет спокойно за меня. Я не обману его. Оно будет моим знаменем, моей защитой, и пусть моя любовь согреет, обласкает его. Мой дорогой, где б ни была я, я мыслью всегда с тобой. Я верю в нашу встречу и новую ясную жизнь..."

Печально: и пылкое сердце любимого оказалось слабой защитой для командира взвода полковой разведки. В центре поселка Лебеч на Черниговщине, в братской могиле, покоится Ирина Попова, прекрасная девушка, отдавшая жизнь, ничего от нее не успев взять

и ничего не узнав про нее. Ничего, кроме главного — о том, что Родина в опасности и надо ее защитить.

Война — особая боль страны, народа, в частности, нашего поколения людей, которые сегодня отсчитывают седьмой-восьмой десяток, или те, которые ушли из жизни, навсегда оставившие молодыми. Девчонкам, надевшим шинели, в этом поколении отведено особое место. Война лишила их возможности любить, рожать детей, зато предоставила право сражаться, истреблять врага, оберегать от гибели своих бойцов.

Сурово распорядилась она и судьбой киевлянки Антонины Гладкой. В послужном списке девушки две записи, две скупые строчки. Первая — санинструктор. Вторая — командир минометного расчета.

По первой боевой специальности она отличалась во многих кровопролитных схватках. Смело бросалась под разрывы, завидев раненого. Только в одном бою спасла около сорока человек. Тогда ей, восемнадцатилетней, вручили медаль "За отвагу". Потом у нее будет еще две такие награды, будет орден Красной Звезды. Но ту первую награду она чтит потому, что сама признает: совершила подвиг. Сутки напролет сновала на передовую за ранеными. Сбилась со счета, сколько раз ползла под пули, потом — обратно, уже таща за собой или даже на своих плечах страдавших от боли, потерявших сознание бойцов. Сказали в медсанбате, когда сорокового раненого приволокла, чтоб отдохнула, только рукой махнула — недосуг.

Ей постоянно недоставало времени. Потому что училась. Училась делать перевязки, уколы. Училась стрелять из винтовки, автомата, пулемета. Училась бросать гранаты. Зачаста к артиллеристам. Там тоже училась. В конце концов артиллерия "пелетянула" Антонину к себе. Стала наводчиком 76-миллиметрового орудия. Да не каким-нибудь, так сказать, для счета. Хорошим! За один бой к медали представили, и Гладкая получила ее.

Дальше — больше. Антонина продолжала изучать военное дело. Ее назначили командиром расчета 120-миллиметрового миномета. Бои были напряженные. В последнем для Гладкой враг атаковал бесчисленное число раз. Благодаря меткой стрельбе расчета автоматчики отбивали натиск. Снаряд самоходной артиллерийской установки, разорвавшись рядом с минометом, сразил отважную девушку, не ведавшую страха.

Вспоминается промозглая осенняя ночь в канун наступления дивизии. В кромешную тьму, под дождь, к переднему краю обороны противника уползли саперы, чтобы проделать проходы в минных полях. Одним из отделений командовала 17-летняя Аня Поданева. Девушки возвратились с задания продрогшие, в мокром обмундировании, облепленном глиной. Аня доложила командиру о том, что проходы проделаны, обезврежено 120 мин. Всего же за войну отделение Поданевой убрало с десятков тысяч мин, из них Аня лично обезвредила две тысячи.

Армейский афоризм утверждает: сапер ошибается только раз. За четыре года войны сержант Поданева не допустила ошибки.

Мы на передовой стирали одежду сами, зная, однако, о существовании банно-прачечных отрядов, которые обслуживали медсанбаты, раненых и работали с перегрузкой. Но однажды по приказанию старшины мы потащили узлы с бельем в наш банно-прачечный отряд и возвратились оттуда удрученными увиденным. Прimitивные очаги под открытым небом. На них баки и котлы с водой. Рядом палатка. В ней пять молодых женщин. Стирают вручную, низко сгибаясь над корытами. Красными распаренными руками оттирают грязные места на белье. Сами, потные, то и дело выбегают на улицу подбросить дров под котлы, вышлепнуть грязную воду, набрать чистой. У одной прачки запястья перебинтованы. Повязки, конечно же, мешают ей в работе.

— Пораньла руки, что ли?

— Сухожилля распухли. Болят, нет терпения.

— К врачу сходи.

— Ходила. Успокоил. Сказал, после войны, прооперируем.

— Поменьше стирай в таком случае.

— Нельзя. Норма на день тридцать килограммов сухого белья.

Тридцать килограммов! Тут одну пару своего белья выстираешь — руки зудят. А они, прачки... Наступает часть, и банно-прачечный отряд следует за ней. Условия для работы никудышные. Размещают отряд где придется. В домишке с выбитыми окнами, в палатке или землянке. Стиральных машин наши тыловые подразделения тогда не знали.

Война отягощала даже обычный труд. Что касается прачек, то они, находясь не на передовой, но невдалеке от нее, попадали и под бомбежки, и под обстрелы артиллерии: дым приковывал к себе внимание противника.

Откровенно говоря, мне редко случалось видеть девушек "тыловых профессий" за работой, хотя я вовсе не хочу принизить их роль, их вклад в общее дело разгрома врага. Но я своими глазами видел подвиги и страдания санинструкторов, медсестер, врачей. Тех, кто бок о бок с нами трудились на передовой, сражались, иные погибали. Поэтому им, нашим ангелам в шинелях, рыцарям милосердия и отвожу в своих воспоминаниях места больше, чем другим. Опять возвращаюсь мыслями на Кавказ, в Моздок. Изматывающие бои против немецкой егерской дивизии. Пулеметный расчет Александра Попова из взвода сержанта Василия Старцева "хулиганил". Экономя патроны, Попов и второй номер в его расчете на очень близкое расстояние подпускали гитлеровцев и, словно играючи, сметали их меткими очередями.

Старцев кричал, ругался:

— Не подпускайте так близко. Гранатами вас забросают.

Не внял предупреждению Старцева Попов. И дождался: немецкая граната взорвалась в каком-нибудь метре от расчета. Осколком в голову сразило Попова, ранило Гуляма Хатына. Санинструктор

Ольга Севастьянова бросилась к раненому. Однако наложить повязку не успела. Заметив подползавших гитлеровцев, открыла огонь из пулемета. Потом еще семь атак отбивала она, как и все мы.

Не повезло девушке, ранило ее. Узнав об этом, доктор Л. Карпова направила к нам санинструктора С. Голубеву, отчаянную и расторопную девушку. Она оказала первую помощь нескольким воинам. Но ее сразила вражеская пуля.

Солнце, грустя, уходило за вершину горы. Наступало затишье. Немцы вечером атак не предпринимали. Мы вели только прицельный огонь одиночными выстрелами: боеприпасы у нас были на исходе. В окопе хлопотала Дуся Семяга, санинструктор. Накладывала шины на ногу солдата Мирояна, еще не зная, что это последний час ее жизни. Перевязав своих бойцов, она решила оказать помощь двоим раненым пленным. Один из них, ухитрившийся сохранить при себе гранату, в момент перевязки выдернул чеку. Погибли пленные. Погибла и Дуся.

Мы теряли боевых подруг, своих спасительниц. К счастью, не всех. В числе других уберегла судьба славную девушку из Бухары, Рахиму Алимову, санинструктора роты. Как и положено, она всегда находилась в боевых порядках. В цепи атакующих девушка была и при форсировании реки Миус. Подползала к раненым, накладывала жгуты, шины, перевязывала, выносила с поля боя.

Она вовремя заметила опасность: пулемет замолчал, а гитлеровцы, воспользовавшись этим, стали заходить во фланг роте. Девушка легла за пулемет. Контратака была отбита. За двадцать семь дней непрерывных боев Рахима вынесла 97 раненых и не раз пускала в ход оружие. Особенно же проявила отвагу, действуя в разведке. Командир полка гвардии подполковник Савин лично написал письмо на родину Алимовой, в Бухарский горком партии. Вот строки из него:

"...Неотлучно находясь в боевых порядках стрелкового батальона, Рахима не раз действовала как рядовой солдат. Своей инициативой и смелостью в бою она воодушевляла других на ратные подвиги.

...С группой разведчиков она пробралась в тыл противника и в завязавшейся схватке с врагом уничтожила из автомата до десятка фашистов. В одном бою, когда гитлеровцы бросились в контратаку, Алимова вырвалась вперед и увлекла за собой бойцов. В этом бою она уничтожила пять гитлеровцев.

За бесстрашие и мужество, много раз проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Рахима Алимова награждена орденом Боевого Красного Знамени и медалью "За отвагу".

Около сотни раненых вынесла с поля боя жительница древнего Самарканда старшина Ханифа Маматказина. Санинструктор за подвиги была удостоена орденов Славы III степени и Красной Звезды, двух медалей "За отвагу". Ее землячка Фарид Измайлова

без промаха разила врага из снайперской винтовки и также стала кавалером ордена Славы III степени, многих медалей.

Называю этих славных патриотов, а перед взором моим вновь и вновь проплывают эпизоды схваток в знаменитой Станичке, на Азовской улице. Полуразрушенный, весь в шрамах и оспинках от пуль и осколков дом, из которого нас "выгнали" гитлеровцы. Морские пехотинцы Хисаметдинов, Жгутов, еще четверо, их взводный Рязов не могут простить немцам такого "оскорбления". Сам Рязов и Жгутов подползли к дому поздним вечером, забросали его гранатами. Выскочивших оттуда солдат расстреляли Хисаметдинов и его товарищи. Однако ворвавшись в дом, моряки встретили сопротивление. Очередь сразила Жгутова. Другого матроса ранило. Санинструктор Любовь Брагиловская чудом пробралась в дом через простреливаемую улицу Азовскую и стала заниматься ранеными.

Бой выплеснулся далеко за пределы злополучного дома. Прибывшая за раненым Людмила Артемова предупредила Брагиловскую: — Давай туда. Там много раненых.

Под перекрестным огнем наших пулеметов гибли солдаты противника. Но в боевых порядках десантников стали густо рваться мины. Погибли двое матросов и находившаяся рядом с ними санинструктор Шумарина. Здесь-то скоро и оказались Артемова с Брагиловской. Нашлась работа девушкам.

Мы ведем огонь по вспышкам, стараясь погасить злые язычки: пламени, выбивающиеся из стволов. То же делают немцы. На рассвете бросаются в атаку. Пулемет Пашутина останавливает их. Сереют среди развалин трупы. Новая волна гитлеровцев, опережая прижатых к земле, приближается к нашим траншеям. Пулемет Пашутина молчит, заел ленту. Пока Пашутин возится с ней, Сергеев строчит из автомата. Несколько гитлеровцев врываются в траншею. Падает убитый ими Сергеев. Но Пашутин, увернувшись от очереди, успевает выпустить из диска с десятков патронов. Раздаввшись с противником, вновь лег за пулемет. Минуту спустя миной накрыло и его, и "максим".

Над Станичкой курится туман. Хлопья сизовато-черного дыма таяли на глазах. Из-за гор выплывало солнце, подслеповато всматриваясь в изуродованную землю... Должно быть, оглядываясь на то времечко, поэт Л. Цирульников делился тягостными впечатлениями:

В тот страшный час, как вспыхнувший вулкан,
Гремела канонада смертным гимном
И гибли люди от кровавых ран,
И даже слепо солнце в небе дымном...
На место павших ставили других
И с новой силой битва разгоралась.
Но ни один не дрогнул ни на миг,
Хотя земля от взрывов содрогалась.

День прошел в бесконечных атаках и контратаках. С наступлением темноты отправились разведчики в поиск. С ними — санинструктор Зина Хлопина, пришедшая "на место павших". Заменяла Шумарину. Правда, сама уже не новичок. Подвиги ее были отмечены медалями.

Под неистовую пальбу нашей артиллерии разведчики благополучно миновали передний край обороны. Углублялись в тыл. В темноте едва видны дома, дорога. Издалека доносится скрип колес. Подвода. Несколько фрицев на ней. Везут боеприпасы. Командир разведгруппы подает знак: пропустить. Действительно, велика ли польза от "языка" — ездового! Примерно час спустя подвода возвращается с переднего края обороны. Слышны стоны. Значит, везет раненых. Решено брать их. Лейтенант Владимир Мингиц ударом приклада свалил повозочного. На раненых моряки направили стволы автоматов. Никакого шума. Свернув с дороги, подвода потащилась по каким-то задворкам к передовой, несколько отклонившись от маршрута. В суматохе забыли про повозочного. А он, придя в сознание, стал кричать, поднял тревогу. Двое разведчиков ослепли прикрывать наш отход.

На переднем крае — неистовая пальба. С обеих сторон. Не хватало еще угодить под огонь своих. Мингиц сам прополз ближе к переднему краю, стал кричать, просил помочь разведчикам.

Раненых выгрузили из повозки. Их семеро. Понесли тех, кто не мог идти. Остальные, как и мы, ползком двигались навстречу бросившейся в атаку роте морских пехотинцев. Двое офицеров, пятеро солдат — таким был "улов", который добыла разведгруппа, "подкрепленная" санинструктором.

Военные медики... Наши ангелы-спасители в шинелях... Они спасали нас на поле боя. Выхаживали в медсанбатах и эвакуогоспиталях. Возвращали в строй. Делали это, не щадя себя, не считаясь со временем.

Написал эти строки и в который раз уже возвращаюсь к битве за Кавказ, к боям у Малгобека. Вижу медсанбат с его строгим старшим врачом А. П. Козловским. На его палатке, в нарушение правил, вместо одного флага развевались два: белый с красным крестом и пурпурно-алый.

История красного флага, горделиво именовавшегося медиками знаменем, трогательная. Части дивизии вели бои близ станицы Вознесенской. В этот горячий момент к медсанбату, мелко семеня босыми ногами, прибрела худенькая бедно одетая старушка. Увидела ее доктор Ищенко и обомлела: уж больно старушка напоминала ей родную мать, разлука с которой Александре Павловне казалась вечностью. Бабуля, также почувствовав какое-то душевное родство, прильнула к доктору.

— Доченька, возьми, — протянула она увязанный в платок сверток. — Берегла на одеяло. Теперь оно ни к чему.

В руках старушка держала отрез красного атласа. Александра Павловна растерялась и не знала как поступить: не взять отрез —

обидеть старушку, взять — для чего? "Сшить знамя", — озарило ее. Обняв старушку, проговорила взволнованно: "Из вашего атласа мы сделаем флаг. До конца войны сохраним его". Старушка обрадовалась: "Дай Бог... Дай Бог, чтоб одолели супостата!"

Захотелось отблагодарить гостью. Доктор обратила внимание на босые ноги старушки. Мигом сняла сапоги и обула гостью: "Носите, мамуля, на здоровье!" Александра Павловна в одних чулках побежала к повозке и попала на глаза командира, не терпевшего неряшливости:

— Что за вид? Где ваши сапоги?

Ищенко объяснила, что произошло. Поделилась своим замыслом вывесить алый флаг. С лица Козловского исчезла суровость. Вместо нее — улыбка.

— Старшина Борисенко, подберите военврачу что-нибудь из обуви! Не ходить же ей босиком...

Забегу вперед, чтоб закончить историю об этом удивительном знамени. Оно прошло через пожарища войны. И как солдат, было изранено, изрешечено пулями и осколками, опалено пламенем. После Победы медики санбата разрезали его на кусочки. Каждый взял себе кусочек полотнища на память. Александра Павловна долго хранила его как талисман. Потом сдала в экспозицию музея в городе Черновцы на Украине.

Медсанбат не ведал праздной поры. Принимал и отправлял раненых. С учетом обстановки перестраивал свою деятельность. Чтоб облегчить работу полковых медиков, командир медсанбата организовал передовой отряд, который бы действовал в непосредственной близости от сражавшихся подразделений дивизии. Командиром этого отряда назначили военврача Ищенко, кадрового доктора, как ее называли.

Александра Павловна сама сформировала штат медиков: фельдшер Аня Ткаченко, три санинструктора — Мотя Вихрова, Наташа Дожикова и Валя Черникова. Черникову Александра Павловна любила как сестру. Маленькая ростом, с хорошеньким личиком и доверчивой нежной улыбкой, девушка казалась такой беззащитной! Ей бы в детском садике работать, а не там, где шли сражения и свистели снаряды.

Девушка бывала на передовой. Цепенела от ужасов. Но силой воли подавляла в себе страх. Работоспособностью отличалась удивительной. Случалось, не спала по несколько суток подряд, выхаживая раненых. В умении делать перевязки, уколы и все, что полагается выполнять санинструктору, она превосходила своих подруг.

Таким был персонал передового отряда. Оснащение не бог весть какое. Палатка в лесу. По обе стороны ее расчистили площадку. Нарубили веток, устлали ими места для раненых, подлежащих эвакуации на основную базу медсанбата.

Неподалеку отступивали очереди пулеметы и автоматы. Кипел бой. Осколки мин и снарядов сбивали ветви, впивались в стволы

деревьев. Медики занимались своими делами, торопясь все приготовить к приемке раненых, их обработке. Вырыли яму, пристроили над ней котел. Соорудили над ним навес, набросав поверх жердей веток, чтобы дым не поднимался вверх, а стелился понизу.

Воды поблизости не было. Набрали снега, на снеговой воде сварили манную кашу с тушенкой. Горячая пища — для раненых.

Вскоре они начали поступать. Оказав им помощь в палатке, девушки выносили пациентов наружу, укладывали их на подстилки из веток, накрывали одеялами, брезентом. Донимали стужа, ветер, мелкий колючий снег. Раненые лежали под открытым небом, терпеливо перенося боль, холод, неудобства. Меж ними снова была какая-нибудь из сестер, то подавая воды, то укрывая теплее.

Времени у персонала было в обрез. Раненые видели это. Великодушно отказывались от дополнительных забот.

— Идите. Вас ждут. Вон еще несут раненых,— говорили они санитарам.

Доктора Ищенко видели реже. Она почти не выходила из палатки.хлопоты о раненых ложились большей частью на нее. От близких взрывов крупнокалиберных снарядов, мин, бомб палатку рвало из стороны в сторону, едва не выдергивая крепления. Коптилка — гильза с фитилем — гасла. В темноте рану ни промыть, ни очистить от грязи, ни перевязать, ни наложить шины.

Машины за ранеными не всегда могли пробиться под обстрелом. Девушки кормили раненых заблаговременно сваренной кашей, поили чаем или просто кипятком. Пища согревала озябших, прибавляла сил. Они благодарили персонал. Подбадривали и увещевали:

— Вы сами-то с ног не свалитесь. Без вас нам хана.

— Да нет, мы двужилые. Еще сутки без отдыха покрутимся, глядишь, и в пляс пойдем.

На Вале Черниковой лица нет. Она тяжело переживает страдания солдат. Виду, однако, не подает, бодрится. В самом деле, готова в пляс пуститься, только бы настроение у пациентов поднять. И дернуло же молодого матроса высказать пожелание:

— Вы бы, девчата, песню нам спели... Про любовь.

— Про любовь?!

Ситуация отнюдь не подходила для лирических песен: лес, израненный осколками; убогая палатка в нем; обескровленные, страдающие от ран люди; донельзя усталые медички в белых, крапленых кровью халатах...

— Ну смелее, девчата!— подбадривает усатый сержант.

Неужели так хочется нежного слова этим страдальцам, под открытым вечерним небом ожидающим отправки в медсанбат или в эвакуогоспиталь?

Валя Черникова вдруг преображается. Она словно наполнена ликующим задором. Мягко притоптывает на снегу и звонким чистым речитативом оглашает лес:

Полюбила Николая
Длинного-предлинного.
Становилась на кровать
Николая целовать.

Валя-Валечка! Да успела ли ты кого полюбить в свои семнадцать?! Смеется усатый сержант, поглядывая на "кроху"-девчонку, словно хочет подзадорить: "Тебе ли, такой маленькой, целовать длинного-предлинного Николая?!"

Из середины ряда лежавших, прикрытых брезентом, раздается хрипловато, с белорусским акцентом:

Как-то дёвки лён трепали —

Я с гармошкой проходил:

Трое в обморок упали,

Я четверту полюбил.

Еще громче смех, оживленные реплики. Они прибавляют белорусу задора. Не будь у него забинтованными ноги, пустился бы в пляс.

Ягодиночка — на льдиночке,

А я — на берегу.

Брось, матаня, хворостиночку —

Я к тебе перебегу.

Не иначе как заводилой был парень в своей деревне. Здесь он, вынужденный лежать не шевелясь, мечтательно произносит:

— Гармошку б сейчас! Я б вас повеселил!

Как не поверишь тебе, друг?... Из нескольких пропетых им частушек слушателей до слез насмешила припевка:

Папка мамку поцелует —

Мамка козырем пойдет.

С надрывным гулом подкатил грузовик. Девушки занялись погрузкой раненых, размещением их в кузове. Благодать, что хоть есть возможность машиной доставлять бойцов в медсанбат. Под Шапсугской, в горах, раненых перетаскивали на волокушах. Сооружение это нехитрое: две крепкие палки с натянутой на них плащ-палаткой или одеялом. С виду — носилки. Только предназначены не для переноски раненого, а для "переволакивания". Тащит их один человек. Трудно? Еще как! Семь потов с тебя сойдет, пока доставишь пострадавшего. И тому не в удовольствие этот вид транспорта. А что делать, если не было иных средств транспортировки! В горах ни на машине, ни на бричке не проседь. Тропы узки, извилисты, круты. Деревья растут густо. Одному только и пройти с такой тяжелой волокушей.

Не каждому парню по плечу эдакая работенка. Девчонки через силу, через "не могу" доставляли раненых. Однако и привыкшую ко всему доктора Ищенко поразил вид санитарки Нины Скирко, доставившей на волокуше раненого. В те дни разнесталось. Девушка промокла под ледяным дождем, дрожала от холода.

— Где шинель, шапка?— едва не вырвалось из уст Александры Павловны. Перевела взгляд с санитарки на волокушу и поняла.

Санструктор укрыла шинелью раненого, одела на него шапку. Сама осталась в гимнастерке.

Девушки стали переодевать Нину в сухую одежду. Доктор занялся было раненым, но, распеленав его, заботливо укутанного в шинель, едва не заплакала. Солдат, доставленный с такими предосторожностями, скончался.

Чуточку согревшись, поев каши, Нина Скибко вышла из палатки.

— Как он?— кивнула она в сторону своего пациента.— Спит?

— Да, уснул.

— Я думала, помрет. Ранение тяжелое.

Прихватив волокушу, Нина ушла на передовую. Доставила еще одного раненого и "пожаловалась" на военфельдшера Катю Сысоеву:

— У нее руки обморожены, а она все работает да работает. Ведь без рук останется!

— Передай ей приказ. Пусть немедленно идет сюда, в передовой отряд медсанбата,— распорядилась Ищенко.

Сысоева подчинилась приказу. Вся в крови.

— Раненый тяжелый попался. Так и хлестало из артерии. Пока наложила жгут, и меня забрызгало.

Часа полтора подруги спасали Сысоевой руки. Оттирали снегом, спиртом, делали холодные и горячие ванночки. То же самое пришлось делать с ногами.

Между тем погода портилась. Дождь перешел в снег, крупный, хлопьями повисавший на ветвях. Ветер пронизывал до костей. Раненые продолжали поступать. Доставили и бездыханное тело военфельдшера Кати Варламовой.

... Я читаю стихотворение Мусы Джалиля "Смерть девушки" и перед взором моим проплывают юные лица. Ася Хасямова, Света Голубева, Дуся Семяга, Катя Варламова... О какой из них, юной, не успевшей пожить, изведать счастья материнства, написаны эти строки?

Сто раненых она спасла одна
И вынесла из огненного шквала,
Водой напоила их она
И раны их сама забинтовала...
Но вот в сто первый раз, в последний раз
Ее сразил осколок мины лютой...

Милые, великодушные, самоотверженные ангелы в шинелях... Их, наряду с солдатами, не щадили пули. И зачастую у девушек не было времени, чтобы оплакать подругу. Не успело пройти оцепенение от горестной вести и вида погибшей в бою Екатерины Варламовой, как послышалась возня возле палатки. Откинулся полóg, и бойцы внесли раненого.

— Спасайте нашего лейтенанта, доктора!

Врач Ищенко склонилась над ним. Левое бедро парня — сплошное месиво костей и мягких тканей. Нога держалась на тонком лоскутке кожи. Введя обезболивающее средство, врач распорядилась:

— Анечка... под скальпель!

Раненый востепенно и полным отчаяния голосом закричал:

— Не отрезайте ногу!... Не смейте!...

Он тут же потерял сознание. Не знал юный лейтенант, что ноги у него уже не было с той минуты, когда рядом с ним разорвался снаряд.

Девушки продолжали работать. Вдруг насторожились. Внимание их привлекли топот, треск ветвей, хруст снега под ногами. В палатку ворвались четверо. При слабом свете копилки не сразу можно было разглядеть их. Двое остались у входа в палатку, двое — в глубине ее. Вооружены автоматами. Одеты почему-то в советскую форму. Обмундирование новое, не истрепавшееся.

— "Немцы!" — спохватилась Ищенко. Она, командир передового отряда, обязана была что-то предпринять. Но что? Передовой отряд никем не охранялся. Оружие — наганы — девушки хранили в ящике, полагая, что оно мешало им в работе. Что теперь они могли предпринять?

Не теряя самообладания, Александра Павловна заговорила:

— Садитесь... Садитесь, пожалуйста.

Указала непрошенным гостям на ящики из-под медикаментов.

— Чаю хотите?

Говорила, предлагала чаю. Сама не сводила с них глаз. На вопросы отвечал один. Остальные молчали. Скорее всего, не знали русского языка.

— Вы из пополнения?

Александра Павловна умышленно тянула время, надеясь, как на чудо, что придет помощь.

— Вы из пополнения?— повторила она свой вопрос.

— Да, из пополнения.

Ответил "русский" нехотя. Сам был настороже.

— Будете пить чай?... Замерзли?

В лесу опять послышался топот, шум кустарника. Немцы ринулись из палатки. А медиков, что — пощадили? Нет, пожалуй. Просто не хотели стрельбой выдать свое местонахождение.

Их все-таки захватили в плен. Двое из них, раненные, гордо отказались от медицинской помощи. Сами перевязывали друг друга.

Урок пошел впрок. Военврач тут же достала из ящика оружие. Повесила кобуру на пояс. То же приказала сделать подчиненным. Негоже было проявлять беспечность близ передовой, где, можно сказать, ходили по краю жизни.

Ходить-то ходили, но, видимо, считали своим основным оружием медицинскую аппаратуру, скальпель, лекарства. О личной безопасности не думали. За них об этом думали начальники, те, кто

составлял директивы, отдавал приказы. Документы того времени — подтверждение сказанному.

В Москве при встрече бывший фотограф нашей бригады морской пехоты Иван Афанасьевич Кушниренко показал мне любопытнейшее удостоверение, написанное от руки, но заверенное подписью начальника политотдела бригады М. К. Видова и печатью. В нем сказано:

"...Предъявитель сего старшина И. А. Кушниренко состоит в должности фотографа при политотделе 255-й бригады морской пехоты и за ним числится: личное оружие — 1) наган № 116681, 2) карабин № 6832, 3) фотоаппарат "ФЭД" № 179460".

Насколько я помню, оружием Ивана Афанасьевича на Малой Земле был "ФЭД". Вряд ли хоть раз извлекался из кобуры наган. Брал Кушниренко в руки и автомат. Случалось это, когда мы отражали атаки.

Служба медиков, повторяю, была полна риска и опасностей. И все-таки тот заснеженный лес под Малгобеком, та палатка с красными крестами были относительно благодатным уголком для наших спасительниц. Чего не скажешь о Малой Земле. Высадился на нее медсанбат февральской ночью 1943 года. Личный состав батальона (а это 99 процентов — женщины!) тут же взялся за лопаты и кирки. Рыли, долбили в каменистом грунте окопы, щели, помещения для приемки и обработки раненых. Место, кстати говоря, выбрали не совсем удачно: низина с близкими подпочвенными водами. По стенам землянок и служебных помещений стекали струйки, на полу стояли лужи. Выйдет военфельдшер или санитар-структор наружу в промокших сапогах — портянки примерзали к подошвам. Обсушиться и обогреться негде. Разведи костер — на дымок обрушится ливень смертоносного металла.

Командиру приемо-сортировочного взвода А. Ищенко редко выпадало работать в помещении. На ее плечах лежали прием раненых, оказание им медицинской помощи, эвакуация на Большую землю. Все под открытым небом, под обстрелами и бомбежкой. Однако и в помещениях было далеко небезопасно. Не одной Александре Павловне запомнилось утро 23 апреля. С передовой принесли тяжело раненного. "Открытый пневмоторакс и ампутация левой нижней конечности", — таким было заключение медиков. Из-за скопления воздуха в плевре пациент задыхался. Только срочное хирургическое вмешательство могло облегчить состояние раненого.

Александра Павловна побежала в операционную, поручив Ане Сокол ввести раненому противостолбнячную сыворотку. Только выскочила в соседний отсек, как услышала грохот. Вернулась и обомлела: крыша сортировочной разворочена. Медсестра, едва дыша от страха, припала к стене. На носилках, в ногах у раненого, лежал нераззорвавшийся снаряд.

Вызвали саперов. С большими предосторожностями они вынесли снаряд. Медики положили раненого на операционный стол.

Едва отошли от случившегося, как новая беда. Началась страшная бомбежка. Поток раненых увеличился. В основном они поступали в операционную. Бомбы рвались в непосредственной близости от медсанбата, словно невидимый корректировщик специально направлял авиацию к белому с красным крестом и алому флагам, реявшим над ним. Удушливый дым проникал в землянку, резал глаза, отравлял легкие. Хирурги, медсестры продолжали работать, стараясь так окружать оперируемых и так склоняться над ними, чтоб уберечь от сыпавшегося с потолка грунта. Медсестра Маша Высоцкая и начальник аптеки Лида Казанская у крайнего стола накладывали повязку послеоперационному раненому. В этот момент рухнула кровля, засыпав обломками всех, кто находился в помещении.

Медики бросились отгребать щебень. Извлекли из-под него М. Высоцкую и Л. Казанскую. Их пациент оказался мертв.

Эвакуация раненых была не менее рискованной и опасной. К ней привлекали иногда и бойцов, но, как правило, все тяготы ложились на медсанбат. С наступлением сумерек по единственной тропинке, убегавшей к берегу, вытягивалась цепочка способных двигаться самостоятельно. Вслед за ними несли на носилках тяжелораненых.

Тропинку протяженностью около двух километров, хорошо пристрелянную гитлеровцами, моряки окрестили Дорогой смерти. Днем по ней ходить не позволялось вообще. Ночью удавалось проскользнуть. Девушки, изнемогая от тяжести, несли раненых. В случае обстрела закрывали собой носилки. Спасая раненых, погибли на Дороге смерти Таня Поваркова, Соня Посторенко, еще несколько их подруг, вчерашних школьниц. Что ж, есть люди, доживающие до глубокой старости, ни разу не решившись на благородный поступок. У этих восемнадцатилетних короткая жизнь была как бы соткана из благородных поступков, самоотверженности и душевной чистоты.

Может сложиться мнение, будто я с излишним пристрастием описываю фронтовые будни медсанбата, которым командовал А. П. Козловский, совершенно пренебрегая другими медиками, выполнявшими свой долг ничуть не хуже. Объяснение моему "пристрастию" одно: я лучше знал персонал этого подразделения и по Кавказу, и по боям на Малой Земле. Это был "наш" батальон!

Везде и всюду медики (к сожалению, не часто отмечаемые наградами) трудились самоотверженно и заслуживали искренние слова благодарности от спасенных ими воинов. Медики достойны признательности даже за то, что и в относительно спокойной обстановке бдительно стояли на страже нашего здоровья.

В описываемый период оборонительных боев на Кавказе, когда батальон морской пехоты, изрядно измотанный, с трудом отходя от потерь и постигших неудач, был отведен в тыл, медики эпидемиологической бригады, дислоцировавшейся в районе Сухуми, незамедлительно использовали "отдых" морских пехотинцев, про-

изведя санобработку всего личного состава. Удивляли в той обстановке организаторская хватка, напористость командира санитарного взвода медико-санитарной роты военврач III ранга Л. Ф. Симаговой. Именно ей приказано было "обработать" наш батальон.

Обработать... Но прежде выбить со склада комплекты нательного белья, положенное количество мыла, топлива. Как бы то ни было, морские пехотинцы помылись в бане, получили свежее белье. В ближайшие дни бригаду на состоявшемся строевом смотре комиссия признала вполне боеспособной. Она и ушла в десант в полной уверенности в своих боевых возможностях, а действуя на Малой Земле, достаточно убедительно показала, на что способна.

Ну а медики? И они не ударили в грязь лицом. Высадились они также в Цемесской бухте. К огорчению многих, на участке плацдарма, обезлесенном природой, начисто лишенном питьевой воды. Спасительным для них оказался дождь. Холодный, пронизывающий до костей, он казался им, страдавшим от жажды, манной небесной. Появилась возможность сделать запасы воды. Посуды не было. Устраивали примитивные водоемы, вручную, не имея даже лопат, сооружали запруды. У врачей, медсестер кровоточили израненные руки, саднили раны от мелких осколков и камней, версом разлетавшихся при взрывах бомб и снарядов на усеянной валунами местности.

Любовь Федоровна Симагова, попавшая на фронт сразу после окончания в 1941 году Горьковского мединститута, отличалась организованностью, распорядительностью: никчемного распоряжения не отдаст, почем зря подчиненных куда-то не отправит. Медсестры, фельдшеры, санинструкторы Евгения Павлова-Крупеня, Надежда Землянова и Евгения Барладян — девчонки. К Симаговой относились не просто как к командиру, но как к старшей сестре, любили ее искренне. Доктор Симагова очень гордилась тем, что девушки вполне профессионально и добросовестно выполняли свои обязанности. Тому, как они накладывали шины на переломы конечностей, нелишне было поучиться некоторым медикам с большим стажем, даже врачам. Но однажды удивилась Любовь Федоровна, застав своих "девочек" в траншеях. Те плечом к плечу с моряками отбивали атаку гитлеровцев, вели огонь из автоматов. Меткими очередями разила их Женя Крупеня. Неподалеку от нее экономными очередями стреляла Женя Барладян.

Закончился бой. Моряки, отходя от него душой, задымили самокрутками — одной на нескольких, потому как курева не хватало. Девушки стали делать перевязки, эвакуировать раненых.

У Симаговой во взводе был свой метод транспортировки раненых: прочную веревку провдевали в петли плащ-палатки, которая стягивалась при натяжении, образуя "люльку". Санинструктор "впрягалась" в веревочную петлю и волоком доставляла раненого куда следовало.

Более трех десятков человек выволокла таким образом Евгения Крупеня за семь суток почти непрерывных боев. Семь суток и почти без сна и отдыха трудилась она под пулями. 14-й отдельный батальон морской пехоты не сразу стал родной ее частью, в рядах которой она шагала дорогами войны. В 1941-м, окончив курсы медсестер, Женя в свои неполные семнадцать лет рвалась на фронт — не признавали, молода. Стала работать в госпитале Военно-Морского флота. Вместе с выписавшимися после излечения матросами и попала на передовую. Как санинструктор хорошо проявила себя в боях на Таманском полуострове, в десантах на Керчь и Малую Землю. У Волчьих ворот, недалеко от Новороссийска, обрела названную сестру, Женю Харламову, которую вынесла с поля боя. Самое ее тогда контузило, и она уже не помнила, как вместе с потерявшей сознание Харламовой выбралась из кромешного ада.

У Симаговой и ее подчиненных, помимо основных обязанностей, были еще и дополнительные. Сама военврач организовала противоземельную разведку местности, боясь вспышки какого-либо инфекционного заболевания, поскольку до вражеских окопов было рукой подать. Кроме того, Любовь Федоровна взяла на себя функции педагога и деятельно участвовала в подготовке санинструкторов, которых на Малой Земле хронически не хватало.

Женя Барладян, молдаванка по национальности, свободно владела румынским языком. Спецпропагандисты, узнав об этом, попросили девушку вести передачи по радио, рассчитанные на румынских солдат.

Санинструктор Рита Стрельцина, бегло говорившая по-немецки, также вечерами брала в руки микрофон и разоблачала авантюризм фашистского руководства и командования вермахта.

Другие девушки собирали словые и сосновые шишки, хвою. Спаяя бойцов от авитаминоза, варили настой, получивший название "малоземельский квас", и потчевали им всех десантников. В свободное время ухитрялись стирать и чинить белье — свое и принадлежавшее морякам. Случалось, медсестры и санинструкторы становились донорами... Пройдут годы, десятилетия, и многие ветераны бригады морской пехоты с благодарностью будут говорить, что в их жилах течет кровь "девчонок из медико-санитарной роты". Вспомнит об этом старшина Сытов, которого уберегла от гибели Женя Крупеня. Вспомнит матрос Дорусимов. Вспомнит младший лейтенант Каржаулов.

Труд военных медиков, пусть незаметный в текучке событий, пусть будничным, ничем не примечательным даже, был неоценим. В 1942 году, сразу после окончания Кубанского медицинского института, попала в 255-ю бригаду морской пехоты врач Людмила Артемовна Шушина. Подвиг не совершала, считает она сама. Но разве не подвиг под огнем врага оперировать раненых, возвращать в строй людей, временно утративших способность держать в руках оружие!

Разве не подвигом было то, что восемнадцатилетняя Феодосья Пивоварун, имея за плечами лишь школу медсестер, которую окончила за два года до войны, получила в 1941-м под свое командование санитарный взвод. Вместе с отступавшей частью она от самой западной границы прошагала до Мариуполя, Ростова и дальше — до Новороссийска? Названные города особенно памятны лейтенанту медицинской службы. В боях за них громаден был поток раненых. Феодосье Пивоварун и ее подчиненным приходилось тогда трудиться сутками. После удивлялись они, какой добрый рок уберег их от гибели, когда, казалось, и воздух, и само небо звенели от смертоносного металла.

В десантной операции на Малую Землю лейтенанту медслужбы Пивоварун было доверено чрезвычайно важное и опаснейшее дело — вывозка раненых. В распоряжении Пивоварун — катер. Маршрут постоянный, один и тот же: Цемесская бухта — Геленджик. Идти суденышку приходилось с приглушенным двигателем. Ширина "дорожки" — не уклонись в сторону: с обеих сторон ее море заминировано противником.

Гитлеровцы освещали берег и море прожекторами. Обнаружив катер, открывали ураганный огонь. Палила артиллерия. Злобно били минометы. Сухо отбивали очереди пулеметы.

В переброске раненых с Малой Земли на Большую все было трудным и связанным со смертельной опасностью. Больших мук стоило санинструкторам доставить раненых к берегу. Еще сложнее оказывалось поднять носилки на катер. Санитары по пояс в воде, изнемогая от усталости и холода, передавали раненых на борт. Число людей, которых требовалось отправить в Геленджик, было велико. Катер не мог принять всех. И так брал сверх меры. Уходил в ночь, и члены экипажа не могли сказать с уверенностью, что он доберется до противоположного берега.

В одиннадцатый свой рейс Пивоварун сама попала на катер не только в качестве ответственного за эвакуацию, но и как пациент. Тащила на берегу раненого, спешила его передать стоявшим у борта санитарам и не успела. Осколок впился в ногу. Сгоряча и не придавала Феодосья значения боли, перетерпела и продолжала носить раненых. В пути спохватилась: о, Господи, полный сапог крови!

После госпиталя Феодосья не попала в свою часть. Направили в 705-ю отдельную роту связи, фельдшером. Опять угодила в десант. Плацдарм близ Керчи. Керченский пролив, штормящий и по-ноябрьски студеной, кипел от взрывов снарядов. Катер окатывало то волной, то огненными фонтанами. Едва успели причалить, как на десантников обрушился каскад бомб. Вражеские самолеты пикировали, поливали огненными трассами, точно стремились свинцовым ливнем смыть первую волну высадившихся в ледяную морскую купель. На берегу буквально за считанные минуты — множество раненых, контуженных. Фельдшеру в подобной ситуации негоже занимать место в укрытии. Феодосья переползала от одного

пострадавшего к другому. Унимала кровотечения жгутами, перевязками. Перетаскивала ближе к катеру, чтоб отправить за пролив, в госпиталь.

Ей и потом, днями позже, когда солдаты роты протянули линии связи и сидели на контрольных станциях, не положено было даже в самую жестокую канонаду скрываться в щелях, блиндажах. Она переползала, перебиралась от станции к станции, где были раненые. На плацдарме десантники страдали от нехватки воды, мерзли, поскольку нечем было топить печурки, устроенные в землянках. Хозяйственная и запасливая военфельдшер Пивоварун не допускала и мысли, чтоб ее пациенты испытывали жажду, голод и холод. За вынос раненых с поля боя ее наградили медалью "За боевые заслуги".

Участвовала Феодосья в боях-сражениях по освобождению Крыма. В том числе в штурме главной твердыни на подступах к Севастополю — Сапун-горы.

Мне памятна Сапун-гора по Севастопольской обороне 1941-1942 годов. Там, я, юнга батальона морской пехоты, второй номер пулеметного расчета, был ранен и попал в госпиталь. Тогда советские войска в течение одиннадцати суток, с 18 по 29 июня, удерживали искромсанную взрывами горную гряду. Героически сражалась там наша 7-я бригада морской пехоты, не давая врагу пробиться к Севастополю. 7 мая 1944 года советским войскам потребовалось всего девять часов, чтоб штурмом взять сильно укрепленный вражеский рубеж. Но что это был за штурм! Десятки частей обрушили мощь огня всех видов оружия. Тысячи смельчаков, метр за метром отвоевывая у врага, продвигались к вершине горы. Санинструкторы находились среди бойцов. Военфельдшер Пивоварун за спасение раненых и проявленное личное мужество получила здесь орден Красной Звезды.

В дальнейшем для нее, украинской девчины из глухой деревеньки Черкасской области, горизонт был суков. Кровавым заревом пылал он на западе, куда устремлялись войска, освободившие Крым. Феодосья Ефимовна, теперь уже ротный санинструктор в одной из частей шестой гвардейской танковой армии, вновь и вновь ощущала его огненное дыхание. Ужасалась количеству раненых в боях под Дебриценом и Будапештом, на венгерской земле. На окраине австрийской столицы пролилась и ее кровь. Перевязывала солдата, когда в нескольких метрах взорвался снаряд. Случилось это ровно за месяц до конца войны. В медсанбате она и встретила салют Победы, получив напоследок очередную награду — орден Отчужденной войны II степени, направление в Киевский госпиталь, оттуда вышла с удостоверением инвалида второй группы.

В судьбах военных медиков младшего и среднего звена, как и в судьбах солдатских, так много общего, что это роднит их, объединяет, связывая невидимой, но прочной нитью. Перекликаются биографии молодых врачей, окончивших институт в начале войны.

Сразу со студенческой скамьи попала во флотский полуэкипаж в Туапсе и Людмила Артемовна Меркулова. Да не одна — двадцать однокурсников сразу были отправлены на пополнение рядов подразделений моряков.

За несколько суток пути совершенно иными стали вчерашние товарищи Меркуловой. Вчера еще беззаботные, шумливые, подчас наивные, они обрели не просто серьезность, но суровость, прониклись чувством ответственности. К месту службы медики ехали на крышах вагонов. Последний эшелон, отправившийся из прифронтового Краснодара, не мог вместить всех пассажиров. Медики проезжали знакомые места и не узнавали их. Мрачная тень войны уже коснулась их, наложила печать настороженности. Жители спешно рыли противотанковые рвы, устанавливали надолбы, ежи, иные препятствия для вражеской техники. На пути, под Армавиrom, эшелон попал под бомбежку. Врезалась в память птицеферма. Помещение, разметанное взрывом, куры, в страхе разбегавшиеся далеко окрест, тучи белоснежного пера, подхваченного вихрем. Далеко, насколько хватает глаз, люди выскочившие из вагонов и усеявшие поле. Вдали пылала пшеница, необранная, брошенная на произвол судьбы. На станции горели эшелоны. Горело и само здание станции.

Медики потеряли двоих девушек. Страх заставил забыть обо всем. Магия жизни, инстинкт самосохранения гнали прочь от опасности. Людмила Артемовна и сейчас испытывает угрызения совести за то, что, подавшись общей панике, бросила даже свои вещи. Спасибо Николаю Небоялову, сокурснику, принес их.

Станция Курганская затмила ужасы предыдущей: разбомбленный госпиталь. Тяжело раненные бойцы, матросы. Включились в работу и необстрелянные медики. Жуткие сцены человеческих страданий пробуждали в юных сердцах чувство профессиональной ответственности, врачебного долга, обусловленного клятвой Гипократа и милосердием.

Прибыв на место службы, новички полагали, что тут же получат назначение и приступят к своим обязанностям. Каково же было их удивление, когда всю группу направили в Сочи. В бывшем санатории наркомата земледелия разместился госпиталь, при котором медотдел Черноморского флота организовал для выпускников мединститутов месячные курсы. Что верно, то верно: сидя на берегу, плавать не научишься. Гражданский вуз не мог предусмотреть всего, что требовалось знать и уметь военному медику да еще в боевой обстановке.

Только прослушав цикл лекций, изучив практически методику лечения, проведения операций, сдав зачеты, медики получили назначения в части и на корабли.

Людмила Меркулова и несколько ее сокурсников пополнили штат медсанроты 145-го полка морской пехоты, сформировавшегося в Потти.

Отныне жизнь Меркуловой обрела неведомые доселе ритм и характер. Первое испытание — марш. Многокилометровый, вполне посильный для закаленных морских пехотинцев и непривычный для начинающего медика.

Все было впервые для Людмилы Меркуловой — и этот марш, и первый бой, разыгравшийся, когда полк минул село Шаумян, и устройство пункта сбора раненых. Какое-то внутреннее самообладание, интуиция помогли ей правильно оценить местность. Пункт сбора раненых она разместила в водосбросном туннеле, проложенном под железнодорожным полотном. Диаметр туннеля подходящий — метра два с половиной—три, длина метров семь. С воздуха его не обнаружить. От обстрела укрытие вполне надежное.

Бой грохотал. Раненых оказалось много. Их несли, пренебрегая маскировкой, открыто, на виду у противника, оседлавшего высоты. Этот поток привлек внимание гитлеровцев. Они обрушили на него минометный и пулеметный огонь.

Осколками перебило телефонный провод, протянутый рядом с железнодорожным полотном. Связь командования полка с авангардными подразделениями оборвалась. Прибежали двое связистов. Несмотря на предупреждения медиков о том, что местность пристрелена, морские пехотинцы лихо бросились искать обрыв. Не успели десятка метров пробежать — подкосило обоих.

Примчались еще двое. Более осторожные, по-пластунски поползли вдоль провода. И тоже застыли, не успев исправить линию.

Прислали третью пару бойцов. Не сдерживая слез, Меркулова выскочила из туннеля. Не зная как поступить, как уберечь бойцов от верной смерти, по-бабьи запричитала:

— Не лезьте под пули! Не видите, что с вашими товарищами.

Кричала, плакала навзрыд, а сердцем чувствовала безграмотность и бойцов, и тех, кто их посылал, не учитывая особенностей обстановки. Сама как медик не прониклась уверенностью в собственной профессиональной подготовке и ей казалось, что молодые необстрелянные матросы испытывают то же самое. Она, пожалуй, была права. Полевой выучки морякам не доставало.

С замиранием сердца наблюдала Меркулова за третьей парой связистов. Один успел подобрать концы проводов, стал их соединять, зажал зубами и уткнулся в землю лицом, залитым кровью. Второго сразила мина.

Боевая задача полку морской пехоты — прорвать кольцо немецких войск, выволить из окружения попавшие туда части стрелковой дивизии. Полк выполнил приказ.

В пункт сбора раненых принесли в кастрюлях горячую пищу. Меркулова не могла есть. Картины ужасов, пережитое за сутки отбили аппетит. Испытания же для Людмилы только начинались. При очередном артобстреле снаряд разорвался у самого входа в туннель. Чья-то сильная рука успела свалить доктора, прижать к полу. Тошнотворный запах серы, смрадного зеленоватого дыма, пыли заполнил туннель. Несколько секунд в пункте сбора царили

удушливый штиль, безмолвие. Будто из иного мира до слуха Меркуловой донесся слабый голос:

— Докторша-то наша жива?

Людмила Артемовна встрепенулась, несказанно обрадованная тем, что в такой жуткий миг кто-то вспомнил о ней.

— Жива я, жива, ребятки!

— Нас-то заберут отсюда?

— Заберут! Непременно заберут.

Заверила доктор раненых, а у самой эдакий червячок сомнения: вдруг забыли про нас, вдруг что-нибудь помешает. Обстрел вон какой!

Машины пришли поздним вечером. Скрытно, с выключенными фарами подкатили к туннелю. Началась эвакуация раненых. Первых раненых на фронтовом пути доктора Меркуловой. Чувство исполненного долга наполняло все существо девушки. А еще — непроходящая боль, жалость к тем, кого поместили в кузов рослого снарядов. С большими предосторожностями уложили в кузов рослого матроса лет сорока, раненного в голову и метавшегося в беспомощности. На всякий случай Людмила сделала ему еще один обезболивающий укол. Фельдшер успокоил ее:

— Ничего, выдержит. До медсанбата недалеко.

Машины ушли, и Меркулова ужаснулась пустоте в туннеле, своему одиночеству. Обрадовалась, увидев фельдшера. Молодой узбек. Посочувствовал:

— Устали?

— Очень устала.

— Отдохните, пока новых раненых не принесли.

Санструкторы Мария Касьянова, Мария Толокольников и фельдшер Надежда Самуэльсон находились на передовой. Людмила тяжело опустилась на ящик с перевязочным материалом. Рядом, тоже на ящик, сел фельдшер. Немцы заметили машины, подхитившие за ранеными, и начали артиллерийский обстрел. Меркулова интуитивно отшатнулась, вжалась в стену туннеля. Мимо нее со свистом пролетели осколки. Непроизвольно охнул фельдшер. Осколком разворотило ботинок. Из него капала кровь. Можно лишь предположить, что повреждены кости и мягкие ткани ступни. Меркулова наощупь, в полной темноте, перевязала сослуживца, сочувствуя ему и беспокоясь о том, как его эвакуировать. Уйти с пункта приема раненых она не могла. Ждать прибытия машин бессмысленно. Фельдшер успокаивал доктора:

— Терпеть можно. Подожду.

Людмилу Артемовну душила обида: как можно было бросить на нее, такую неопытную, столько раненых? Как можно было оставить ее одну в этой дыре под железнодорожным полотном, близ которой дважды разрывался снаряд? Теперь вот этот раненый, которого, возможно, необходимо сию минуту прооперировать... Утром она выплеснула свою обиду командиру медсанроты капитану Авбашид-

зе. Тот, измотанный бессонной ночью, обработкой раненых, не лишен был чувства юмора.

— Зачем ссориться?... Зачем плакать?... Посмотрите, какое утро. Солнце, лес. Надо радоваться жизни! Кроме того, у нас сегодня маленький праздник. Наш 145-й полк морской пехоты разгромил немцев на этом направлении. Вражеская оборона прорвана. Думаю, будем наступать! Готовьтесь, собирайте имущество. Транспорт вам выделен.

Транспорт — лошадь и телега. Ездовой — древний старик из жителей какого-то окрестного села. На этом транспорте и следовала Меркулова за наступающими подразделениями в готовности развернуть пункт сбора раненых, оказать медицинскую помощь тем, кто в ней нуждался. Подсознательная мысль: "Ничего, жить можно!" поднимала настроение. Недолгим, однако, было блаженство. На привале в узком ущелье, казалось бы, недоступном для авиации, батальон подвергся бомбежке. В медсанбате убило старшину. Если ранение сослуживца сильно огорчило Людмилу Артемовну, то смерть человека, бок о бок с которым трудились все минувшие дни, потрясла. Офицер особого отдела Гуревич, обратившийся к Меркуловой за медицинской помощью, из пациента вынужден был войти в роль психолога, наставника, советчика. Подбодрил доктора, хоть и шаблонным доводом: "Война есть война, на ней убивают", но заставил собрать волю.

Психологическая ломка человека самой гуманной профессии, готовившегося к работе в условиях обычного медицинского учреждения, а попавшего на полигон смерти, проходила болезненно. К психологическим перегрузкам прибавились чисто физические. Ежедневные марши, помощь раненым лишали запаса сил. Матросы с сочувствием относились к своей "докторше". Добыли ей смирную лошаденку. Села на нее Меркулова и неожиданно для самой уснула. Открыв глаза, ужаснулась: дорога петляла по-над обрывом. Людмила спешила и наотрез отказалась от верховой езды.

Полк продолжал с боями продвигаться вперед. Вскоре он частично влился в состав 255-й бригады морской пехоты, с которой в дальнейшем была связана служба, точнее судьба Л. Меркуловой. Точкой отсчета этой службы стала Малая Земля, Станичка, медсанрота, работа под началом опытного хирурга Людмилы Ивановны Давыдовой.

В первый месяц десанта стороны воевали с переменным успехом. Линия передовой нет-нет да менялась. Выйдя однажды ночью из операционной, Меркулова увидела группу морских пехотинцев, занявших оборону у тыловой стороны медсанроты. Оказалось, немцы потеснили наши подразделения и противник теперь находился в какой-нибудь сотне метров от лазарета.

Первоначальный страх у Меркуловой прошел. Она уже без содрогания воспринимала бомбежки, арналеты, атаки. Как и остальные медики, рвалась в ряды сражавшихся. Хирург Давыдова не разрешала ей. Людмила Артемовна настаивала:

— Вон заведующий аптечным складом Егембердыев не вылезает с передовой.

— Военфельдшер Егембердыев — мужчина. Он прав, считая, что его место там.

— Санинструкторы Касьянова и Толокольниковы выносят раненых.

— У каждого свои обязанности. Кому надлежит выносить раненых, кому — штопать их, кому — лечить.

Санинструктор Мария Касьянова не только ходила за ранеными. Бывала она и в разведке. Один раз не повезло девушке. Разведчики попали в западню. В ходе перестрелки командир группы погиб. Касьянова взяла командование на себя. Вывела остатки группы из окружения. Но сама была смертельно ранена. Бойцы принесли ее на плащ-палатке, чтоб медики могли похоронить боевую свою подругу здесь же, в Станичке.

Смерть подкарауливала медиков и в расположении медсанроты. Лишь какой-то добрый рок уберечь Меркулову от гибели во время бомбежки. Три бомбы зловещим треугольником легли близ тамбуров хирургического отделения. Рухнули две стены, погребли раненых и медсестер. Меркулова, стоявшая в дверном проеме, не пострадала. Она и опомнилась раньше других: "Откапывайте... Скорее!" На призыв доктора откликнулись все находившиеся поблизости.

Обдирая руки, Людмила Артемовна отбрасывала камни, разгребала щебень, землю и вскоре высвободила моряка. Он пришел в себя, застонал, прошептал благодарно:

— Спасибо, доктор. Ангел ты мой-спаситель...

Большинство раненых остались, к счастью, живы. Погиб санитар. Пострадали от ушибов медсестры.

Иногда опасность исходила и от... раненых. Положили на операционный стол морского пехотинца: ранило его в окопе, и он все еще не приходил в сознание. Людмила Артемовна обратила внимание на его правую руку. Он держал ее под бушлатом, неестественно приподняв над грудью. Расстегнула доктор бушлат и обмерла — в руке лимонка. Чека выдернута. Разожми застывшую ладонь — раздастся взрыв. Скорее всего, матрос собирался метнуть гранату и не успел.

Меркулова выпроводила из операционной всех находившихся там. Подчиняясь какой-то интуиции, медленно разгибала палец за пальцем. Не помнит далее, как, зажав в руке гранату, вышла с ней из помещения, как отшвырнула, услышала громовой грохот и, упав на промерзлую землю, не спешила встать. Нервное напряжение последних минут требовало разрядки. Земля, подрагивавшая от взрывов, словно впитывала в себя то, отчего невольно было девушке. Но сознание долга подняло Меркулову. Подавляя в себе остатки страха, она направилась в операционную.

Едва управилась с раненым матросом, как в медсанроту прибежал офицер:

— Разбомбили командный пункт. Санитаров пошлите! Скорее!

Собрав подчиненных, Меркулова прибежала на командный пункт. Там уже управились другие медики. Можно было возвращаться. На всякий случай Людмила Артемовна решила осмотреть все уголки разрушенного подземного сооружения. Оказалось, не зря. Заметила у стены полузасыпанного щебнем человека. Подняла его. "Капитан Татаренко, помощник начальника связи бригады", — опознали его сослуживцы.

Раненый потерял много крови, еще немного и замерз бы, поскольку было очень холодно. Только срочная доставка в госпиталь могла уберечь этого человека от гибели.

У причала стоял катер. Шла погрузка раненых. Уже не было места на судне. С большим трудом, буквально со скандалом Меркуловой удалось отправить капитана Татаренко в Геленджик. Ему посчастливилось выздороветь. Он многие годы искал свою спасительницу. И отыскал ее много лет спустя после войны! Чтобы поблагодарить за возвращенную, можно сказать, подаренную жизнь.

Сколько солдат и офицеров получили такие "подарки" за годы войны! В какой-то газете я прочитал, что на фронте и в тылу тогда трудились более двадцати тысяч военных врачей и, кажется, около полутора миллиона средних медицинских работников. Не уверен в точности названных цифр. В одном могу не сомневаться: у нас был самый высокий процент возвращения в строй раненых — около 72. Армии других стран никогда не знали столь феноменальных результатов. Я сам несколько раз попадал в госпиталь и медики поднимали меня на ноги.

Повторюсь, сказав, что медиков не баловали наградами. Однако пятьдесят двум было присвоено звание Героя Советского Союза (двадцати трем из них — посмертно). Были у медиков и добрые помощники — доноры. Их в стране насчитывалось свяше пяти с половиной миллионов. Они в основном безвозмездно сдавали кровь, которая являлась резервом жизни для многих тысяч раненых. За всем этим опять-таки стояли медики, наши спасители, ангелы в шинелях. Они заняли свое место в армейском строю сразу, как только началась война, почти за год до постановления Государственного Комитета обороны о призыве на военную службу женщин. Их с апреля 1942 года стали призывать в войска связи, потом и в другие. Женщины-медики к тому времени уже успели сверх всякой меры испытать почем фунт лиха, уже носили ордена и отметины от пуль.

КРЕПКИЙ ТЫЛ — БОЕСПОСОБНАЯ АРМИЯ

Для людей несведущих, далеких от армии, не поевших каши из солдатского котла, в слове тыл есть что-то отталкивающее, не совместимое с понятием героизм. Ошибочное мнение! Приглядевшись к тыловикам, даже только слегка окунувшись в их стихию, начинаешь понимать, какой титанический труд и какая ответственность лежит на них, постоянно занятых и материальным, и техническим, и медицинским обеспечением, и восстановлением боеспособности подразделений, выведенных из сражений, еще многим и многим. Не случайно командиры, политработники убеждали солдат в том, что наша сила в крепости тыла. Мы сами убеждались в бесспорности утверждения: чем крепче тыл, тем врага бить легче. Доставили тыловики боеприпасы вовремя — солдат воюет, нет их — горюет, начинает сознавать свою беспомощность. Оставили тыловики воинов без горячего питания, еще хуже — без хлеба настроение падает, сила на пределе.

Нам, бойцам 255-й бригады морской пехоты, вряд ли стоило обижаться на своих тыловиков. Заместителем командира бригады по тылу был Антон Петрович Домбровский, офицер опытный, с 1924 года находившийся на действительной военной службе. Еще до войны с фашизмом он успел понюхать пороху, принимая участие в советско-финском конфликте. Конфликт этот бесславный, унес много жизней и потребовал громадного количества материально-технических ресурсов. Участвовал А. П. Домбровский и в героическом морском десанте в Керчь в новогоднюю ночь 1942 года.

Таким образом, опыта у А. П. Домбровского было достаточно. Потому и стал он у "руля": взвалив на свои плечи заботы и ответственность за снабжение морских пехотинцев.

Служба тыла — не канцелярия с ограниченным штатом писарей и обозников. Она представляет собой комплексную структуру, объединяющую специалистов разного профиля. В подчинении А. П. Домбровского оказалось более четырех десятков офицеров службы тыла, предназначенных для укомплектования тылов отдельных батальонов морской пехоты и самой бригады. Личный состав уже сражался с врагом.

Поле деятельности заместителя комбрига по тылу необъятно. Требовалось буквально за считанные дни, даже часы, укомплектовать тылы батальонов транспортом, обеспечить доставку в подразделения всех видов довольствия. "Выбить" все положенное в Новороссийской Военно-морской базе оказалось делом трудным, хлопотным.

Голова кругом шла от неразрешимой проблемы: машины, которые удалось получить, оказалось невозможно использовать. Местность, где шли боевые действия, горная, поросшая лесом, к тому же беспощадно обстреливалась противником. Требовался гужевой транспорт. Только на лошадях, порой во вьюках можно было доставлять на передний край боеприпасы, продукты питания и прочие грузы.

Удалось выйти из затруднительного положения. Начальник интендантского отделения Ф. Татаринев мобилизовал в Новороссийске всех выявленных там лошадей, собрал повозки, брички.

Тут новые заботы. Противник потеснил наши части в районе станиц Шапшугинской и Абинской. Однако тылы все еще оставались близ деревни Липки, восточнее Новороссийска. Их А. П. Домбровский считал необходимым срочно перебазировать, поскольку город и его окрестности подвергались обстрелам и бомбёжкам.

"Перебазировать" — слово тихое, нейтральное. За ним гигантское напряжение сил. Тысячи тонн боеприпасов, продуктов питания, фуража, обмундирования... Ящики, мешки, упаковки... Все это требовалось быстренько погрузить в машины, повозки, переправить в район Геленджика.

Транспорта катастрофически не хватало. Пока дошел черед до госбанка и финансового отдела бригады, то оказалось, что эвакуировать их не на чем. Домбровский остро переживал промашку и счастливо улыбнулся лишь когда увидел служащих банка и финчасти, пешком добравшихся до новой базы. Начальник финотдела бригады майор Кучмин, начальник банка со своими подчиненными принесли мешки с деньгами, с документами, полностью сохранив все ценности.

Горький опыт заставил поторопиться с укомплектованием тылов бригад гужевым транспортом. Замкомдива по тылу сформировал транспортную роту, назначив туда командиром старшего лейтенанта Леванского. Поскольку бойцов сюда не выделили, повозочными были девушки. Не все они до призыва имели дело с лошадьми. Но, как известно, не за свежесть лица хвалят бойца. Хвалят за удаль, за хватку. Доставало таких качеств и девушкам. Научились и лошадьми управлять, и грузы таскать. Помогали им бойцы. Случалось, однако, так, что рядом не было мужчин. Тогда девчонки выполняли и эту "мужицкую" работу. Понимали тыловики-начальники, что она не для слабых женских рук? Конечно. При всякой возможности повозочными назначали мужчин. Женщин переводили на другие должности. Они осваивали новые специальности — связисток, санитарок, поваров.

Рая Харьковская стала писарем в продовольственном отделении. Мария Савицкая работала поваром в одном из подразделений на Малой Земле. Телефонисткой прошла по дорогам войны Валентина Иванова.

Гужевой транспорт ничуть не умалял значимости автомобильного. Домбровский сформировал автороту, которой командовал старший лейтенант Костин. Его заместителем по технической части был капитан-лейтенант Иван Чумаченко. Благодаря его заботам автомобили даже в чрезвычайно сложных условиях эксплуатации были в хорошем состоянии.

Вскоре, однако, не только автомобили, но даже гужевой транспорт использовать стало невозможно. Противник держал под прицелом дороги, обстреливал одиночные повозки. Домбровский убедил командование в том, что лишь вручную можно доставлять на передовую самое необходимое. Тыл бригады подкрепили солидно, выделив батальон подносчиков. Расчет был элементарный: шестнадцать килограммов груза на подносчика. На себе доставляли боеприпасы, сухари, консервы. Вскоре убедились в неэффективности такого метода транспортировки. Бригаде выделили ишаков. Вот эта горно-вьючная рота вполне оправдала себя и в горах Кавказа, и в десанте на Мысхако.

На Малую Землю А. П. Домбровский высаживался вслед за бригадой. Он шел на буксире, тянувшем баржу с боеприпасами, и сильно рисковал. Достаточно было снаряду угодить в баржу и все бы вокруг разметало.

Буксир, в кромешной темноте подтянув баржу к Рыбачьему мысу, стал в стороне, а баржа, подгоняемая волной, подплыла к барсу, состоявшему из нескольких досок, по которым можно было выйти на берег. Неожиданно противник включил прожектор. Сильный поток света ослепил находившихся на барже воинов. В ту же минуту последовал огонь артиллерии и минометов. Команда, предназначавшаяся для выгрузки боеприпасов, не выдержала. Солдаты прыгали в воду, искали укрытие на берегу.

С большим трудом Домбровский собрал перепуганную рать и сам повел их на баржу. Началась выгрузка. Прямо под вражеским огнем. Склалировать ящики в штабеля Домбровский запретил, справедливо считая, что от случайной мины или снаряда будет уничтожен ценный груз, погибнут люди. Ящики разносили по площадке, стараясь размещать их в безопасном месте.

Еще шла разгрузка баржи, где к работам привлекли и моряков 322-го батальона, а заместитель командира бригады по тылу отправился выполнять очередное задание — готовить к отправке на Малую Землю 327-й отдельный батальон морской пехоты и сейнеры, загруженные военным имуществом.

Все, что доставлялось на Малую Землю, следовало распределить по батальонам бригады, подать на передний край. Автомшины там использовать было невозможно, брички — также. Выручили выносливые и терпеливо переносившие невзгоды ишаки. Ночи напролет

трудились ослики, перевозя не один центнер груза. К утру движение прекращалось.

Огонь с моря и суши, штормящее море, непогода — все мешало доставлять грузы в необходимом количестве. И все-таки бригада не оставалась без боеприпасов и питания. Тыловики наладили выпечку хлеба на Мысхако, приготовление горячей пищи, на катерах вывозили с Малой Земли раненых. В подразделениях устраивали санитарную обработку и помывку личного состава, меняли нательное белье. Благодаря этому Малая Земля не знала массовых заболеваний.

И при желании никто не смог бы подсчитать, сколько тонн грузов перенесли на своих плечах рядовые "тыловики". Зачастую по грудь в ледяной воде работали кладовщик старшина 2-й статьи Милютин, рабочие склада матросы Оснонов, Пейсахович. Команды по разгрузке мотоботов чаще других возглавлял мичман А. Степин.

Труд этот был каторжный. Вдобавок ко всему гитлеровцы отягощали его, то и дело открывая огонь. Однажды торпедировали причал. Торпеда попала в расположение складов, к счастью, не взорвалась. Саперы не сразу убрали ее, и она лежала, как бы удостоверенная, что служба личного состава тыловых подразделений не менее опасна, чем любая на крохотном плацдарме.

Настораживающе-прохладное слово "тыловик" никак не вязалось с характером службы если не всех, то абсолютного большинства офицеров, старшин, специалистов да и солдат. Семен Васильевич Иванов, встретивший войну в звании интенданта 3-го ранга, слыл у нас в бригаде человеком беззаветной храбрости, глубоким знатоком оружия и боевой техники. Он и был таковым. Так получилось, что С. В. Иванов и войну встретил при...боеприпасах. Вез вагоны снарядов, мин, патронов, гранат в район тактических учений, любовался из окна поезда чудесным июньским рассветом и увидел самолеты в небе. Слово что кольнуло его, насторожило: боевой строй. Авиация германская. Обрушила на станцию Котовск, на железнодорожные пути тонны бомб. Первые тонны губительного груза...

"Там же мой эшелон!" — спохватился интендант Иванов, являвшийся начальником артснабжения. Побежал к "своим" вагонам. Можно подумать, мог он заслонить собой драгоценный и очень опасный груз от бомб, пламени, от уничтожения.

К счастью, уцелел эшелон. А боеприпасы, что доставил С. Иванов, понадобились уже не для учебных стрельб, для настоящих. Вozить их на передовую было сложно, опасно. Фашистские самолеты охотились за всем, что двигалось по дорогам. Батальоны красноармейцев просили, умоляли: "Патронов!...Снарядов!"

Знал об этом С. В. Иванов? Знал. Но не всегда удавалось прорваться к сражавшимся. Однажды, попав под обстрел, едва выбрались из переделки. Потеряли в бою несколько красноармейцев. Иванов сам взял в руки возжи и в роли повозочного пригнал свой

"обоз". Погонял коней, а у самого одно на уме: "Хоть бы не угодила мина в повозку со снарядами!" Бог миловал. Получили артиллеристы бесценный груз.

В другой раз уже проскочили опасную, насквозь простреливаемую зону и наткнулись на гитлеровцев. Группа просочилась в тыл к нашим, оборонявшимся на выгдном рубеже. Ездовые и сам Иванов открыли огонь по врагу. Разгромили группу. Даже пленных в штаб доставили. Медалью "За отвагу" наградили тогда С. В. Иванова. В сорок первом награждали не часто...

На Малую Землю доставлять боеприпасы было еще труднее и опаснее. Баржа, наполненная ими, мощнее любого фугаса рвануть способна, упади в нее снаряд. Катера наши шли без единого огонька, с сигнальщиком на носу. Тот до рези в глазах всматривался в ночную мглу, чтоб судно не напоролось на мину. Гитлеровцы сбрасывали их с самолетов на парашютах. Стропы парашютов были "припаяны" сахаром. Сахар таял в воде, парашют тонул, а гальваническая мина дрейфовала, словно айсберг в море. Поджидала свою жертву. Моряки остерегались их более, чем артобстрела.

Боялись мин и наши тыловики. Сжималось сердце при виде их и у С. В. Иванова. Но бывало, и через огненный вал прорывались катера, баржи, на которых доставлял важный груз начальник артвооружения. Везучим ли был С. В. Иванов, искусными ли моряки — не разобратся. Главное — пробивались. Раз в пору ужаснуться было экипажу и С. В. Иванову. Торпеда угодила в корпус, вывела из строя все электрическое хозяйство корабля. Крыны, лебедки бездействовали. Гаубицы, ящики со снарядами пришлось выгружать вручную. Экипаж судна, десантники, мокрые, продрогшие, спускали орудия по сходням, выволакивали их на берег. Две ночи продолжался этот адский, но так необходимый труд. Многие были за него отмечены орденами, медалями. Получил и С. В. Иванов первую свою "малоземельскую" награду — орден Красной Звезды.

Мария Ивановна, жена С. В. Иванова воевала рядом, в медсанбате, под началом капитана медицинской службы А. Ищенко. Только виделась супруги не часто. Иногда прибежала она буквально на минуту, чтоб проститься перед разлукой или по срочному делу. По такому, например:

— Сема, снаряд!... — с порога землянки выкрикнула Мария Ивановна.

— Где?

— Возле медсанбата. Упал и не взорвался... У нас раненые...

Не к саперам бежала Мария Ивановна в минуту опасности, к мужу. Уверенная в том, что он защитит, уберезет от беды не только ее, но и других.

С. В. Иванов — специалист признанный. Уж он-то знал, что такое неразорвавшийся снаряд. Тронь его — может разнести все вокруг.

— Раненых убрать. Всем отойти в укрытие, — распорядился Иванов. Прихватив сумку с инструментом, кусок кабеля, спустился в балку. Снаряд увидел издали. Осмотрел его со всех сторон. Легонько накинуд телефонный кабель, прыгнул в окоп. Дернул за конец провода. Взрыва не последовало. Вылез из окопа, осторожно обезвредил снаряд.

— Все. Можете спокойно жить.

Не успел дойти до своей землянки, окликнул посыльный:

— Товарищ майор! Командир вызывает.

Доложил командиру о прибытии. А тот:

— Привез новинку? Покажи теперь бронбойщикам, на что она годится.

Новинка — ПТРД, противотанковое ружье новой модификации. Майор Иванов нашел толстую сталь. С обратной стороны ее пристроил паклю, пропитанную дизтопливом. Отполз метров на двести. Выстрелил. Пуля, пробив металл, зажгла паклю.

— Надежное оружие, — заметил командир. Всем бронбойщикам надо знать это.

...Как видите, воины тыла вовсе не те, кто отирался по глубоким тылам, не внося личного вклада в дело победы над врагом. Скромно и честно наши тыловики выполняли свой долг. С. В. Иванов вернулся с войны с шестью орденами, десятком медалей на груди.

Мне могут возразить: подвиг на войне — каждодневная необходимость. Только ведь и подвиг — подвигу рознь. По масштабности, нравственному воздействию на окружающих, по исторической значимости, наконец. То, что делалось службами тыла, что сделано в период обороны Кавказа, десантной операции на Масхако, в боях за освобождение Новороссийска, в частности, нельзя квалифицировать иначе как подвиг исторический. Он совершался не один день тысячами людей разных специальностей, находившихся в разных местах, совсем не знакомых друг с другом, но объединенных единой целью.

Разве можно забыть о том, что каждый патрон и снаряд, каждая банка консервов, каждый комплект обмундирования и каждая пара сапог, полученных защитниками Кавказа, доставлялись не кратчайшими маршрутами. Грузы с промышленных предприятий шли окружным путем через Ташкент, Красноводск, Баку до Поти и Батуми. Сотню суток в среднем занимал этот путь. Далее, как известно, для доставки грузов подключались транспортные средства разные. От морских судов до осликов. Многие тонны боеприпасов и съестного люди переносили на своих плечах.

В этом гигантском подвиге многих тыловых подразделений яркими вспышками благородства и отваги освещен подвиг отдельных бойцов и командиров. Фамилии многих так и остались неизвестны. Так, и по горячим следам не удалось установить фамилию матроса-разведчика, который, что называется, проложил десанту дорогу в Новороссийский порт. Известно лишь, что этот боец тылового подразделения за несколько суток до начала наступления

вызвался разведать маршрут. Ночью вплавь добрался до порта, хоронясь от противника, сутки провел под разрушенным причалом. Затем, улучив момент смены боевых расчетов, проплыл вдоль троса, который гитлеровцы тайком натянули между молами. Матрос ощупал трос, чтоб установить, нет ли на нем подрывных устройств, определил, на какой глубине он проходит. На обратном пути матрос из-за плохой видимости потерял ориентировку, выбрался на берег на незнакомом участке и подорвался на mine. Он все-таки нашел в себе силы сообщить командиру бригады катерников об уловке, подготовленной гитлеровцами. Ведь первый же торпедный катер неизбежно "повис" бы на тросе, намотав его на винт.

Если с подразделениями, обеспечивавшими личный состав оружием, боеприпасами, едой, обмундированием, было все ясно, то род занятий иных ставил нас в тупик.

Мы досадовали, видя, как взвод солдат, мастерски владевших топором, пилой, малярной кистью, сутки напролет строили макеты самолетов. Затем вывезли "игрушки", не уступающие по величине настоящим истребителям, на "аэродром", замаскировали их там. Скрыть важный "военный объект" от зоркого "фокке-вульфа", однако, не сумели. На рассвете мы проснулись от сильных толчков. Вражеская авиация бомбила "аэродром", приняв находившиеся там макеты за настоящие самолеты.

Потом мы видели этот ложный аэродром и диву давались. Гитлеровцы не пожалели на него бомб тяжеловесных, большой мощности. Все поле было в воронках, достигавших пяти, семиметрового диаметра.

Неподалеку от "аэродрома" бойцы-маскировщики построили ложный командный пункт, по внешним контурам ничем не отличавшийся от настоящего. Земля вокруг него, кажется, еще стонала от боли. Одна бомба, словно пощадив ее, не взорвалась при падении, лишь двухсотпятидесятикилограммовой массой своей ушла в грунт, затаив смертельную опасность.

Старший лейтенант Кузнецов, командир взвода маскировщиков, удивил нас глубочайшей осведомленностью, знанием параметров всех видов боевой техники — орудий разного калибра, танков, автомобилей, знанием особенностей их применения в боевой обстановке. Он, архитектор по специальности, получал задания самые неожиданные. Тогда, работая по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки, он и его бойцы, строя макеты орудий, танков, "сосредоточивали войска" у переднего края обороны, создавая у врага иллюзию готовящегося наступления. Гитлеровцы реагировали на "опасность", перебрасывали сюда дополнительные силы, подвергали бомбежкам "скопление войск" противоборствующей стороны.

Тем временем реальные перемещения войск, маневрирование силами и средствами, имели место на других участках фронта.

Общение с маскировщиками оставило приятное впечатление. Кузнецов, молодой, ироничный, сыпал согревающим душу юмором.

Ничуть не рисуясь, шуточно заверял нас, "прикованных" к своей боевой специальности:

— Не помню, когда я был взводным. То мне поручают командовать танковой бригадой, и я строю танки. Сам располагаю их на указанном мне рубеже и маскирую. Если требуется, выдвигаю на новый рубеж... То я начальник "аэродрома". То командую дивизией и располагаю свой командный пункт в березовом лесу и оборудую опорные пункты, узлы сопротивления.

Такой командный пункт Кузнецов и его солдаты возвели на лысоватом пригорке, и березы пришлось закреплять, приколачивая гвоздями к щитам.

Случалось и обратное. В преддверии настоящего наступления маскировщиков заставили поломать голову над тем, как скрыть от противника сосредоточение скрытно подтянутых к передовой танковых подразделений. Сложность в том, что местность открытая, слегка холмистая, лишена природных защитных масок. Маскировщики придумали. На поле в течение одной ночи возникли едва заметные бугорки. Холмики, припорошенные снегом, ничем не отличавшиеся от тех, что возвышались там века. Они прекрасно вписались в общий ландшафт.

Наверняка удивились гитлеровцы тому, что после мощной артподготовки "бугорки" вдруг превратились в танки и неудержимой лавиной прорвали оборону противника.

Вникая в суть службы маскировщиков, мы, солдаты, как на острие, проницательнее воспринимали гигантское противоборство вооруженных сторон. Правда, и прежде видели: война — не дружба, в которой двое встают в полный рост на небольшом расстоянии друг от друга. Кодекс чести не дает им права ловчить, укрываться от пули. Секунданты строго следят за соблюдением правил.

Война не подчиняется никаким кодексам чести. На ней чувствуют победителей. Ради выигрыша в бою прибегают к тонкостям военного искусства, к хитрости, к потаенным решениям, к разведке, тщательному изучению противника. От солдата в обороне требуют: стать невидимкой, маскируйся. В наступлении знай свой маневр. Маскировщики, скорее всего, могли служить для всех нас эталоном в умении перехитрить врага.

Суровый бой — урок на долгие годы. Урок в прямом смысле слова. На Кавказе мы, да и наши тыловики, кое-чему учились у противника. А он на первоначальном этапе битвы превосходил нас в полевой выучке, конкретно — в горной подготовке. Мы сдерживали натиск частей дивизии "Эдельвейс", имевшей опыт войны в горах Европы. Гитлеровское командование намеревалось тогда, летом 1942 года, овладеть Новороссийском и Туапсе, наступая затем вдоль Черноморского побережья, прорваться в Закавказье, к нефтяным районам. Преодолеть перевалы Главного Кавказского хребта должен был 49-й горнострелковый корпус, укомплектованный кадрами альпинистов, оснащенный специальными техническими средствами.

К Клухорскому перевалу, который обороняли подразделения нашего 815-го полка, как раз и продвигался один из полков дивизии "Эдельвейс". Перевал — ключевая точка, ворота к Военно-Сухумской дороге. Несмотря на сопротивление наших бойцов, противник приближался к перевалу и 14 августа появился на его северных склонах. Число обороняющихся было невелико. Поэтому отряд альпинистов, сбивая их, сумел подобраться к самому перевалу. Здесь мы встретили его дружным пулеметным огнем. Тогда-то и оценили мы противника по достоинству. Альпинисты дивизии "Эдельвейс" не только легко, бесшумно передвигались по труднодоступной местности. Они искусно маскировались, умели слиться с местностью, уберечься от пуль. Только перекрестный огонь наших пулеметчиков не позволил противнику добиться желаемого.

Они, однако, не отказались от своего плана, пошли на хитрость, какой никто не ожидал. Отыскивали с подножья гор, в долине, отару овец и пустили ее впереди себя. Наверняка знали опытные вояки, что овцы, проходящие через перевал, сразу найдут самые удобные тропы. Не ошиблись гитлеровцы.

Мы не смогли бы сдержать натиск вплотную подобранных к нашим позициям солдат противника. Выручила рота автоматчиков старшего лейтенанта В. Жукова. Но и она с большим трудом отбивала атаки. Только с прибытием на перевал учебного батальона под командованием М. П. Агаева и отряда курсантов Сухумского пехотного училища мы могли быть уверены, что положение наше прочно. Уверенность еще более окрепла, когда на перевал прибыл третий батальон нашего 815-го полка, а в тыл наступающим были брошены специально подготовленные горные отряды.

Расчет на то, что перевал можно защитить и малыми силами, не оправдал себя. Прибывшие подразделения прямо с ходу вступали в бой, который становился все масштабнее, ожесточеннее. Уже не отряд альпинистов предпринимал атаку за атакой. Противник подтянул значительные силы и маневрировал ими на местности тактически грамотно, не шаблонно. Поредели ряды нашего батальона. Понес потери батальон Агаева. В нем уже оставалось не более сотни бойцов. Устало отстукивал очереди один-единственный "максим". Его поддерживали четыре ручных пулемета. Огневое превосходство противника было очевидным. Другим преимуществом его было то, что альпинисты, верно оценив местность, овладели господствующими высотами. Огонь оттуда был губительным для нас. С перевала мы вынужденно отступили.

Командир 815-го стрелкового полка майор А. А. Коробов выслал на Клухорскую тропу отряд курсантов под командованием лейтенанта Н. Худобина, поставив задачу сбить противника с высот. Курсанты по обрывистым скалам, рискуя свалиться в пропасть, вскарабкались на вершины. В ожесточенных схватках добились успеха. Только после этого положение защитников перевала стабилизировалось.

Гитлеровцы не желали мириться с утратой выгодных в тактическом плане высот. Не отказались они и от своей цели овладеть перевалом. В ночь на 27 августа группа вражеских автоматчиков численностью до 250 человек просочилась в тыл наших подразделений.

Обстановка для нас создавалась угрожающая. Штаб полка остался без связи. Батальоны могли попасть в окружение. Командование дивизии ввело в бой 121-й горнострелковый полк, только что совершивший марш. Командовал им человек отчаянной храбрости майор И. Аршава, хорошо знавший горы и тактику действий в высокогорных условиях.

Майор Аршава направил роту автоматчиков и стрелковую роту по труднодоступным горным тропам. Подразделения вышли туда, откуда немцы не ожидали опасности. Охватив противника с флангов, роты нанесли ему сокрушительное поражение.

Ситуация складывалась настолько опасная, что Советское правительство 2 сентября 1942 года через газету "Правда" обратилось к защитникам и народам Кавказа со страстным призывом:

"Сейчас внимание нашего народа, народов всего мира обращено к Северному Кавказу. Грозовые тучи нависли над его снеговыми горами и предгорьями, над ущельями и долинами Кубани. Дым пожара вздымается над станицами и аулами.

Гитлеровские разбойники ворвались на просторы Северного Кавказа. Они врываются в горы. Враг не знает, что Кавказ всегда был страной смелых и отважных народов, что здесь, в борьбе за независимость, народы рождали бесстрашных бойцов, джигитов, что трусость слыла всегда самым позорным преступлением.

Здесь, у подножия гор, воспитывались поколения советских людей с львиным сердцем, орлиными очами. Никогда не станут рабами гордые народы Северного Кавказа!..."

14 сентября 1942 года армейская газета "Герой Родины" опубликовала письмо бойцов и командиров одного из полков ко всем защитникам Кавказа. Каждая строка в нем звучала набатом:

"Подлый враг подошел к советской жемчужине — Кавказу. Враг бросил сюда не только свою собственную военную машину, но также силы и резервы своих вассальных "союзников". Фашистские разбойники стремятся захватить грозненскую и бакинскую нефть, чтобы пополнить свои иссякшие запасы и осуществить свои дальнейшие разбойничьи планы. Враг спешит, напрягает все свои силы, чтобы до зимы покончить с Кавказом.

Не видать гитлеровским мерзавцам советского Кавказа никогда. Мы умрем, но не отступим дальше ни на шаг!"

Я намеренно столь подробно описываю жестокую схватку, вписавшуюся в историю войны как важная боевая операция, чтобы показать, в какой обстановке должны были выполнять свои обязанности тыловики. Доставка боеприпасов, хлеба, сахара, табака и т. п. осуществлялась так называемыми подносчиками. Даже подвезти грузы поближе к передовой удавалось не всегда. Отправил

А. П. Домбровский на тракторе с прицепом продовольствие. Не прошло и часа как вернулся начальник продовольственного отдела Калиниченко. Весь мокрый, доложил: попали под обстрел. Трактор с ценным грузом опрокинулся в горную речушку. Рабочие — все, сколько их было на складе ринулись спасать продукты. Баграми выловили из речки кое-какие ящики, мешки. Сахар и соль растворились в воде.

Тыловиков поругивали за то, что некоторые подразделения оставались на скудном пайке. По счету выдавались патроны и гранаты. Не всякий день поступала горячая пища. Чувствуя за собой вину, снабженцы искали выход из трудной ситуации. Разобрали повозки, оставив только передки. На них грузили до трехсот и даже четырехсот килограммов груза и отправляли к перевалу.

Иные участки пути простреливались днем, ехали по ним ночью. Через какую-то горную реку связисты по просьбе тыловиков натянули кабель. По нему с одного берега на другой перетягивали мешки с хлебом, среднего размера ящики с продуктами.

Приходилось быть изобретательными!

Были, конечно, и серьезные издержки в службе тыла. Однако даже в ту пору мы, солдаты, со спокойной совестью могли сказать, что в главном личный состав тыловых подразделений оставался тем, чем ему предписывалось быть — гарантом нашей безопасности, кормильцем, стражем здоровья. Редко им выпадало брать в руки оружие. Однако при необходимости и обозники вступали в бой.

"...Жизни предопределение — птицей петь среди ветвей молодого поколения", — считал поэт Михаил Светлов. Не всегда птицей пела жизнь тыловиков 255-й бригады морской пехоты. Им, как и воинам, ходившим в атаки, далеко не всегда выпадали радости. И над ними черной тенью витала смерть, а ненавистные слова "убит", "умер" омрачали их лексикон. Теряли своих бойцов транспортные роты. Подорвался на mine начальник продуктового отделения капитан И. Кудрявцев. С тяжелым ранением отправили в госпиталь капитана М. Путимцева. Погиб подносчик С. Алахтаев, сумевший пробраться на передовую, доставить ящик патронов и гранаты.

В ряде случаев тыловики выполняли даже не свойственные им обязанности. Помимо материально-технического обеспечения войск, открывали пункты питания для эвакуируемого населения, помогали населению переправиться из районов боевых действий в безопасные места.

Из предгорий Главного Кавказского хребта через горы в Грузию — Сванетию уходили тысячи семей. К их переброске командование привлекало в основном альпинистов. Они, понимая, что на них возложена трудная и ответственная задача, старались отыскать наиболее удобные маршруты. Однако это не всегда удавалось. Через малодоступные горы вынуждены были уводить людей от смертельной опасности альпинисты А. Сидоренко, Г. Одноблюдов и их товарищи. Работники Тырнаузского молибденового

комбината, женщины, дети двинулись к покрытому снегом перевалу Бечо через Главный Кавказский хребет. Об этом героическом и опасном переходе с волнением рассказывала работница комбината Е. Лысенко:

— Двенадцатого августа нас отправили в путь, дали нам альпинистские палки. Сына одного увязала в простыню, второго взяла за руку...

Шли мы тропинками. Шли за альпинистами. Благодаря им прошли через страшные водопады, где не видать дна. Насилу прошли. Лед, трещины, а мы идем.

Потом, придерживаясь за канат, стали лезть триста метров на вершину. Один ребенок в простыне за спиной, другого за руку держу. А сама за веревку хватаюсь и тяну. И тут же на вершине подхватывали нас солдаты..."

КОМАНДИРАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Солдату из его окопа не дано видеть того, что командирам, тем более военачальникам. Мы довольствовались скромной дозой военно-политической информации, которую нам несли политработники, агитаторы, газеты. Трудно даже представить, с какой болью воспринимались вести о неудачах наших войск. Как большую трагедию воспринимали мы приказы об отступлении. Покидали села и деревни, стыдясь смотреть в глаза жителям, которых бросали на милость или немилость врага.

Жестокая мысль терзала каждого: кто повинен в беде и позоре? Не потому ли с такой жадностью набросились мы на опубликованную в "Правде" пьесе А. Корнейчука "Фронт?" Читали, вдумывались, осмысливали описываемые ситуации, с жаром обсуждали произведение. Наши симпатии были на стороне молодого командующего, еще не обретшего уверенности в принятии решений и действиях, но ищущего, анализирующего причины и факторы, пагубно влиявшие на исход боев и сражений.

Генерал Горлов, достойный уважения за прежние заслуги и уверенный в своей непогрешимости, воспринимался настороженно. Витала мысль о его виновности в поражении войск. Тяга Горлова к шаблону, к уже испытанным некогда стратегии и тактики действий, видимо, сковывали инициативу на местах.

Горлов, конечно же, образ собирательный. Но олицетворял-то он собой представителей высшего руководства Вооруженными Силами. Лиц, оказавшихся на первоначальном этапе войны явно не способными перестроиться, управлять войсками с учетом глубоких изменений в стратегии, тактике, в характере ведения боевых действий. Изменений, исторически обоснованных и оправданных, произошедших в связи с развитием науки, техники, промышленности, выполняющей военные заказы. В связи с тем, наконец, что под ружье в каждой стране было поставлено людей больше, чем когда-либо.

Еще в исторически недалеком XIX веке армия, по выражению русского военного теоретика А. Незнамова, "оставалась в руке императора подобно батальону в руке хорошего майора". Наполеон, вторгшийся в 1812 году в Россию с армией, насчитывавшей 610 тысяч человек, в сражении при Бородине самолично командовал ею как батальоном. Сам производил рекогносцировку, сам следил за ходом сражения и отдавал распоряжения. Его маршалы были исполнителями поставленных им задач и только. Масштабы сражения позволяли императору все видеть и вносить коррективы: сражение-то на Бородинском поле велось на фронте около восьми километров и на глубину до шести.

В начале нашего века, в связи с ростом численности армий, их технической оснащенности размах сражений увеличивался, требуя от полководцев совсем иных форм и методов управления силами и средствами. Сражение под Ляояном в русско-японской войне развернулось на фронте 75 километров и длилось одиннадцать суток. Под Мукденом — на фронте 155 километров и бои грохотали 17 суток.

В начале первой мировой войны немцы предприняли наступление семью армиями на фронте 340 километров. Русские войска развернули войска своих шести армий по фронту на 500 километров. В войне с фашизмом действия велись на фронте от Балтики до Черного моря.

Росла и техническая оснащенность. В 1916 году англичане на реке Сомме впервые применили танки. 49 громоздких стальных крепостей на гусеницах произвели фурор. За годы войны с фашизмом только Советский Союз произвел свыше 90 тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок.

Моторизация и механизация армий требовали коренного пересмотра военных доктрин, стратегий и тактики боевых действий. Пьеса Корнейчука подводила читателя и зрителя постановки к мысли о том, что не все военачальники уловили суть эволюционных процессов, а потому не могли оторваться от опыта, накопленного в гражданскую войну и не пригодного к войне с противником, успевшим покорить половину Европы.

Наши командиры были осторожны в оценке пьесы, а тем более в характеристиках больших военачальников. Политработники же склонялись к мнению, что пьеса подрывает доверие к руководству армии, к командному составу. Но мы верили своим командирам и любили их! Справедливо считали: слово командира свято, приказы обоснованны. На самом деле это так и было.

Может быть, мне просто везло на командиров. Все, под чьим командованием я служил, отличались организованностью, справедливой требовательностью, глубоким знанием военного дела и бесстрашием. В сорок первом, когда я после нескольких визитов в райвоенкомат потерял надежду попасть в армию и в отчаянии предстал перед незнакомым мне полковником следовавшей через наш город части, он понял меня сразу, без формальностей и

проволочек распорядился: "Зачислить парнишку юнгой". В тот день я узнал фамилию этого сурового с виду человека — Е. И. Жидилов. Командиром батальона морской пехоты, куда меня зачислили, был майор С. Ф. Мальцев. О них обоих матросы отзывались не просто тепло, но восторженно. Пользовались наши командиры авторитетом и у большого начальства, потому что 7-я бригада морской пехоты была врага умело, приказы выполняла точно. Смею утверждать это, прочитав мемуары некоторых военачальников. Вот что писал Маршал Советского Союза Н. И. Крылов в книге "Огненный бастион":

"...7-я бригада морской пехоты, поредевшая (два ее батальона попали в окружение, из которого вышли лишь мелкие группы), но все же насчитывающая без малого две тысячи бойцов, вернулась в Севастополь. Командовал ею полковник Евгений Иванович Жидилов, черноморский ветеран".

Таким было первое впечатление военачальника о комбриге Жидилеве, и бригаде, с боями пробившейся в осажденный Севастополь. Далее мнение самое положительное:

"В бригаде Потапова я выполнил свой план: обошел по первой траншее весь передний край. И, как водится, чем дальше шел, тем больше накапливалось замечаний к разговору с комбригом и начальником штаба.

Народ в бригаде золотой. Но вот надежно окапываться, оборудовать занятые позиции так, чтобы были хороши не только как исходные для движений вперед, а и для упорной обороны, этих удальцов все еще не приучили...

Взять бы да сводить, будь на это время, весь начсостав, вплоть до отделенных, в бригаду Жидилова. Там моряков куда больше. А как умеют зарываться в землю!"

В жидиловской строгости была искренняя забота о подчиненных, о сохранности каждого из них. Таким же взыскательно-заботливым был наш батальонный комиссар Николай Евдокимович Ехлаков — коренастый, широкоплечий, неизменно носивший кубанку и армейскую шинель, под которой виднелся стоячий синий воротник морского кителя. Человек он был прямой, отличался независимым характером, с матросами был прост, знал про житейские невзгоды многих, посылал письма в военкоматы с просьбами помочь семьям бойцов. Ехлакова любили в бригаде и за личную храбрость.

Ко мне Н. Е. Ехлаков относился, ничуть не выделяя среди остальных. А если немного покровительственно, то лишь в плане учебы. Задавал вопросы, требуя точных ответов. Заставлял проползти по-пластунски. Предлагал разобрать и собрать карабин, засекал время.

— Ну, юнга, трудись. Помни: военному делу учиться — что тележку в гору тащить, отпустишь — назад покатится.

— Значит, плохо мы учились, коль вон откель катимся, от самой границы, — подковырнул Ехлакова матрос Сизов, пулеметчик, к которому меня определили в качестве второго номера.

Я думал, комиссар вспылит, отругает Сизова. Нет, он стал еще серьезнее.

— Учились-то упорно, — парировал он после паузы. — Да, наверное, не по совсем полной программе. Что являлось основным в нашей военной доктрине, какой вид боевых действий? Наступление! У наступления неоспоримые преимущества перед обороной. Ну, во-первых, наступающим войскам принадлежит инициатива в действиях, выборе направления удара, атаки. Наступающий навязывает свою волю противнику, наносит удар в наиболее выгодном направлении. Во-вторых, успешное наступление поднимает моральный дух, умножает силы бойцов. Этому мы, командиры, политработники, учились сами. Этому же учили бойцов. Обороне же не придавали должного внимания. Рассуждали так: коль наша военная доктрина не предусматривает оборонительных действий да еще на собственной территории, то и убивать время на нее нет смысла. Значит, наша беда вот в чем. Не научились обороняться — раз. У противника преимущества в техническом оснащении — два! Вот, товарищ Сизов, почему мы от самой границы катимся.

Аргументы, которые приводил комиссар, казались бесспорными, только до жути обидными. Мимо нашего занявшего оборону батальона тянулись измотанные части Отдельной Приморской армии, обескровленные полки легендарной Чапаевской дивизии. Их, то на пределе сил ведших оборонительные бои, то поспешно отступавших, принимала израненная крымская земля. Но и здесь они не могли дать решительного отпора, потому что у противника были все преимущества наступающего.

О том же, что в наступлении наши командиры и войска были искуснее, инициативнее, дальновиднее, чем в обороне, свидетельствовала сама действительность.

На 22 июня 1942 года гитлеровцы наметили очередной срок взятия Севастополя и ввели в сражение громадные силы. Едва ли не основной удар они наметили нанести в направлении Северной бухты. В районе Мекензиевых гор они вклинились в нашу оборону. Нескольким подразделениям морских пехотинцев 7-й бригады приказали отбросить врага. И тогда капитан А. С. Гегешидзе рассредоточенным строем повел свой батальон в атаку. Моряки достигли намеченного рубежа, отбросив противника на три километра.

Успех требовалось закрепить. Но в батальоне Гегешидзе и в том, который действовал бок о бок с ним, оставалось лишь 179 человек. Капитан Гегешидзе по собственному опыту знал, что этой горсткой бойцов рубеж не удержать. Ведь против морских пехотинцев наступали три пехотных полка. Гегешидзе справедливо решил, что лучшая оборона — наступление, когда можно взять инициативу в собственные руки, навязав свою волю врагу.

В три часа ночи он повел моряков в атаку и захватил доминирующую высоту. Противник пытался воспрепятствовать. Во время встречного боя его подразделения прорвались во фланг

батальона. Капитан Гегешидзе, не дав угаснуть наступательному порыву подчиненных, увлек их в рукопашную схватку. Личный пример, отвага командира еще более подняли боевой дух матросов. От комбата словно исходили импульсы магической притягательности, вдохновляющей энергии. Поредевшие роты не давали врагу опомниться, пресекали его попытки сманеврировать, окружить атакующих. Гитлеровцы сосредоточили огонь на капитане. Заметив угрожающую комбату опасность, лейтенант Егоров прикрыл его грудью, на какую-нибудь долю секунды опередив автоматную очередь. Тяжело раненного лейтенанта лишь после боя удалось вынести в тыл.

Батальон капитана Гегешидзе занял оборону на высоте. Однако затевал готовившуюся атаку, комбат не стал дожидаться ее. Он снова поднял бойцов, вынудив противника отступить.

Пусть не все, но многие командиры не уступали комбату Гегешидзе в ведении наступательных боев. Они же упорно учились восвать в обороне, шаг за шагом постигали науку побеждать. За два месяца героической Севастопольской эпопеи батальон капитана А. Бондаренко отбил свыше полусотни атак. Смелый и, прямо скажем, талантливый комбат прежде прославился инициативными действиями в наступательных боях.

А. Бондаренко словно держал руку на пульсе своего подразделения, будто из-под земли возникал там, где создавалась аховая ситуация. Когда такой командир рядом, у подчиненных настрой один — победить. Плечо командира — плечо друга. Оно не дает людям упасть духом, отчаяться даже в самые критические мгновения.

Сколько было таких мгновений на участке обороны, которую удерживал батальон А. Бондаренко, — не перечесать. Однажды уже готовы были попятиться морские пехотинцы. Они видели перед собой вражеские цепи, приближавшиеся к траншеям, осознавали реальную опасность, поскольку многих бойцов уже недосчитывались взводы и роты, умолк пулемет... В этот момент они услышали властное: "Стоять насмерть!" Возглас донесся с крыши дома, куда со станковым пулеметом взобрался бесстрашный комбат. Оттуда, с выгодной позиции, видя подбиравшихся к позициям батальона врагов, он повел огонь.

Сорвав таким образом очередную атаку противника, капитан навлек на себя его ярость. Над позицией морских пехотинцев закружил немецкий самолет. Обнаружив огневую точку, принялся бомбить дом. Воздушной волной капитана сбросило на землю. Придя несколько минут спустя в сознание, комбат снова взобрался на крышу дома и продолжал вести прицельный пулеметный огонь.

Хорошо воюют у того, кто сам воюет умело. Таким было мнение у фронтовиков. Но даже из уст политработников мы слышали: командир тверд, и солдат — кремень. В этом опять-таки была правда. Твердостью характера и храбростью отличался майор Цезарь Львович Куников. Мне и моим товарищам, морским

пехотинцам, довелось встречать его в десанте на Мысхако. Однако слава "малоземельская" была лишь крупным "довеском" к прежним его славным делам. Моряки, долго служившие под началом Ц. Л. Куникова, с гордостью рассказывали о подвигах "своего" майора, о его умении найти разумный выход из самых запутанных опасных ситуаций. В этом беспредельном доверии командиру, кажется, и была его неиссякаемая сила.

Летом 1942 года гитлеровцы при поддержке артиллерии и авиации прорвали фронт под Темрюком. Тогда-то из матросов экипажей сторожевых кораблей и катеров Азовской флотилии срочно был сформирован батальон морской пехоты из пятисот человек. Это подразделение под командованием майора Ц. Л. Куникова стеной стало на подступах к станице Курчанской. При огневой поддержке орудий артдивизиона и нескольких кораблей батальон целые сутки удерживал важный в тактическом отношении рубеж, а затем, получив приказ, передвинулся на другие оборонительные позиции.

Особенно упорные бои под Темрюком развернулись 23 августа. В течение дня батальон Куникова отбил восемь атак. В адрес командующего Азовской флотилией в тот день поступила телеграмма за подписью Маршала Советского Союза С. Буденного: "Объявите всему личному составу, что оборона Темрюка войдет в историю войны с фашизмом. За героизмом, проявленным личным составом, следит вся страна, как в свое время она следила за героями Севастополя".

Командиров любили не за внешнюю красоту и привлекательность. Солдаты ценили их за мудрость решений, находчивость и поступки, свидетельствующие о душевной щедрости и нравственной чистоте. Воины пулеметной роты соседней с нами части даже песню сложили про своего двадцатидвухлетнего командира Николая Кирилловича Боженко и на мотив "Катюши" распевали ее в тихие вечера:

Умирать фашистам неохота,
Говорят друг другу: "Не зевай!
Против нас лежит у пулемета
Храбрый русский — Коля-Николай".

Как оказалось, немцы действительно были наслышаны о пулеметчике Николае. На улице Азовской узенькая полоска земли разделяла оборонительные позиции сражавшихся. Бои шли часто. Случалось офицеру самому строчить из "максима". Однажды разведчики добыли "языка" с "противоположной стороны", с переднего края обороны гитлеровцев. Пленный офицер, дав ценные показания, осмелился спросить: "Кто у вас пулеметчик Коля?" Как же он удивился, увидев перед собой старшего лейтенанта, совсем юного с виду, но с сединой на висках.

— Вы счастливый человек, — позавидовал гитлеровец Николаю Боженко. — Вас любят солдаты.

— Откуда вы знаете, что это так?

— О плохом командире песен не поют.

"О плохом командире песен не поют"... Черт возьми, как верно подмечено! Бойцы 7-й бригады морской пехоты, не скрывая симпатии к своему "бате", полковнику Жидилову, посвятили ему строевую песню. Моряки 255-й бригады морской пехоты, уважая своего комбрига А. С. Потапова, больше места в песне отвели комиссару Михаилу Капитоновичу Видову. Очень может быть, что стать песенным героем отважному комбригу помешали недостатки личного порядка. Между тем моряки горделиво называли себя потаповцами еще в дни обороны Севастополя. В боевых донесениях части фигурировала фамилия командира 79-й стрелковой бригады, которой тогда командовал Алексей Степанович Потапов. Упоминали ее и матросы.

Мы, морские пехотинцы 7-й бригады, с уважением и сочувствием взирали на бывших защитников Одессы. Они составляли почти треть 79-й стрелковой бригады, насчитывавшей в своих рядах около четырех тысяч человек. Бригада была сформирована совсем недавно, в октябре 1941 года. Моряки влились в нее как "прослойка" в основной состав пехотинцев. Отличаясь храбростью, моряки имели слабую полсвую выучку. В этом была их беда. По-видимому, не очень-то искусен был в управлении сухопутными подразделениями и сам комбриг. Зато гуляла о нем слава как о неустрашимом инициативном командире, не боявшемся брать на себя ответственность за рискованные вылазки в логово врага. В Севастополе он со своими моряками-добровольцами, ведя жаркий бой, пробился в неприятельские тылы, на свой страх и риск совершил там дерзкий рейд, вызвав среди гитлеровцев панику. Дорого обошлась эта храбрость Потапову. Досталось ему от начальства. Но и награда последовала за подвиг.

Мнение о комбриге сложилось раз и навсегда единое: командир не очень расчетливый, излишне увлекающийся, но смелый, решительный, способный уверенно идти напролом. Таким А. С. Потапов вошел в биографию 255-й бригады морской пехоты, которой командовал на Малой Земле и от командования которой его отстранили за издержки в управлении при штурме Новороссийска.

С виду А. С. Потапов был суров, даже угрюм. У него плохо двигалась рука — сказывались последствия ранения, полученного в том самом рейде по тылам врага, за который он был удостоен ордена. И все-таки комбрига любили моряки! Думаю, многие подражали ему, в чем-то повторяя его нешуточного риска поступки.

Наша 7-я бригада морской пехоты сражалась в Севастополе близ станции Мекснзиевы Горы и кордона Мекензи. Бок о бок с ней вела бои 79-я бригада полковника Потапова. Ей и была поставлена задача выбить гитлеровцев со станции. Точных сведений о силах

и обороне врага не было. Матрос Иван Филин, ничуть не уступавший в хитрости легендарному матросу Кошке, слышал разговор Потапова с начальником штаба майором И. А. Морозовым, размышлявших о том, как добыть "языка", чтоб получить нужные разведанные. Филин вызвался идти в тыл врага один.

— Один? — удивился комбриг.

— Один, — спокойно ответил матрос. — Немецким языком я владею. Надену форму немецкого офицера, дайте мне документы того убитого, которые вам вручили солдаты.

— Ну пройдешь к немцам. А там как?

— Буду действовать по обстановке.

Глубокой ночью Филин проник в расположение противника. Попасть в штаб ему не удалось. Выжидать удобного момента, чтоб осуществить задуманное, было недосуг. Тогда разведчик, не теряя самообладания, вихрем ворвался в землянку командира батальона и возбужденно оповестил о том, что одна из рот решила сдаться в плен русским.

Фашистский офицер, пораженный такой вестью, вскочил с койки. Приказав вестовому сидеть у телефона, сам бросился задерживать "перебежчиков". Филин побежал за ним. Гитлеровец грозился перестрелять "изменников". Филин неожиданно свалил его, обезоружил, заткнул рот кляпом, связал, отнес в кустарник. По приказке: "один хорошо — два лучше", разведчик решил прихватить и вестового. Вновь забежал в землянку, приказал солдату следовать за собой. Тот послушно выполнил распоряжение "офицера". Матрос оглушил его, связал. На рассвете Филин ввел пленных в землянку Потапова. Комбриг благодарил разведчика за подвиг. Матрос был недоволен собой: в штаб-то, дескать, не проник и попросил разрешение "наведаться" к немцам еще раз.

Полковник А. С. Потапов ценил удаль, знал отчаянных бойцов лично. Об Иване Филине он впоследствии напишет искренние и проникновенные строки: "Скромный, сердечно чистый и беспримерно храбрый, он шел на риск ради жизни, ради свободы и счастья Родины". Сам А. С. Потапов, тоже беспримерно храбрый, смолоду подружившийся с боевой славой, вряд ли сетовал на то, что потаповцы больше места в строевых песнях отвели Видову, чем ему.

Должно быть так: одному — любовь, другому — слава; только избранным — то и другое. Кумиру солдат 330-го стрелкового полка Сырочу Насруллаеву, героически сражавшемуся на Мысхако, "малоземельцы" посвятили гиперболически-восторженные строки:

Он сделал все: разбил фашистов в прах.

В его руках желанная свобода.

Он победил! И будет жить в веках —

Отважный сын узбекского народа.

Близкое знакомство с Сырочем Насруллаевым (знакомство, переросшее в крепкую дружбу) состоялось годы спустя после войны.

Преждевременная кончина этого доблестного воина и замечательного человека оборвала дружбу. Но не изгладились в сознании, не выветрились из памяти удивительные черты характера и поступки Сыроча, человека нелегкой судьбы и железной воли. Самодисциплина, неприятие всего порочного, порожденного разрухой и гражданской войной уберегли его от печальной участи многих ровесников, тех тысяч беспризорников, вылавливаемых милицией, и которых стремились перевоспитать энтузиасты макаренковского типа.

Сыроч, рано оставшись без родителей, предпочел сиротский приют подвалам и чердакам, укрывавшим бездомных. Он, малолетка, тянулся к добрым людям. Они одарили его теплом, пробуждая в душе ростки доброты, чуткости к окружающим, трудолюбия. Смывленный и старательный, он был первым в классе, став курсантом Ташкентского пехотного училища, — первым во взводе. В 1938 году молодой командир воевал против японских самураев. На высоте Заозерной водил в бой стрелковую роту. Там же был ранен. После излечения направили служить ближе к западной границе страны, в гарнизон близ Равы-Русской. У этого города он и встретил войну. Под его командованием передовой отряд стрелкового полка оперативно подоспел на помощь пограничникам и буквально с ходу вступил в бой. На четвертый день огненной метелицы Насруллаева ранило. Не столько от физической боли страдал командир, сколько от переживания за участь подчиненных, продолжавших сражаться.

Залечив раны, Сыроч вернулся в строй. Получил стрелковый батальон, и вновь солдатская судьба бросила его в адское пекло войны. Сыроч Насруллаев был награжден орденом Боевого Красного Знамени. В сорок первом награды давались лишь за особые заслуги, за уникальные подвиги. Батальон Насруллаева был образцом массовой отваги. С нескрываемым огорчением отправляли бойцы своего командира в госпиталь, зная, что оттуда не всегда излеченные попадают в родную часть. Они были правы. Сыроч Насруллаев вновь вернулся в строй, но уже в 176-ю стрелковую дивизию, сражавшуюся на Кавказе, под Малгобеком. Повысили в должности — это радовало. Зато и служебное поле деятельности больше, чем у комбата: заместитель командира полка, не выходящего из боев. Испытание подполковник Насруллаев держал под огнем, организуя оборону, участвуя в контратаках против многоопытного врага — частей дивизии "Викинг". Доверие личного состава Насруллаев завоевал. Оно окрыляло, побуждало к творческому поиску, к командирскому предвидению в развитии боевой ситуации.

После страшного кровопролитного боя, в котором противник, задействовав артиллерию, авиацию, рассчитывал на успех, но не добился его, Сыроч впервые услышал о себе сказанное солдатами "Наш батя". Оно взволновало подполковника. Сыроч еще не догадывался тогда, что доброе слово "батя" станет его вторым

именем и будет сопровождать его до конца войны. С возгласом: "Спасайте батю!" кинулись в воду бойцы, чтобы вытащить на борт катера раненого, сброшенного взрывной волной замкомандира полка. Случилось это в ночь с 23 февраля 1943 года, когда стрелковый полк десантировался на Малую Землю. Насруллаев находился на катере, подбадривал необстрелянных солдат. Судно захлестывала крутая волна. Вокруг вздымались гигантские фонтаны взрывов. Ночную мглу над берегом секли бесчисленные трассеры. По утверждению поэта:

Не скажешь словами, что было тогда,
Как буйствовал огненный шквал,
Как кровь проливалась, кипела вода
И рвался со стоном металл...

Страшной силы взрыв швырнул на мель шедшую впереди канонерскую лодку "Красная Грузия". Вслед за этим огромная волна подняла катер, положила его на бок. Насруллаева выбросило в море. На какое-то время он потерял сознание. Придя в себя, не мог плыть. Тогда-то и услышал тревожное "Спасайте батю!" Вместо малоземельского пятачка подполковник попал в Геленджикский госпиталь. Но... не опоздал он повоевать и на малоземельском плацдарме. Прибыв в полк, принял его уже как командир, заменив выбывшего из строя предшественника.

Не в лучшую пору вступил Насруллаев в новую для себя должность. Полк нес потери. Каждый метр удерживаемого им огненного пятачка был передним краем. Сманеврировать, вывести хотя бы часть подразделений из-под артиллерийских или воздушных налетов невозможно: впереди — противник, позади — море. Единственное спасение в данной ситуации командир полка видел в том, чтоб создать прочную в инженерном отношении оборону, укрыть личный состав в окопах, траншеях полного профиля, в отсеках, выдолбленных под каменным настом, в камне. Можно было добиться этого силой приказа. Насруллаев использовал силу убеждения.

Днем подразделения вели бой. Ночью "вгрызались в шар земной". Едва ли не круглосуточное напряжение выматывало силы. Никто, однако, не испытывал обиды. Настойчивость комполка воспринималась как забота. Сам он был среди подчиненных. И для бесед выкраивал время, и утешить мог, и подбодрить, и потребовать. Случалось ему и за оружие браться, даже в атаку солдат поднимать.

Командир дивизии С. Бушев, внимательно присматривавшийся к новому командиру полка, даже упрекнул Насруллаева:

— Ваше дело командовать, управлять подразделениями в бою. Но это не значит, что вы лично должны в цепи наступающих шагать...

Высказав замечание, генерал задумался и, как бы размышляя, с самим собой:

— Впрочем... Бывают критические ситуации, когда и командир дивизии действует как рядовой солдат.

Скорее всего, именно такая критическая ситуация сложилась после получасовой артподготовки, когда гитлеровцы обрушили на позиции полка тонны снарядов и мин. Насруллаев понимал, что должно последовать после этого неумолимого истребления всего живого. Вот-вот начнется атака. Полк еще не залечил раны от прошлых схваток, не получил пополнения, бойцы в изнеможении.

Насруллаев перебирался из роты в роту. Ползком преодолевал завалы в траншеях. Командирам подразделений напоминал: "Ни шагу назад!" Солдат предупреждали о готовящейся атаке.

Над позициями полка все еще грохотало, выло, стонало. Насруллаев торопился в соседний батальон, когда близко разорвавшийся снаряд оглушил его. Взрывной волной офицера отбросило в сторону. Сыроч ударился головой, потерял сознание. То ли грохот, свист металла привел его в чувство или заботливые руки солдат — не понять. Войны бинтовали командиру голову. Он, испытывая неловкость, бормотал утешительное:

— Пустяки... Заживет.

Ползком перебрался на левый фланг, который ему казался наиболее уязвимым. Там, на стыке подразделений, противник мог прорвать оборону. Здесь сосредоточенным огнем артиллерии срывало с землей часть траншей.

Рядовой Саидов, несколько минут назад принявший на себя командование взводом, доложил подполковнику о потерях. Погиб командир, сержанты...

— Держитесь, сынки! Постараюсь прислать подкрепление.

Пообещал неуверенно, мучительно размышляя о том, где взять хотя бы десяток солдат, чтоб заделать "бреши" в обороне, кого из офицеров или сержантов направить сюда. Саидов молодой боец, из недавнего пополнения. Вон как удивился, увидев во весь рост шагавших гитлеровцев.

— Товарищ подполковник... Это что, психическая атака?

— Она самая... Спокойнее.

Подполковник продолжил было свой обход подразделений, когда увидел убитых пулеметчиков. Разжав холодящие пальцы первого номера, Насруллаев долгой очередью изрешетил плотную цепь наступавших. Прислушался к чистой дробь автоматного огня, на душе стало спокойнее: взвод действовал дружно.

Вражеская атака захлебнулась. Но несколько минут спустя послышался гул самолетов. Где-то позади сердито зачастили зенитки. Белесые вспышки разрывавшихся снарядов заплясали по курсу армады воздушных хищников.

— Эх, недолет!

— Упреждение неверно рассчитали...

— Лапти вам на луну бросать, а не по самолетам стрелять!..

Солдаты досадовали на промахи артиллеристов, и Насруллаеву понятны были эти огорчения. Между тем белесых "одуванчиков" в

синем небе становилось больше. Снаряды рвались в непосредственной близости от самолетов, ломая их строй, вынуждая бомбардировщиков менять направление. Наконец один из них, заваливаясь на крыло, задымил, стал падать. Со свистом и воем пронесся он над передним краем нашей обороны и грохнулся на высоте.

Потом еще один стервятник развалился в воздухе. Должно быть снаряд угодил в боекомплект и тот сдетонировал. Зато остальные самолеты молотили плацдарм беспощадно. Ушла одна группа, появилась другая. И тоже сбросила тонны бомб.

Насруллаев считал своим долгом быть на виду у личного состава. Марлевая повязка под каской пропиталась кровью, покрылась пылью, копотью. Как бы он, командир, хотел сейчас успокоить бойцов, сказать, что самое страшное позади, можно отдохнуть от нестерпимого грохота, насладиться чистым воздухом, тишиной.

"Н-нет, передышки не будет,— рассуждал он про себя, а вслух, готовя подчиненных к очередным испытаниям, распорядился расчистить завалы в траншеях, подправить брустверы, подготовиться к отражению танковой атаки.

Сам, преодолевая тошноту и головную боль, стараясь быть бодрым, наставлял солдат:

— Думаю, не забыли, как воевать с танками? Карманная артиллерия нам для чего выдается?...

Беседа на ходу. Вопросы — ответы. Советы. "Карманная артиллерия" — гранаты — у большинства солдат уже под рукой, в нишах окопов. Там же бутылки с горячей смесью.

— ...Не отчаивайтесь, не паникуйте, если даже танк пройдет через траншею. Бутылку с горючей смесью ему на корму — пусть горит!...

Танки мчались на большой скорости, спеша подавить, смять ошеломленных бомбежкой стрелков. Солдаты напряженно следили за ними, с ходу открывшими огонь из орудий. Вдруг рывкнули наши пушки. Артиллеристы, выкатив орудия на прямую наводку, били по противнику. Закоптили небо, задымились три немецких танка, распространяя далеко окрест тяжелый смяд. Остальные танки шли напролом, наводя ужас на новичков. Да что новички, если в минуты, предшествующие кульминации боя, учащенно бьется сердце каждого. Даже человека, прошедшего огни и воды, может пронять леденящий холодок одиночества и острая, сосущая тоска. Так уж устроен человек, с его чуткой на опасность нервной системой. В азарте самой жестокой схватки чувство страха улетучивается. Однако важно покорить его заранее. В данный момент преодолеть этот страх у необстрелянных бойцов могло что-то чрезвычайное. Сыроч пошел на крайность:

— Смотрите, ребята, как надо встречать вражеские танки.

Солдаты и находившиеся с Насруллаевым офицеры охнуть не успели, как их командир полка, выхватив у бойца гранату и бутылку с горючей смесью, перемахнул через бруствер и готов был ползти к танку, как его догнал старшина, прижал к земле.

— Вам нельзя... Я сам...

По тому, с какой решимостью вступил старшина в поединок с противником, виден был опытный боец. Он осторожничал не из-за трусости, а потому, что хотел одолеть врага. А еще — молодому пополнению требовался наглядный урок ратного мастерства и отваги.

Танкисты, обнаружив смельчака, не скупилась на очереди. Фонтанчики пыли выбивали перед старшиной. Едва пулемет умолк, старшина вскочил, сделал несколько шагов и швырнул бутылку с зажигательной смесью. Потянулся над броней черный шлейф. Для надежности старшина метнул под гусеницу гранату и, по-прежнему не рискуя излишне, вернулся в траншею. Прежде чем подойти к подполковнику Насруллаеву, с укором высказал новичкам:

— Запомните, салаги, командира беречь надо. Ясно?

Насруллаев, взволнованный героическим поступком старшины, крепко обнял его.

— Благодарю за урок, дорогой мой!

Помимо благодарности старшина был представлен к ордену и вскоре получил его. Командир полка не забывал поощрять достойных. Ну а бойцы не забывали о нем самом.

Военврач А. Ищенко поражена была однажды поведением раненого солдата, доставленного на операционный стол. Он вдруг потребовал карандаш и лист бумаги. Дрожащей рукой нацарапал две строчки, подал хирургу со словами:

— Передайте по назначению.

На листе призывное: "Ребята! Берегите командира! Другого такого не может быть"...

— Кому передать записку?

— В полк... Кому угодно. Пусть берегут бату нашего, Сыроча Насруллаева.

Уважение к подполковнику (затем полковнику) Насруллаеву было искренним. Он его вполне заслуживал, поскольку знал многих солдат, любил их любовью отца, старшего брата, любовью человека, согретого еще в детские годы сердечным теплом заботливых воспитателей, на которых ему повезло в Ташкентском приюте. Он был чувствителен к несправедливости, защищал солдат, оказавшихся вдруг в немилости.

Был случай, когда к нему обратился молоденький лейтенант, недавний выпускник краткосрочных офицерских курсов.

— Прошу вашего разрешения перевести рядового Засоркина в обоз.

— Какие мотивы перевода?

— Засоркин своим видом всем солдатам настроение портит.

— Каким видом?

— Перед боем замкнется, ходит хмурый. Истукан-истуканом...

— У него что, раны открылись?

— Какие раны?— удивился лейтенант. Он вдруг понял свою ошибку. Идя к командиру полка, не подготовился, даже не вызвал

Засоркина на откровенный разговор. Теперь оставалось только слушать полковника и удивляться его осведомленности:

— Знаете ли вы, товарищ лейтенант, что Засоркин четыре раза был ранен. Все четыре ранения тяжелые. Он был списан из армии подчистую. Да-да, списан! Но из госпиталя прибыл в полк. Потому что полк для него — родной дом. Кроме нас, у Засоркина никого на земле не осталось. Семья погибла... Самого его, повторяю, война четыре раза рвала на части. Медики его латали. Он выжил! Перед каждым боем волнуется, переживает, тоскует по жене, детям. Все они погибли. Таких, как Засоркин, нам ценить надо. Волевым он человек! Храбрости ему не занимать.

Лейтенант, поблуднев, с волнением и стыдом раскаяния слушал командира.

— Извините, пожалуйста, товарищ полковник. Для меня эта беседа — урок. На всю жизнь урок! Свою ошибку исправлю.

Младшие офицеры впитывали в себя то доброе, чем приковывал к себе вниманием их командир полка и за что так уважали его. Он покорял подчиненных глубоким знанием военного дела, трудолюбием, отвагой, чувством ответственности за каждого солдата, искренним участием в их судьбах.

Однажды полк получил подкрепление, подразделение штрафников. Далеко не все они были преступниками или хотя бы умышленно совершили недозволенное. Некоторые по воле случая оказались в беде. Вышел из окружения, бежал из плена и не доказал того, что не умышленно попал в лапы врага — отмывай свой позор в штрафной роте, искупай кровью.

Один из солдат во время встречи с Насруллаевым горько заплакал.

— Что случилось, боец?— подошел к нему комполка.

— Опять меня даже не ранило. Сколько наших полегло сейчас, а я, как заколдованный.

— Молодец! Значит, хорошо воюешь.

— ...Не меньше чем в сотне боев я участвовал и хоть бы царапину получить!

— Значит, сто раз молодец, грамотно действуешь. Очень хорошо! Большое счастье для солдата, храбро воюя, остаться целым и невредимым.

— Не для меня, штрафника, такое счастье! Вот если ранят, то снимут с меня судимость... Воюют парни, у каждого звание есть — солдат, матрос, морской пехотинец. Оно как имя, честное, почетное. И я хочу с честным именем жить. Под пули лезу — они мимо... Пошлите меня на какое угодно задание. Пусть погибну, но с честным именем.

Насруллаев, взволнованный откровенным признанием, вызвал командира штрафной роты.

— Как служит этот парень?— указал на солдата, огорченного тем, что его не метят пули и осколки.

— Отличный босц... Будь моя воля, направил бы его в разведзвод.

— Зачем дело встало?

— Необходимо снять судимость.

— Дайте мне на него объективную характеристику. Опишите его подвиги, если таковые были. Обращусь с ходатайством о снятии судимости.

Уже там, на Малой Земле бывший штрафник стал солдатом во взводе разведки. Доверие командира полка словно окрылило его. Воевал он отважно. Жаль, злой осколок уже после снятия судимости тяжело ранил солдата.

Веду речь о полковнике Насруллаеве, а сам будто наяву вижу своих командиров, офицеров, о которых шла добрая слава, и смею утверждать: их роднила не только армейская или флотская форма одежды. Они повторялись один в другом особой добропорядочностью, верностью воинскому долгу, традициям войскового товарищества. Эти лучшие качества старших товарищей перенимали, наследовали младшие. Не родясь командирами, они становились ими.

Не знаю, кто для старшего лейтенанта Е. Ларикова был примером в службе. Но то, что к Дню Победы на груди у него пониже Золотой Звезды Героя Советского Союза располагались ордена Ленина, два ордена Боевого Красного Знамени и множество медалей, свидетельствовало о незаурядном поведении офицера на полях сражений и личном мужестве. На Малой Земле его знали многие. Он пробыл здесь 206 суток из 255. Остальное время провел в госпитале. Причем, из четырех ранений только с одним вынужден был лечь. Остальные лечил на ходу, не оставляя передовой и дорогих своих побратимов — солдат роты, отчаянно сражавшейся и несшей потери от немилосердных бомбежек, обстрелов, атак. Особенно тяжелой была бомбежка та, в апреле, которая врезалась в память всем защитникам плацдарма на Мысхако. Но едва очистился горизонт от воздушных пиратов, старший лейтенант первым взялся углублять свой наблюдательный пункт. Принялись за расчистку траншей бойцы. Готовили ниши для гранат, запасные пулеметные гнезда. Приводили в порядок малозаметные препятствия перед траншеями. Артналет заставил воинов прервать эти хлопоты.

Еще дымились воронки от бомб и снарядов, как впереди показались танки. Вплотную за ними шли пехотинцы. Лариков окинул взглядом солдат, прижавшихся к брустверам, и сжалось его сердце: многих не доставало в строю. Выдержит ли поредевшая рота очередную атаку? Что там у артиллеристов? Почему командир батареи 76-миллиметровых пушек старший лейтенант Кульчицкий молчит? Некому и нечем вести огонь? Значит, вся надежда на стрелков ПТР. Вот они прильнули к противотанковым ружьям, ждут, когда танки подойдут поближе.

Танки палят не в белый свет. В роте растет число раненых. Их перевязывают санинструктор, товарищи. Белея повязками, они ведут огонь по пехоте.

Грохот орудий слился с общим гулом. Кульчицкий не подвел. Замер на месте танк, постепенно окутываясь дымом. Еще один танк не дополз до траншеи. Его подбил какой-то расчет ПТР. Враг вынужден был отступить. Лариков, сам раненый и наскоро перевязанный, подсчитал потери. Во взводах осталось по девять-десять человек. Впору слить их в один взвод. Но тогда сокращая ротный участок обороны, чего сделать нельзя.

Тут новая атака. Бойцы, израненные, обессиленные, отбивались от наседавшего врага. Их позиции уже утюжили танки, а они с гранатами в руках охотились за этими смертоносными крепостями. В траншее ворвались гитлеровцы. Дошло до рукопашных схваток, исход которых решил командир, подорвавший гранатой один танк и спаливший другой, швырнув в него бутылку с горючей смесью. Вид поврежденных танков остудил пыл гитлеровцев. Они откатились прочь, оставив даже в траншее убитых и раненых.

В жаркие дни обороны Севастополя мое юношеское сердце покорила матрос Стефан Иосифович Ходосевич. Он был отважен в боях, смел в разведке. Обстоятельства разлучили нас. Меня, раненного, отправили в Геленджикский госпиталь. С. Ходосевича командировали на офицерские курсы. Малая Земля, этот в прямом смысле слова тесный мир, вновь свел нас — пулеметчика Водовозова и артиллериста Ходосевича.

Лейтенанта Ходосевича назначили командиром корректировочного поста. Стефан часами вел разведку вражеских батарей, скоплений пехоты, танков, других важных целей. Артиллерия наносила по ним чувствительные удары. Боевая работа Ходосевича протекала под бомбежками, обстрелами. Охотились за корректировщиками и снайперы.

Суровейшим испытанием для С. Ходосевича оказалось 19 апреля. С. Ходосевич занял наблюдательный пункт на линии боевого охранения. Рядом с лейтенантом был радист матрос Сергей Куликов. В одной из атак фашисты прорвались к корректировочному посту. Ударил по амбразуре наблюдательного пункта пулеметная очередь. В блиндаж ворвался гитлеровец, готовый выпустить очередь из автомата. Ходосевич мог упредить фашиста в открытии огня. Подвело оружие, очевидно, перекосило патрон. Немец бросил гранату. Она ударила о стенку блиндажа, отлетела к ногам радиста. Тот схватил ее, хотел выбросить из блиндажа и не успел. Раздался взрыв. В дыму Ходосевич разглядел матроса. Тот лежал в крови. У входа корчился в агонии гитлеровец.

Было отчего командиру корректировочного поста потерять голову. На НП находилась кодированная карта с обозначенными на ней позициями батарей, радиостанция, кодовая таблица для связи. Все это могло стать ценной добычей для противника. Гитлеровцы, услышав автоматную очередь, взрыв гранаты, открыли

по блиндажу огонь. Очереди хлестали по амбразуре и выходу из НП. Ходосевич выполз в траншею. Одну за другой бросил в немцев три гранаты, вернулся в блиндаж, забрал документы, радиостанцию, взвалил на спину радиста и пополз к своим. Матросы помогли ему вынести раненого из-под огня и отправить в медсанбат.

"Сам погибай — товарища выручай"... Лейтенант Ходосевич всегда свято исполнял эту воинскую заповедь, рискуя собственной жизнью. Так, например, было в сентябре 1943 года, когда проводилась Новороссийская десантная операция. С. Ходосевича тогда также назначили командиром корректировочного поста, приданного второму десантному отряду — 393-му Отдельному батальону морской пехоты. Шедший в первом броске сторожевой катер, на котором находился лейтенант Ходосевич, попал в воротах Новороссийского порта под залп шестиствольного немецкого миномета. Катер, сильно поврежденный, вернулся в Геленджик. Ходосевич, контуженный, что называется, собрал волю в кулак и на следующую ночь снова отправился на задание. На подходе к берегу катера попал под огонь, крупнокалиберного пулемета. Командир катера намерен был вернуться в Геленджик. Ходосевич настоял на том, чтоб катер шел к берегу. Там он высадился с матросом, почти сутки пробивался через занятые врагом кварталы. Наконец вышел к зданию клуба, где в окружении сражалась горстка наших десантников под командованием капитан-лейтенанта В. Бобылева. Только умелая корректировка огнем наших батарей могла облегчить участь зажатых в кольцо морских пехотинцев. Ходосевич с блеском выполнил свою миссию, а также в очередной раз подтвердил верность принципам войскового товарищества.

Артиллеристы-корректировщики были зачастую нашими побратимами. Действуя в босвых порядках наступавшей пехоты, они обеспечивали ее продвижение. Огневые точки, которые оказывались вне предела досягаемости стрелкового оружия, в том числе пулеметов, подавлялись артиллерией, так сказать, с подачи корректировщика. Многих из них, наиболее опытных, отчаянных, знали в дивизиях, корпусах, армиях. Афанасий Петрович Шилин, думаю, прославился на всю страну. О нем писали в газетах уже после того, как он отличился при форсировании Днепра. Ему, лейтенанту, командиру взвода управления батареи, пришлось трижды под губительным огнем противника преодолевать водную преграду. Выбрав на плацдарме наблюдательный пункт, он несколько часов корректировал огонь нашей артиллерии.

Тринадцать атак отбили за день десантники. Тринадцать. В стрелковом батальоне погибли все командиры, осталась горстка израненных бойцов. Гитлеровцы приблизились к НП Шилина. Лейтенант решил на последнее, что было в его власти: вызвал огонь дивизиона на себя. Десятки снарядов разметали скопище неприятеля. Контуженного, раненого лейтенанта солдаты вынесли с поля боя.

В другом бою, опять-таки после преодоления водной преграды Афанасий Шилин вновь отличился. Правда, в этот раз ему пришлось сменить профессию. Не выдержав ошеломляющего удара наших войск южнее Запорожья, гитлеровцы отступили, оставив на поле сражения много босвой техники. Бросили даже батарею 105-миллиметровых гаубиц. Только замки от орудий вынули. Однако растерянность противника продолжалась недолго. Перегруппировав силы, подтянув резервы, немцы организовали контратаку, которая могла окончиться для нашей пехоты весьма плачевно. Только артиллерийский огонь мог сдержать натиск. А его не было. Наши батареи были на марше.

Лейтенант Шилин в отчаянии метался от гаубицы к гаубице, торопил солдат:

— Ищите орудийные замки! Немцы не могли их унести далеко.

"Пропажу", в самом деле, удалось найти. Убегая, немцы бросили орудийные замки в кустарнике. А. Шилин приободрился. Но... опять разочарование: клин без стреляющего и выбрасывающего механизма. Огонь вести нельзя.

Лишь на минуту призадумался офицер. Какое-то счастливое озарение помогло найти выход. Шилин поставил клин на орудие, снял кое-какие части замка с других орудий. Клин стал закрывать и открывать ствол. Затем лейтенант взял шомпол от винтовки, вставил его в отверстие для бойка, окликнул автоматчиков, отражавших атаку, общими усилиями развернули гаубицу в сторону врага. Офицер ударил молотком по шомполу. Громыкнуло орудие.

Теперь дело пошло на лад. Поскольку на гаубицах прицелов не было, Шилин наводил орудие по стволу. Чтобы шомпол не отлетал и не надо было его отыскивать, позади орудия лейтенант поставил деревянный щит. Снаряд за снарядом ложился в цепи наступавших. Почти полсотни выстрелов произвел артиллерист: Шилин, "брошенный" на плацдарм для корректировки огня своей артиллерии. В критической ситуации он умело использовал оружие противника.

Война — это кровь, жертвы, неисчислимые беды. Однако и в скорбной веренице утрат командиры занимают особое место. Гибель командира вызывает отчаяние, грозящее подчас ослабить боеспособность подразделения. Горестная волна охватила было и воинов нашего полка, узнавших о том, что командир майор Ф. Титов убит. Озноб пронял многих при виде того, как шедшая на малой скорости танкетка увозила в тыл тело командира. Его бережно поддерживали лейтенант и солдаты. Они не обращали внимания на обстрел, на рвавшиеся мины. Забыли об опасности и многие из нас. Солдаты стояли растерянные, ошеломленные невосполнимой утратой. Спасибо начальнику штаба, человеку волевому, властному, посчитавшему своим долгом поднять настроение бойцов, общую печаль трансформировать в ненависть к врагу. Зычным голосом он призвал воинов сражаться еще отважнее, отомстить неприятелю за командира. Сгусток энергии одного словно наэлектризовал других,

мобилизовал их волю, силу духа. Мощный дух, утверждал легендарный Гиппократ, спасает расслабленное тело. Храбро громили врага воины полка в тот день...

Война уничтожала тысячи юных, не познавших прелестей жизни, истребляла таланты. Она же, как бы вопреки своей необузданной порочности, наделяла страну героями. Людьми, которые в мгновение суровейшего испытания поднимались выше собственных сил, вписывая свои имена в анналы истории. Возможно, именно щедрость сильной души сделала майора Василия Семеновича Жуйко любимцем солдат, подняла над опасностью, над свинцовой пургой, бившей в лицо наступавшим при освобождении Житомира. Жуйко со своим батальоном первым ворвался в город. Бойцы, потеряв командира, тяжело пережили трагедию. Чувство долга, любовь к командиру и сила воли начальника штаба батальона капитана Михаила Андриановича Петрова, взявшего на себя командование, не дали им расслабиться.

Иным складывалось положение в батальоне капитана Федорова, погибшего в разгар выполнения боевой задачи, при форсировании водной преграды. Гибель комбата, а через несколько минут и его заместителя повлияли на морально-психологический настрой личного состава. Старший лейтенант Погибельный не сумел поднять его. Командир полка наблюдавший за происходящим, направил в "горячую точку" офицера оперативного отдела дивизии капитана А. Сухорукова. Он и спас положение, не дав иссякнуть наступательному порыву.

...Командирами не рождаются. Ими становятся. Становятся питомцы военных училищ, академий. В годы войны с фашизмом ими становились вчерашние педагоги, инженеры, колхозные председатели и бригадиры, в лучшем случае окончившие краткосрочные офицерские курсы, а то и самой войной обученные, наделенные боевым опытом. Многие из них постигли суровую науку побеждать и побеждали. Охваченные стремлением разгромить врага, уберечь от него Родину, они решительно брали на себя ответственность за исход схваток, за жизнь людей, и, оправдывая доверие, обретали авторитет. Как тут не вспомнить восточную мудрость: когда человек знает, к какой пристани держит путь, для него любой ветер будет попутным.

ДОРОГА НА ЗАПАД

Невзгоды войны не позабыть, не вытравить из сознания. Они часто дают знать о себе открывшимися ранами, физическими невзгодами, кошмарами в снах. Тревожат душу воспоминания о той февральской ночи сорок третьего. Помимо воли своей раз за разом прослеживаю путь от Геленджика до Мысхако, где уже сражались куниковцы. Те мили, километры и сама ночь казались бесконечными, истерзанными, иссеченными металлом, грохотом, воем, которые способны поглотить все живое, подобно тому, как морская пучина поглощала расстрелянные катера и многие жизни.

Потом и сама земля, вся в разрывах бомб, снарядов и мин, воспринималась как бурлящая стихия. Вздрыбленная, искромсанная, кровью, болью человеческой пропитанная, она тоже ассоциировалась в сознании с истерзанным суденышком, готовым исчезнуть в пучине клочущего океана войны. Нам, "пассажирам", надлежало сохранить его равновесие, биться за его плавучесть, привести к спасительному причалу. Только бы хватило выдержки, самообладания пережить роковые испытания!

Можно, конечно, утешить себя философским доводом: дескать, не одному нашему поколению выпало держать суровый экзамен истории. По свидетельству летописцев, Русь пережила сотни изнурительных штормов, надолго опустошавших землю. Не забыли мудрые предки наши присовокупить к ним 350 пережитых за последние десять веков "чисто русских" голодных лет и 80 общеевропейских. Голодные те годы — последствия войн, страшных засух, суровых зим, опустошительных бурь и разрушительных землетрясений.

В XIII веке от голода на Руси вымирали целые города. Такие, как Смоленск, например. Только Великий Новгород, имевший водный путь, держался на ввозимом хлебе.

Те давние войны, хоть и вписались в историю своим долголетием, не были столь кровопролитными и разрушительными, как война с фашизмом. Непосредственно боевых схваток в них было мало,

период битв и сражений занимал времени совсем немного. С 1644 по 1699 год, то есть 55 лет, длилась турецко-венесианская война. За этот период произошло десять сражений. Тридцатилетняя война, державшая в напряжении Европу в первой половине XVII века, насчитывала 86 битв.

Обратите внимание на роковую закономерность: чем ближе к нашему веку, тем короче становились войны и тем ожесточеннее и все чаще происходили кровопролитные побоища. В семилетней войне, которую вела Россия и ее союзники против Пруссии и ее союзников, прогремело 111 сражений. В войне Франции против России и Пруссии, продолжавшейся всего один год (1806—1807), 46 раз вступали войска в "схватки боевые". Всего шесть месяцев продолжалась Отечественная война 1812 года и 31 раз скрещивали оружие противники, оставляя на полях сражений куда более погибших, чем было потерь в столетней войне во Франции.

По злой иронии истории самые короткие войны уносили многократно больше жизней, калечили все больше людей, опустошали все большие пространства. Что оставит после себя огненное половодье войны с фашизмом, охватившее территорию, едва ли не превышающую по площади Европу, а бои в нем происходят ежедневно, бросая в полямь многие тысячи людей, армады техники, заполонившей землю и небо? Что оставит после себя этот смерч? И кроме всего прочего — какую злую память?!

Полки нашей дивизии участвовали в боях за освобождение Житомира, Бердичева, Белой Церкви, еще некоторых городов. В каждом — одна или несколько трагических достопримечательностей.

Белая Церковь. Бывшая здесь до войны строительная площадка превращена немцами в место расстрелов и казней.

Бердичев. Печально-позорные воспоминания навевала Лысая гора. Здесь также оккупанты вешали, убивали советских патриотов. Сюда сгоняли молодежь, подлежащую отправке на германские заводы.

Житомир. Площади Сенная и Богуния "прославлены" врагом теми же кровавыми делами.

Хмельник, ласковый городок километрах в шестидесяти от Винницы, оставлял жуткие воспоминания тем, что в примыкающем к окраине городка лесу гитлеровцы устроили массовую бойню. Ими здесь были расстреляны свыше восьми тысяч евреев.

Оглядываясь назад и вопреки желанию вижу столь же злополучные места в Крыму, на Кавказе. Следы варварства, изуверства, садизма — все, чем наделила война завоевателей всех времен, — воплотилось в поведении фашистов.

Керчь. Противотанковый ров, на протяжении километра заполненный трупами безвинно истребленных женщин, детей, стариков.

Симферополь. Такой же ров с захоронением тысяч жертв...

Вон перед нами деревня. Вряд ли хоть три-четыре дома уцелели в ней. Печные трубы застыли на студенном ветру. Селение на пригорке. Место в тактическом отношении весьма выгодное.

Поэтому гитлеровцы и превратили его в сильно укрепленный опорный пункт. Здесь плотная система огня, сосредоточено большое количество артиллерии. Из глубины вражеской обороны методично бьют минометы.

Наши разведчики стараются вовсю. Выявили пулеметные гнезда, минные поля, из-за которых не подобраться к позициям противника и к самой деревне. Наши роты уже понесли потери от этих пулеметов и богом проклятых полей. Тяжело ранен старший лейтенант Толстых, подорвавшийся на mine.

Атака не удалась. Ее приказано повторить на рассвете. Удастся ли она, если не найдены скрытые подходы к объекту атаки? Думается, и огневые точки разведаны не все. Особенно те, что замаскированы в глубине обороны.

Старшина Н. Бочаров, принявший командование ротой, ночью сам отправился на нейтральную полосу. Трое солдат сопровождали его. В подразделении — напряженное ожидание: вернется ли Бочаров целым и невредимым? Немцы время от времени освещали ракетами местность перед передним краем обороны, постреливали из пулеметов. Изредка кисею снегопада просвечивали язычки пламени из стволов автоматов.

— Нервничают немцы-то. Ишь палят в никуда.

Солдаты наблюдательны. Замечания их верны. Но что же старшина?

Вернулся часа через два. Не снимая белого маскировочного халата, собрал взводных. Усталый, жадно затягивается папиросой, но вылазкой своей удовлетворен. Разведал систему огня, установил расположение огневых точек противника, отыскал наиболее верный путь к переднему краю обороны. Небольшая ложина вела прямо к траншею. Она, по всей вероятности, заминирована, отметил Бочаров. Оказалось, он обнаружил тонкий провод, проложенный прямо по снегу. Решил, что неспроста его протянули гитлеровцы. Но для чего? Не соединяет ли он группу мин? В этом случае достаточно одному человеку задеть ногой проволоку, и "букетом" взрывов выведет из строя многих.

Старшина отправил солдата в траншею, приказав ему принести телефонный кабель. Осторожно подсоединив его к обнаруженному проводу и замаскировав, он указал солдату на полуразрушенный окоп.

— Сюда проберешься перед атакой. По моей команде дернешь за кабель.

О подобном решении следовало бы доложить начальству. Бочаров не был уверен в том, что разгадал коварную уловку противника. Поэтому докладывать не посмел.

"Время "Ч", время атаки. Уполз в леденящую предрассветную мглу солдат, назначенный для подрыва минного поля. Поеживаясь от холода, ждала рота сигнала атаки. Земля, отдыхая от вчерашней канонады и бомбежки, лишь слегка подрагивала от далеких взрывов. Наконец вот он, сигнал атаки. Трассирующие снаряды пронзили

предрасветную черноту неба, грохотом и пламенем вспороли горизонт. В ту же секунду страшной силы взрыв потряс землю. Клубы черного дыма сгустили полумрак близ переднего края вражеской обороны. Значит, верной оказалась догадка Бочарова. Минное поле перед фронтом наступления роты взорвано. Теперь и вражеский огонь не мог остановить боевого порыва атакующих. Противник смят в траншее, уничтожен автоматными и пулеметными очередями в глубине обороны. Спротивление, однако, не сломлено.

Ворвавшись в деревню, Бочаров увидел, как фашисты, выкатив пушку, готовы были ее огнем остановить советских бойцов. Старшина метнул гранату, уничтожил весь расчет. Автоматчики ворвались в штаб немецкой части, захватили пленных, документы. Теперь бы получить подкрепление, чтобы развить успех наступления! Но в полку какая-то заминка. Возможно, не уверены были там, что рота справилась с поставленной ей задачей. И доложить об этом Бочаров не мог: по его команде подразделение перешло к обороне и готовилось к отражению контратаки. Метрах в восьмистах от позиций роты гитлеровцы выкатили из укрытия два орудия. Вызвать бы огонь своей артиллерии! Так ведь нет ни радиостанции, ни телефонной линии. Бочаров вдруг спохватился. Окликнул рядового Холопова:

— За мной. К пушке!

Всем подбежали к орудью, расчет которого Бочаров уничтожил накануне. Уже под огнем гитлеровцев добрались до пушки, повернули ее и... старшина чуточку растерялся. Впервые увидел 75-миллиметровую противотанковую пушку. С устройством ее знаком не был. Обстановка же складывалась не в пользу роты. Противник нещадно дупил из всего имевшегося у него оружия и вот-вот мог броситься в атаку. Бочаров, бывший танкист, по прихоти фронтовой судьбы попавший в пехоту, искал секрет устройства вражеского орудия. Попытался открыть затвор и не мог. Наконец, удача! Найден инерционный предохранитель. Николай, нажал на него, затвор легко подался назад, экстрактор выбросил стреляную гильзу. Рядом ящики со снарядами. Те, что с тупым носом осколочные. Холопов подал один такой. Бочаров навел пушку, выстрелил. Холопов, возбужденный, точно наэлектризованный, обрадовал:

— Снаряд разорвался возле орудия!

Замолкла вражеская пушка. После трех выпущенных снарядов перестала вести огонь и вторая. Расчеты артиллеристов уничтожены. Перекрестный пулеметный огонь прижал роту к земле, не подняться, не сделать шага. Старшина навел орудие на чердак дома, откуда хлестали очереди. Выпустил три снаряда. Подавил цель. Стал бить по другим пулеметам. В стане противника суматоха. Ею воспользовалась рота, отвоевав еще часть населенного пункта.

Помощи все еще нет. После более чем двухчасового боя в роте не осталось боеприпасов. Солдаты пользовались трофейным оружи-

ем. Гитлеровцы получили подкрепление. Из соседней деревни подтянули резервы, взяли поредевшую роту в полукольцо. Старшина отдал приказ на отход. Решил сам прикрывать отступление взвода. Бочаров и трое оставшихся с ним солдат выкатили пушку на окраину деревни, запаслись снарядами и повели огонь. Цепи противника залегли, стали ползком подбираться к орудью. Снаряды продолжали рваться в их боевых порядках. Тогда по стихийно сформировавшемуся расчету открыли стрельбу минометчики. Спротивляться далее было нецелесообразно. Бочаров вытащил из затвора пушки ударник с бойком и боевую пружину. Солдаты непонимающе следили за своим командиром:

— На кой черт вам сдалось? Взорвать пушку и все!

— Авось пригодится.

С большим трудом, отстреливаясь из автоматов, старшина и солдаты пробилась к своим. На Бочарове горел рукав полушубка, тлела шапка.

— Мина... Чуть не накрыла,— пояснил он солдатам, гасившим огонь. Сам в душе страдал оттого, что по чьему-то недосмотру не был закреплен успех роты. Выгодный рубеж опять удерживал враг.

Ночью стрелковый батальон неожиданной атакой нанес удар по противнику, освободив деревню. В ходе атаки старшина отыскал пушку. Вставил ударник с бойком, боевую пружину и опять снаряды достигали цели. Удалось приспособить и те два орудия, расчеты которых Бочаров уничтожил утром. Старшина обучил солдат ведению огня из них и столь неожиданно сколоченная "батарея" по-настоящему выручила батальон, закрепившийся на выгодном рубеже.

За свой подвиг старшина Н. Бочаров был удостоен звания Героя Советского Союза.

Дорога на запад, к горизонту, за которым простирались границы страны нашей, была улита потом и кровью, вымощена подвигами солдат, командиров. Неисчислимы эти подвиги. Подчас их совершали люди — не богатыри с виду, застенчивые в обращении с товарищами, особенно старшими по званию. Но как преображались они, в минуты риска, чрезвычайных обстоятельств! Ничто иное, как любовь к Родине, глубоко осознанная ответственность за ее избавление от оккупантов становились боевым стержнем характера и поведения солдат, делали их стойкими, неустрашимыми, терпеливыми к невзгодам. Как полно вписывается в эту характеристику младший лейтенант Исрафил Мамедов, двадцатидвухлетний азербайджанец из небольшого села на правом берегу стремительной Куры! Судьба ломала, обкатывала Исрафила невзгодами, осиротив его, вынудив задолго до призыва на действительную службу идти работать: овдовевшая мать не могла прокормить семерых детей.

В 1939 году Исрафил стал красноармейцем. Окончил школу младших командиров. Немного времени покомандовал расчетом орудия, сделав его лучшим в подразделении. Мамедову доверили взвод. С ним молодой командир и отправился на войну 25 июня

1941 года, сообщив домой лаконично и без лирики: "Сегодня выезжаем на фронт. Беспощадно буду бить фашистских гадов". Он крепко держал слово. Уже второго июля в сводке Совинформбюро была названа его фамилия. Сообщалось и о подвиге. Подразделение, совершавшее марш, неожиданно атаковали немецкие танки. Подразделение вступило в бой. Мамедов связкой гранат подорвал одну машину, боец его взвода — вторую. Потеряв два танка, враг отступил.

Таким было начало фронтовой биографии застенчивого и скромного парня с берегов Куры. В описываемом ниже эпизоде Мамедов исполнял обязанности ротного. Подразделение занимало позиции на очень важном направлении. В ходе боевых действий получалось так, что гитлеровцы огнем и маневром своих сил отсекали роту от других подразделений. Местность и та вроде бы подыгрывала противнику: болотистая луговина в зарослях простреливалась из пулеметов и практически была непроходимой из-за топи. С учетом обстановки Мамедов и расположил взводы так, чтоб даже в условиях окружения рота могла вести бой самостоятельно.

Предусмотрительность младшего лейтенанта оказалась нелишней. Ночью два вражеских батальона обложили роту с трех сторон. Утром они пошли в наступление вполне уверенные в успехе. Еще бы! Десятикратное превосходство в живой силе, достаточное количество артиллерии, минометов. Одна за другой последовали атаки. Подчас казалось, в окопах некому было держать оружие. Но вражескую цепь встречал огонь. Пусть не очень интенсивный, зато меткий: воины, экономя патроны, вели прицельную стрельбу.

Все меньше бойцов оставалось в роте. Мамедов собрал в "кулак" всех способных держать оружие — раненых, контуженных. Посчитал: двадцать человек. Подбодрил их. Смотрите, мол, сколько нас. Каждый по десятку гитлеровцев уничтожит — фашисты не выдержат. Сам он сделал на прикладе самозарядной винтовки, которой вооружился в начале боя, тридцать вторую зарубку. У политрука роты Виктора Храмцова на прикладе винтовки вырезано двенадцать отметок.

Боеприпасы были на исходе. Гитлеровцы догадывались об этом и действовали все смелее. Рядовой П. Воронин отрешенно произнес, видя приближавшихся врагов:

— Ох, как много их!

Не отчаяние, а сожаление угадывалось в этом возгласе. Сожаление о том, что мало оставалось патронов.

Младший лейтенант приказал подпустить врага на предельно близкое расстояние. Сто метров до длинной серой цепи, громадной подковой охватившей опорный пункт роты. Семьдесят. Пятьдесят метров.

— Огонь! — прозвучало наконец в напряженной тишине.

Сухо затрещали одиночные выстрелы из автоматов. Изрешетила цепь пулеметная очередь. Гитлеровцы залегли, начали отползать. Некоторое время стояла тишина. Тревожная, словно перед грозой.

Мамедов знал: недолгим будет безмолвие и заранее прикидывал, что предпринять. Главное — уберечь бойцов. Встрепенулся, увидев две взлетевшие в небо ракеты. С легким шипеньем погасли они в снегу на флангах позиции.

— Всем в укрытие! Наблюдателю оставаться на месте!

Распорядился младший лейтенант, еще не зная, какое наказание уготовил враг. Через мгновение — свист снарядов. Застонала земля от разрывов. Целый час продолжалась адская пляска смерти. Но едва прекратился огонь, вылезли солдаты из окопов и землянки, защищенной бревнами в три наката. Опять встретили врага прицельным огнем. Будто спотыкаясь, падали гитлеровцы. Пулеметчик Карамнов выкашивал меткими очередями густо наступавшие цепи.

Немецкие наблюдатели засскли пулемет. Несколько мин легло близ "максима". Раненого Карамнова бойцы унесли в укрытие. Рядовой Павел Васильев заменил у пулемета своего друга. Ранило и его. Короткой была заминка. Рядовой Георгий Семин, сменив позицию, не дал врагу приблизиться к траншее. И опять лишь несколько минут "максим" исправно выстукивал победную мелодию. Осколком мины Семину отсекло пальцы, сжимавшие рукоятку пулемета.

Карамнов выполз из землянки и, преодолевая боль, вновь повел огонь из верного своего "станкача".

Гитлеровцы, маневрируя на поле боя, ухитрились зайти поредевшей роте в тыл. Они уже готовы были атаковать, когда сержант Степан Шиловский обнаружил опасность и гранатами пресек коварную попытку.

Поредел солдатский строй. Однако рота продолжала удерживать важный рубеж. Единственно о чем просил Мамедов, выйдя на связь с комбатом Зверевым, — так это боеприпасов. Командир полка, распорядившись доложить обстановку, также не услышал жалоб. Приказал:

— Держаться до прибытия подкрепления!

Немцы начали еще одну атаку, совсем не похожую на предыдущие. Огнеметные струи полоснули по траншее. Пламенем охватило деревья, запылало все, что способно гореть. Мамедов обежал окопы, окликнул бойцов, чтоб убедиться, не пострадал ли кто. Карамнову подал знак: уничтожай огнеметчиков. Перераспределил силы подразделения, укрепив участки обороны, оставшиеся беззащитными. Отбили еще одну атаку. Каким напряжением сил, воли, отваги это далось! Большинство солдат были ранены. Однако никто не покинул позиции. Автоматчики Дмитрий Гормашов и Петр Мозговой, оба беспомощные, теперь лежа заряжали винтовки. Подавали их Мамедову и солдату, находившемуся рядом с ним. Рядовой Юкин, тоже раненный, заряжал винтовки и подавал их Карамнову, пулемет которого стоял без лент.

Гитлеровцы теснили остатки роты. Мамедов окинул подчиненных взглядом. Девятеро способных сражаться! Младший лейтенант

принял отчаянное решение этой горсткой пробиться к группе пехотинцев младшего лейтенанта Смолина, также отчаянно отбивавшей натиск превосходящих сил.

Всего девятеро солдат! Противник, вероятно, ошеломленный дерзостью советских бойцов, откатился. И вовремя это сделал. На выучку роте подоспело подкрепление.

Какая-то внутренняя гармония роднит подвиги независимо от места и времени их свершения. Нечто связующее поднимает их над, в общем-то, исключительным поведением воинов и над событиями. В битве за Кавказ, в решающей ее фазе — освобождении Новороссийска, выпавшей на первые дни сентября сорок третьего, массовым был героизм. Неудержимый, подстать девятому валу в штормящем море, порыв бойцов сметал упорное сопротивление оборонявшихся. Даже не совсем удачная высадка подразделений нашей 255-й Краснознаменной бригады морской пехоты в районе мыса Любви не снизила этого порыва. Сложность состояла в том, что моряки вели бои разрозненными группами, зачастую не имевшими связи между собой. Но именно они южнее пристани сумели отбить яростные контратаки численно превосходившего врага. Такое впечатление, что подвиг командира первой группы первого десантного отряда капитан-лейтенанта Сипягина незримой нитью объединял десантников и группы. Многих восхитили отвага, лихость, с какими головной катер, под командованием Сипягина прорвал огненную завесу врага и начал высадку. Увлеченные примером командира, пробившись к берегу другие катера отряда. Они высаживали десант и огневой поддержкой давали возможность морским пехотинцам закрепиться на плацдарме, уничтожали опасные цели. Невзирая на опасность, упорно пробивались к городским кварталам сами моряки, еще не зная того, что в черте города и порта гитлеровцы построили свыше пятисот оборонительных сооружений, установили свыше тридцати тысяч мин и фугасов, оборудовали пять линий траншей, проволочные заграждения в семь рядов. На каждый километр фронта "втиснули" 60 пулеметов, двадцать минометов, двадцать пять орудий, 1300 вооруженных солдат. На угрожающее направление могли бросить танки, САУ. С высот по наступавшим били артиллерийские и минометные батареи. Они держали под прицелом подступы к городу.

Уже то, что солдат пробился к огненному рубежу и вступил в бой, стоило расценивать как подвиг. Но и в этой ситуации поведение некоторых выглядело яркой притягательной вспышкой отваги. Старшина 1-й статьи Ф. Рубахо, которого мы по Малой Земле знали как щедрого на хитрости снайпера, благодаря чему он переигрывал в поединках немецких соперников, теперь в несколько минут увеличил боевой счет. Уничтожил расчеты двух вражеских пулеметов, что позволило морякам продвинуться вперед. Сразил минометный расчет. При отражении контратаки, когда дело дошло до рукопашной, храбро и умело орудовал прикладом, ножом. Когда

Ф. Рубахо ранило, он попросил товарищей занести его на второй этаж и меткими выстрелами сразил нескольких врагов.

Враг понимал, какую опасность для него представлял десант с моря. Но никакой смерч огня не мог остановить воинов, одетых в гимнастерки и морские тельняшки. Уже два часа спустя после начала штурма группа морских пехотинцев под командованием начальника штаба 393-го отдельного батальона капитан-лейтенанта А. Райкунова полностью уничтожила подразделение гитлеровцев, оборонявшее вокзал, и старшина 2-й статьи В. Смержевский закрепил на здании красный флаг, что еще более подняло боевой дух воинов.

Фашисты также усилили натиск. До батальона пехоты при поддержке танков и артиллерии атаковали здание, в котором заняли оборону капитан-лейтенант В. Ботылев и 35 морских пехотинцев батальона, которыми он командовал. Двадцать восемь атак отразили они. Герои одержали верх над танками, артиллерией и пехотой противника.

Если подвиги словно озарены нетускнеющим от времени светом, то мрачным контрастом им были случаи малодушия, трусости, предательства. Память отторгала их как нечто омерзительное, оскорбляющее человеческое достоинство. Не случайна солдатская притча: от всего шинель укроет, лишь не от позора.

Скорее всего, не думали об этом выродки, изменившие воле присяге, предавшие Родину и вместо формы советского солдата надевшие черное обмундирование немецкого полицая.

Предательства народ не прощает. Так было всегда. И так, вероятно, будет вечно!

НАД ГРАНИЦЕЙ — ХМУРЫЕ ТУЧИ

Поэзия пространств, чарующая туристов, для нас, фронтовиков, была то вдохновляющей, то печально-трагической. Мы наслаждались обликом деревень и сел, чудом уберегшихся от разрушительного смерча войны. По каким-то неведомым правилам она обошла их стороной, лишь оторвав мужчин от земли. Мы горевали при виде разрушений, безжалостного уничтожения даже того, что вполне могло уцелеть, поскольку не представляло никакой угрозы для противоборствующих сторон, конкретно — для частей вермахта.

Меня потряс вид Мариуполя. О нем, довоенном, я был наслышан. Родственники рассказывали о Мариуполе восторженно: промышленный город, хорошее снабжение. Гордостью города являлась металлургическая промышленность с уникальным оборудованием, какого не было и на крупнейших оборонных предприятиях Урала. Здесь катали броневой лист для танков. В самом начале войны броневой стан пришлось демонтировать, эвакуировать в Магнитогорск. Там мариупольцы и магнитогорцы всего за пять-десять суток построили цех и наладили выпуск так необходимой продукции.

Город, освобожденный от врага, был весь в шрамах войны. Разрушенные заводские цехи. Груды щебня на улицах. Нарушено снабжение питьевой водой, электроэнергией. Велики потери в людях. От всего этого гневом полнились сердца воинов-освободителей.

Нам, рядовым участникам войны, неведомы были оперативные планы советского командования. Но то, что войска наступали, все решительнее громили врага, вселяло уверенность в скорую победу.

Думается, темпы наступления могли быть выше, не окажись зима 1944 года столь своенравной. Оттепель в конце января, дожди сделали непролазными грунтовые дороги. Вдобавок ко всему вышли из берегов реки. Все чаще давали о себе знать перебои со снабжением. Подвозить боеприпасы, горючее, продовольствие стало трудно. Менее активно начала действовать авиация, поскольку

Дальше немцы не прошли, 1943 г.

Концерт, организованный моряками 255-й бригады морской пехоты в освобожденной Молдавии, 1944 г.

Будет молоко для раненых, 1943 г.

Разведчики 14-го батальона 255-й бригады морской пехоты отражают атаку

Ограждение атаки артиллеристами 255-й бригады морской пехоты

Е. Д. Крупеня-Химичева,
военфельдшер, 1943 г.

Командир роты автоматчиков *В. Мамаев*, фотограф бригады *И. Кушнаренко*.

Мл. лейтенант *Бибо*, командир взвода, кавалер Георгиевских крестов,
Малая Земля, 1943 г.

Мемориальный комплекс в Долине смерти
на Малой Земле. Памятник "Взрыв"

А. И. Водовозов, военфельдшер
В. Авдошин (слева направо сидят);
старшина *В. Бойко*, старший
сержант *В. Дудко* (вверху).

А. И. Водовозов, ст. лейтенант С. Мазитов,
командир стрелковой роты, 1944 г.

Обмолот урожая, выращенного на Малой Земле

Первый караван хлеба на Малой Земле

Встреча ветеранов войны с пограничниками на местах боев, Новороссийск, 1978 г.

Встреча с воинами ТуркВО, полковник С. Насруллаев, А. И. Водовозов.

Ш. Р. Рашидов среди ветеранов войны в музее Дружбы народов, 1978 г.

Ташкентцы-малоземельцы 9 Мая 1982 г. Слева направо: А. И. Водобозов, С. Насруллаев, Б. П. Зайцев, М. И. Мурадов

А. И. Водовозов

М. Видов, комиссар 255-й бригады морской пехоты

полевые аэродромы раскисли, базироваться на них эскадрильи не могли.

Помнится пятое января сорок четвертого. Переходим в наступление. Выбравшись из траншей, попадаем в густой туман. Самолеты на приколе, не могут помочь наземным войскам. Надежда на артиллерию. Она бьет по площадям, вслепую. Корректировщики на НП из-за тумана не в состоянии давать целеуказаний.

Бои шли на территории Молдавии. От тех мест до таинственной границы рукой подать. Но это расстояние надо было пробивать огнем артиллерии, налетами авиации. И вот наконец матушка история, вписав золотую строку, оставила ее потомкам на память. В Центральном архиве Министерства обороны бывшего СССР сохранился удивительный документ, подписанный Маршалом Советского Союза И. С. Коневым, командовавшим войсками 2-го Украинского фронта, и генерал-лейтенантом танковых войск И. З. Сусайковым, бывшим членом Военного Совета фронта. Приведу его без сокращения (ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1020, л. 373—375).

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. СТАЛИНУ

(донесение Военного совета 2-го Украинского фронта)

26 марта 1944 г., 13.00

...Войска 2-го Украинского фронта, прорвав 5 марта 1944 г. западнее Звенигорода сильно укрепленную оборону противника и разгромив его уманско-христиновскую группировку, энергично развивали наступление, в ходе которого форсировали реку Южный Буг... и Днестр...

Продолжая развивать наступление, к ночи 25 марта 1944 г. частью сил войска фронта вышли к государственной границе на реке Прут на фронте: Куконешты Старые, Думяны, Демидены, Горешты, Таксабяны и разведкой перешли реку Прут у Куконешты Старые.

Таким образом, войска 2-го Украинского фронта в труднейших условиях полной распутицы и бездорожья за 21 день на главном направлении с упорными боями прошли свыше 320 километров...

КОНЕВ

СУСАЙКОВ.

Армейская газета "На штурм" осветила это событие в корреспонденции "Исторический день":

"Сегодняшний день — это знаменательная дата в истории нашей Родины. Советские люди с нетерпением ждали этого дня.

Войска 2-го Украинского фронта вышли на государственную границу СССР! Эта весть всколыхнет всю страну, она даст новые

силы труженикам тыла, самоотверженно помогающим героической Красной Армии, она ободрит и подымет на новые подвиги воинов-фронтовиков, неустанно уничтожающих и изгоняющих с нашей земли разбойничьи банды немецко-фашистских захватчиков.

Великую победу одержали наши герои-воины. Родная Москва салютовала вчера войскам 2-го Украинского фронта... Мы ответим на это новыми боевыми успехами.

Победа близка. Сегодня мы вышли на нашу государственную границу на фронте протяжением в 85 километров — завтра мир будет свидетелем наших новых сокрушительных ударов по врагу. И ничто не удержит наших воинов, вышедших на Прут, как ничто не удержало их в дни боев на Днестре, на Южном Буге, на Днестре!

Восторг и радость близкой победы отныне еще сильнее зовут нас вперед. Мы уходили отсюда в 1941 году. Мы клялись тогда, что вернемся. И вот — мы вернулись! Здравствуй, граница! Мы клялись, что разгромим, сметем с земли врага. И недалек день, когда мы с гордостью скажем: здравствуй, победа!

Исторический сегодняшний день — предвестник победы. Вперед, герои Днестра!" (ЦАМО, ф. 332, оп. 4988, д. 5, л. 74).

26-го марта войска 2-го Украинского фронта, словив вражеское сопротивление, освободили румынские города Дорохой и Ботошаны.

Не только советские люди, весь мир с захватывающим интересом следил за развитием событий. Возможно, кое-кто готов был расценивать стремительное продвижение советских войск как намерение прибрать к рукам территорию сателлитов Германии. Советское правительство в заявлении от 2 апреля 1944 года развеяло все сомнения и подозрения. Наша страна открыто заявила, что не преследует цели захвата румынской территории. Сыграло разъяснительную роль и воззвание, с которым командование фронта обратилось к народу Румынии. Вот этот документ.

ВОЗЗВАНИЕ

к населению Румынии, освобожденному Красной Армией от немецко-фашистского гнета
РУМЫНЫ!

Войска Красной Армии, преследуя разбитого и бегущего в Румынию противника, вступили на вашу землю. Красная Армия выполняет приказ Верховного Главнокомандования — преследовать немецкие войска вплоть до их поражения и капитуляции. Гитлеровские захватчики пугают вас приходом Красной Армии в Румынию. Но вам нечего бояться.

Вступление советских войск на территорию Румынии вызвано исключительно военной необходимостью.

Красная Армия не ставит себе задачу присоединить к Советскому Союзу какую-либо часть румынской земли или изменить существующий в Румынии общественный строй.

Красная Армия имеет лишь одну цель — нанести окончательное поражение германским армиям и уничтожить господство гитлеров-

ской Германии в поработанных ею странах, в том числе и в нашей стране.

Не как завосвательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского гнета вошла в Румынию Красная Армия.

Советские военные власти не намерены ломать румынские порядки и вводить свои порядки в занятых ими районах.

Частная собственность граждан остается неприкосновенной и находится под охраной советских военных властей.

Все местные органы власти и гражданского самоуправления, существовавшие до прихода Красной Армии, сохраняются.

ГРАЖДАНЕ!

Командование Красной Армии призывает вас соблюдать спокойствие и порядок. Оставайтесь на своих местах и продолжайте свой мирный труд! Обеспечьте бесперебойную работу промышленных, торговых, коммунальных и других предприятий и учреждений!

Крестьяне и крестьянки! Спокойно выходите на полевые работы! Рабочие и ремесленники! Смело идите к своим станкам на заводы и в мастерские!

Торговцы и предприниматели! Безбоязненно продолжайте заниматься своим делом!

Чиновники! Обеспечивайте нормальную работу всех учреждений и органов управления!

Духовенство и верующие могут беспрепятственно исполнять свои религиозные обряды.

РУМЫНЫ!

Гитлеровская Германия войну проиграла. Положение немецко-фашистской армии безнадежно — она накануне разгрома. Всемерным содействием Красной Армии вы ускорите окончательный разгром немецко-фашистской армии и тем самым приблизите час прекращения войны на нашей земле.

Командующий советскими войсками
2-го Украинского фронта
Маршал Советского Союза
И. КОНЕВ

Член Военного совета
2-го Украинского фронта
генерал-лейтенант танковых войск
И. СУСАЙКОВ

14 апреля 1944 года.

(ЦАМО, ф. 240, оп. 2839, д. 39, л. 23)

Наша дивизия "задержалась" на Кицканском плацдарме на западном берегу Днестра, южнее города Тирасполя, где гитлеровцы

создали глубокую и прочную оборону. Сражаясь здесь, мы знали, что недалек тот час, когда и наше соединение перейдет государственную границу. Как встретит нас, воинов-освободителей, сопредельное государство, войска которого вкупе с фашистской Германией творили омерзительные преступления на земле советской?

Политработники настраивали солдат на то, что сопротивление немецких и румынских дивизий будет отчаянным. Для рейха потеря союзника с богатými запасами нефти и прочими ресурсами — крах. Для клики Антонеску поражение на фронте — гибель. Не зря же этот Антонеску пообещал гитлеровской ставке драться до последнего солдата и намеревался организовать оборону на рубеже Фокшаны — Нэмолоаса — Галац, мобилизовав "все силы нации на продолжение войны".

Нам, вроде бы, рано мечтать о переходе границы, задумываться о том, солоно или сладко там будет. Бои по освобождению Молдавии приняли затяжной характер. Крупная группировка гитлеровских войск окружена в районе Ясс и Кишинева. Ликвидировать ее удалось лишь к концу августа. Но еще с весны беспокоила неясная ситуация с другим сопредельным государством, Болгарией. События назревали стремительно. 17-го апреля советское правительство направило правительству Болгарии ноту по поводу использования Германией болгарской территории, морских портов в войне против СССР.

Серьезное предупреждение не образумило правителей. Сутки спустя последовала еще одна нота. Правительство Болгарии, перепуганное этими предупреждениями и усиливающимся движением народных масс, подало в отставку. Подать подало, однако не порвало отношений с фашистской Германией.

Таким образом, над границами тучи "ходили хмуро", вынуждая наше Верховное Главнокомандование принимать наиболее целесообразные меры по разгрому противника.

Полки 129-й гвардейской дивизии выдвинулись в район приграничного поселка Скуляны. Солдаты настороже. С любопытством всматриваются в завуалированную голубоватой дымкой румынскую землю. Сжимается сердце при мысли, что если и остались в частях ветераны, то, единицы. Ведь 320-й гвардейский полк отсюда начинал свой боевой путь 22 июня 1941 года. Капитан А. Сухо руков, в ту пору лейтенант, сделал здесь первый выстрел по врагу. Вот он, этот офицер, столько успевший испытать невзгод. Не скрывая волнения, смотрит на противоположный берег реки, откуда катилось нашествие.

Знает эти места и капитан медицинской службы А. П. Ищенко, о которой уже рассказывалось в предыдущих главах. Ее воспоминания о Скулянах и румынском берегу трагичны. Помимо своей воли она ворошит события тех июньских дней сорок первого. Собственными глазами она, в ту пору молодой военврач, видела, как бойцы, обязавшись гранатами, бросались под вражеские танки. Они мысли не допускали, чтоб враг топтал родную землю.

Полковая санчасть стояла тогда в лесу. Раненые поступали непрерывно. Большинство — изувеченные. Легко раненные поле битвы не оставляли. Раненые лежали на траве, на голой земле. Медики, не разгибаясь часами, бинтовали, делали уколы, накладывали шины. Лес село осколками. Они подсекали и медиков. А работы не убывало...

Бойцы ждали подкреплений, ждали приказа на переход от обороны в наступление. Неделю удерживали рубеж. Они дождались приказа. Он их поколебал, вверг в отчаяние сильнее, чем вражеский огонь: отступить! Отступали "с целью выравнивания линии фронта", "с целью сосредоточения войск". С боями, но до обидного надолго затянулось тогда отступление. Помимо войск тысячи беженцев двигались на восток.

Те из жителей, кто оставался, не имея возможности эвакуироваться, бежать, по-разному относились к отступлению и отступавшим. Одни обреченно воспринимали происходящее, полагаясь на судьбу да на волю божью. Другие рыдали, бились в истерике. Третьи гневно стыдили бойцов, словно именно эти доведенные до изнеможения красноармейцы, совершившие подвиги, повинны были в роковых событиях.

Некоторые из воинов находили в себе силы утешить многообещающим: "Мы вернемся!"

И вот вернулись! Освободили землю советскую, готовы добивать фашистские орды на территории соседнего государства и досаждают на задержки, на утомительные, до седьмого пота, занятия. Офицеры оперативного отдела дивизии придирчиво проверяли готовность частей к боевым действиям в горно-лесистой местности, проводили сборы с сержантами, отдельно — с командирами взводов и рот. Молодое пополнение недоумевало. В тылу, дескать, гоняли нас, заставляли наступать, обороняться, рыть, маскировать окопы. Здесь, на передовой, — то же самое. Ветераны остужали пыл "бунтарей". Кашу, мол, маслом не испортишь.

— Какая каша, какое масло?! На арбе едучи, зайца не поймашь! — горячился автоматчик рядовой Б. Юнусов.

Понятно было нетерпение Бахрома. Старший брат его давно бил фашистов. Возможно, и в эти летние дни строчил из пулемета. Из лаконичных газетных сообщений и от командиров мы знали, что с середины июля северо-западнее уже гремела артиллерийская канонада. На Рава-Русском и Львовском направлениях шла ожесточенная битва войск Первого Украинского фронта за полное освобождение Украины. 18-го июля пехотинцы, прорвав оборону гитлеровцев, открыли "ворота" танкистам. Выйдя на оперативный простор, 129-я гвардейская дивизия, форсировала Днестр. За ним виднелись Карпаты. Полк гвардии майора Н. Д. Алексенко первым на всем фронте вышел на чехословацкую границу. Неужели и наш сосед по боям за Житомир остановится и так же, как мы, будет созерцать "заграницу", вынужденной паузой давая возможность гитлеровцам укреплять оборону?

Нет, взаимодействуя со 167-й стрелковой дивизией, гвардейцы начали штурм господствующих высот Русского перевала. Четыре дня дивизии вели наступательные бои за те ключевые высоты 1040 и 1098. Наконец овладели ими и самим перевалом и, форсировав реки Лаборец и Ондава, с ходу освободили города Михальовец и Гуменне.

Наконец и у нас произошли изменения в оперативно-тактической обстановке. Озлобленнее и коварнее стал действовать противник. В момент опустошительного огневого налета тяжело ранило командира минометной роты М. Ильина. Из только что прибывших командиров взводов один был убит, второй ранен. А команда "сверху" категоричная — усилить огонь. Лейтенант А. Барбелюк, единственный офицер в минолите, приняв на себя командование, пытался объяснить, что расчеты понесли потери, взводами командуют рядовые. Суровым голосом передан тот же приказ: "Усилить огонь!" Барбелюк понимал, что не из принципа столь властное. Значит, плохи дела на передовой. Сам он и двое бойцов торопливо откапывали присыпанный землей миномет. Тот, расчет которого накрыло крупнокалиберным снарядом. За этим занятием его застал капитан Г. Ткачук, присланный из штаба разобраться в причине плохих действий минометчиков. Увидев все своими глазами, капитан вынужден был согласиться: ситуация очень тяжелая.

— Останусь в роте, — решил офицер. — Помогу тебе. Только признаюсь откровенно. Я не артиллерист. Работать с прицелами и буссолью не могу. Беги к командиру батальона, выслушай, что он тебе наговорит и скорее назад.

Командиру батальона было не до упреков. Приказал коротко:

— Марш в третью роту. Немцы там замышляют серьезное. Разведчики обнаружили за насыпью танки. Корректируй огонь своих минометов и артиллерии.

Барбелюк — взял перископ, телефонный аппарат, гранаты, бутылки с горючей смесью и пару дисков к автомату, хоронясь за железнодорожной насыпью, прополз в воронку под шпалами. Тотчас обнаружил два танка в капонирах. Затем — тщательно замаскированные пулеметные гнезда, дзот. Не знал Алексей, что целых двое суток ему придется сидеть в наскоро выбранном НП и корректировать огонь.

Мины и снаряды уничтожили несколько важных целей. Но танки в капонире стояли, как заколдованные.

Утром передний край обороны гитлеровцев бомбили наши "Илы", ночью — летчицы легендарного Таманского авиаполка с испытанных У-2. И опять танки остались целыми. Перейди пехота в наступление, попадет под губительные очереди танка, защищенного капониром, этой земляной крепостью. При очередном заходе "Илов" на бомбежку, в момент, когда гитлеровцы отсиживались в укрытиях, Барбелюк быстро пролез через водосточную трубу на противоположную сторону железнодорожной насыпи, подбежал к танку, бросил в него бутылку с горючей смесью, он загорелся.

Лейтенант поспешил обратно к трубе. Тут-то его и подкараулила беда. Он зацепился за проволоку, пока освобождался от нее, пуля настигла его. Раненый в голову, Алексей переполз насыпь и там, на "своей" стороне, потерял сознание. Пехотинцы перевязали лейтенанта, советовали идти в санчасть. Барбелюк ползком добрался до своего НП и продолжал корректировать огонь батарей. Правда, по телефону для "бодрости" командир батальона отчитал корректировщика за самовольные действия, отчитал словами, каких нет в обычных словарях. Только предупрежденный о том, что немцы перешли в атаку, командир прервал гневную тираду. Оборвалась после артналета и линия связи. Ее исправил старшина второй статьи М. Коростов. У него не оставалось и секунд, чтоб соединить концы перебитого провода. Зажав их зубами, морской пехотинец сначала отстреливался, затем стал отбиваться гранатами.

Отстреливался, отбивался гранатами и лейтенант Барбелюк. Наконец подоспели бойцы. Выполнив до конца поставленную задачу, корректировщик вернулся в свою минороту.

После разгрома немецко-фашистских войск в Яско-Кишиневской операции линия фронта передвинулась к западу. Мы рассчитывали сразу попасть на территорию Румынии. Но дивизия вышла к Болгарии. За годы войны мне ни разу не довелось встретиться в бою лицом к лицу с болгаринцем. С румынами схватки были и на Кавказе, и в Крыму, и здесь, на молдавской земле. С болгарями наши пути не сходились. Знатки истории уверяли товарищей:

— Болгары в нас стрелять не станут. На Шипке, небось, до сих пор памятник русскому воинству стоит. Русские избавили болгар от турецкого ига.

Против исторических фактов доводов никаких. Но кто мог гарантировать, что внуки тех, кто боготворил русских солдат за бескорыстную помощь, не повернут оружия против нас, тоже внуков тех чудо-богатырей? Командиры и политработники настраивали нас на миролюбивое отношение к населению и склонны были предполагать, что жестокого сопротивления на болгарской территории мы не встретим. В ротах раздавали крохотные брошюры — "Памятки воинам Красной Армии в Болгарии", выпущенные Политуправлением фронта.

Но, как говорилось в старину, и с медведем дружись, а за ружье держись. К 7 сентября 1944 года подразделения и полки были готовы к выполнению боевых задач.

Погода стояла теплая. К полудню над возвышенностями плясало чуть заметное марево. Далеко в низине раскинулось село. Тихое, настороженное, с виду мирное. Такими были наши довоенные села. Пейзаж дополняла привычная деревенская деталь: пара волов медленно тянула воз соломы. От волов и брочки ползли сизые тени...

Неужели все это сгинет, сгорит в пламени войны? Пламени, переметнувшегося с земли советской на болгарскую. Возможно,

лишь внешне так безмятежно село, а сунься туда — оцетинится дулами орудий, пулеметов?

Ожидание приказа наступать утомило нас. В напряжении прошли бессонная ночь, ласковое утро восьмого сентября. Наконец вот оно, долгожданное наступление! Ровно в одиннадцать часов утра прозвучал сигнал, и двинулись войска. Но что это? Ни артиллерийской канонады, ни авиационной подготовки. Болгарские пограничники не расчехлили своего оружия, не сделали ни единого выстрела. Подразделения вошли в селение, казавшееся нам безлюдным. Оно вдруг ожило. Высыпали на улицы стар и млад. Возгласы: "Добре дошли, братушки!" многих из нас взволновали до слез. Кричим восторженно: "Ура!"

Из толпы вышел мужчина с пышной бородой. Направился к командиру батальона подполковнику Н. И. Краснову. Вручил ему каравай хлеба и соль. По-славянски трижды расцеловались советский командир и болгарский крестьянин. Отведав хлеба и соли, так и пошли оба в обнимку вдоль села. За ними вперемешку тянулись офицеры, солдаты, жители. Рядовые Калинин и Скворцов от избытка чувств запели популярную еще с довоенных лет "Катюшу". Оказалось, некоторые болгары тоже знали ее. Получился хор, не совсем стройный, но все-таки дружный.

Петь пели, но бдительности отдавали должное. Боковые походные заставы оберегали войска от нападения. Наш батальон охраняли бойцы взвода А. Барбелюка. Лейтенант, еще не оправившийся от раны, не покидал части. Сейчас, не видя, с какой сердечностью встречали болгары воинов-освободителей, он с автоматчиками продвигался по балкам и оврагам, готовый вступить в бой.

Колонны танков, автомашин, многочисленные обозы наполнили все окрест гулом, взвихрили пыль. Но осточертевших перестрелок не было.

Не встречая сопротивления, шел вперед 142-й батальон морской пехоты. Чуть в стороне от него — 322-й батальон подполковника Г. С. Бундюка. На всем пути до Варны нам не довелось вступить в бой. Не только пограничники, но и регулярные воинские части болгар не применяли оружие. Сцены братания наших офицеров и солдат с болгарскими стали привычными. Жители угощали нас фруктами, вином.

В беседах между собой мы, истосковавшиеся по миру, родным, порой рассуждали о солдатском счастье. В чем оно? Сходились во мнении: оно, дескать, в том, чтоб целым и невредимым вернуться к семье, насладиться тишиной, работать, растить детей. В Болгарии это понятие о счастье как бы раздвинуло рамки. Велика была радость осознавать себя освободителем людей, попавших в неволю фашизма.

К этой радости прибавилась и другая. Нас воодушевило резкое изменение в расстановке сил. Столько времени Советский Союз один на один воевал против гитлеровского вермахта. Уже открыт второй фронт. А теперь вот Болгария из сателлита фашистской

Германии стала ее противником. Формировались болгарские части и вступали в войну, освобождая свою родину от врага. Наша армия всем, чем могла, помогала болгарским формированиям.

Тридцать лет спустя после салюта Победы в журнале "Коммунист" (1975 г. № 7) были опубликованы некогда секретные документы об этой помощи. Из справки Управления оперативного тыла генштаба Красной Армии о стоимости имущества, отпущенного войскам Болгарии, следовало, что в этой общей сумме составляло свыше 222 миллионов рублей. Кроме артиллерийского, авиационного, инженерного, военно-топографического и прочего имущества, продовольствия и фуража из наших частей передавалась боевая техника и вооружение.

Вот конкретное свидетельство такой помощи, официальные документы:

О передаче боевой техники 1-й Болгарской армии
Из донесения командующего бронетанковыми и механизированными войсками Южной группы войск начальнику штаба управления тыла Южной группы войск

12 июля 1945 года

Бронетанковыми и механизированными войсками 3-го Украинского фронта... передано в 1945 году в безвозмездное пользование 1-й Болгарской армии 80 трофейных танков и самоходных установок, полностью исправных и укомплектованных инструментом, боеприпасами и ГСМ — 65 танков и самоходных установок на шасси Т-4 и Т-3 и 15 самоходных установок разных марок.

О передаче самолетов военно-воздушным силам Болгарии

Заместителю Начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-полковнику товарищу ШТЕМЕНКО

21 июля 1945 года

Докладываю:
Согласно постановлению ГОКО от 14.III.1945 г. ВВС Болгарской армии передано самолетов:

ЯК-9	— 120 шт.
Ил-2	— 120 шт.
Пе-2	— 96 шт.
Учебных самолетов	— 8 шт.
Всего	344 самолета

Для освоения указанной материальной части командование Болгарской армии обращалось с просьбой выделить в Болгарию 22 офицера ВВС Красной Армии в качестве инструкторов.

Штабом ВВС Красной Армии инструкторский состав подобран согласно прилагаемому списку.

Прошу Ваших указаний.

*Заместитель начальника Управления
Генерального штаба Красной Армии
генерал-майор МАКАРОВ*

Кое-где шли схватки с гитлеровскими войсками. Но мы впервые за всю войну шли без опаски. Не укрывались в воронках и щелях, не ползли, а шагали, сопровождаемые доброжелательными взглядами, улыбками. Слушала Болгария солдатские песни про "махорочку-махорку", про "Галю молодую", про Катюшу.

Десятого сентября еще одна радостная весть: приказ генерала С. С. Бирюзова, бывшего тогда командующим 37-й армией, о том, что в двадцать два часа девятого сентября в Болгарии прекращены военные действия. Власть в стране перешла в руки Отечественного фронта.

Событие, само по себе значительное для истории и страны, еще теснее сблизило советских воинов с болгарским народом. Несмотря на изощренную фашистскую пропаганду, народ этот не утратил симпатий к русским.

Мне в те памятные дни посчастливилось побывать в Плевне. Здесь было много памятников русским воинам, погибшим в борьбе против турок-завоевателей. Приятно поразило кладбище — заботливо ухоженные и оберегаемые захоронения русских воинов, в 1877—1878 годах отдавших жизнь за свободу болгарского народа.

Наш полк направлялся к перевалу. Горная цепь, вытянутая с севера на юг, манила к себе. Слева от дороги, отыскав уютные уголки между высот, вписались в сказочный ландшафт деревеньки и поселки. И здесь мы слышали ставшее привычным: "Добре дошли, братушки!"

Над колоннами время от времени проносились краснозвездные штурмовики скорее для того, чтоб поднять боевой дух бойцов. На марше нас догнала колонна резервов. Танки, автомашины, доверху нагруженные. Пехота взгромоздилась на броню и "на колеса". На перевале мы спешили. Роты приняли предбоевой, а затем боевой порядок. Но и на перевале нам повезло. Гитлеровцы бежали. Болгары не собирались восвать, когда уже и власть перешла к народу.

Вслед за разведкой мы вступили в Бальчин. Городок утопал в зелени и в отличие от наших украинских, белорусских и прочих не имел разрушений. Болгары бросались навстречу воинам-освободителям. И здесь впервые мы, научившиеся понимать болгарскую речь, услышали жалобы, увидели горькие слезы обиженных. Люди с гневом рассказывали о преступлениях фашистов — немецких и своих, о том, что вытворяли болгарские жандармы. Жителей

грабили, расстреливали, истязали, брали в заложники, требуя выдачи партизан.

— Накажите этих врагов. Отомстите за наши слезы! — умоляли болгары и болгарки.

Мы обещали. Однако на маршруте следования по-прежнему не встречали врагов. Наконец хоть в одном населенном пункте бойцам минометной батареи А. Барбелюка, назначенного в боковую походную заставу, удалось схватить группу фашистов и жандармов за их грязным занятием. Они убили нескольких жителей, взяли заложников, погрузили награбленное добро на три повозки. Увидев русских солдат, пытались скрыться в лесу. Уйти от погони им не удалось. Грабители и мародеры были переданы болгарским властям.

Неожиданное распоряжение "выбило" группу бойцов из потока войск, двигавшихся по болгарской земле. Командиру батальона майору П. Васину было приказано доставить по Дунаю из порта Констанцы боеприпасы и провиант для наступавших. По какой-то договоренности часть продуктов надлежало загрузить в пути, в нескольких населенных пунктах. Костяком немногочисленного васинского подразделения стал мой пулеметный взвод. В распоряжение отряда выделялась баржа.

Погода стояла теплая. Сентябрь разгорался пламенем осенних красок, был полон ароматов, исходивших от садов. Магически тянули к себе виноградники, селения, расположенные по берегам реки, овсянной легендами, опоэтизированной литераторами разных народов, воспетой на многих языках. Майор запретил причаливать в безопасных местах, остерегаясь разрозненных групп фашистов. Остатки гитлеровских войск, спасаясь от возмездия, устремлялись на запад, рассчитывая там сдать в плен.

До порта Констанцы добрались без приключений. В городе было много военных. Но жил он вполне нормально, словно отгородившись невидимой стеной от военных невзгод. Работали магазины, кино-театры, всюду шла бойкая торговля.

Пока оформлялись документы на получение того необходимого, чем обеспечили авангардные части отставшие тылы; пока шла погрузка, нам, нескольким офицерам и старшинам, майор Васин разрешил осмотреть достопримечательности города.

Старшина Виктор Станенко, знаток истории, рассказывал нам, что знал об этом важном румынском порте. И вдруг высказал нелепое, как нам показалось, предположение:

— Давайте зайдем в костел. Давно мечтал...

— Помолиться, что ли?!

Посмеялись над товарищем. Но, завидев шпиль с крестом, все-таки направились к нему. Еще на улице услышали мелодию органной музыки, как-то внутренне подобралась, посерьезнели. Покорили нас и доброжелательные приглашения верующих войти в храм, и архитектура величественного сооружения, и внутреннее убранство, и чистота, покой, изумительной красоты люстры...

Военфельдшер А. Авдошин стыдливо оглядел запыленные свои сапоги и начал разуваться. Какая-то женщина знаками предупредила его: проходите, мол, в обуви.

Очарование прекрасной музыки, удивительная гармония всего окружающего создавали атмосферу какого-то умиротворения. Мы не заметили, как пролетел час. Никто из нас, убежденных атеистов, не молился. Нас и не заставляли в костеле исполнять обряд. Однако верующие провожали весьма приветливо.

В обратный путь мы отправились на барже, достаточно загруженной ящиками, мешками. Поскольку с нами шел еще и банно-прачечный отряд, то на борту стало тесно, шумно. Майор Павел Васин вызвал в каюту меня и сержанта Калинина. Предупредил официальным тоном:

— За доставку груза отвечаете лично.

Трагический случай сдружил меня с Васиным. Еще недавно он командовал стрелковой ротой. В бою под Бендерами его тяжело ранило. Одна пуля, перебив ребро, повредив внутренние органы, прошла навылет. Вторая застряла в тазовой кости. Разгоряченный схваткой, уверенный в успехе атаки, Васин не хотел оставлять поля боя. Вопреки согласию, я отправил Павла в госпиталь. Поскольку в роте не осталось офицеров, вынужден был принять командование на себя.

По возвращении из госпиталя Павел Васин стал называть меня братишкой. Мы привязались друг к другу. Я узнал о его бедах. Он давал мне читать письма от матери, которая из Ростова-на-Дону эвакуировалась в Усть-Каменогорск. Жила она там с внучкой, четырехлетней дочерью Павла. О снохе, жене Павла, сообщала горестно: "Попали мы при эвакуации под бомбежку. Настю ранило осколком бомбы в грудь и горло. Санитары унесли ее. Где она и жива ли, не знаю".

Тяжелый камень носил в груди мой названный старший брат... Но в делах службы майор поблажек не делал никому, тем паче "братишке".

Мы с сержантом Калининым обошли всю баржу, внимательно осматривая груз. Там и сям в укромных местах притаились группки, а то и парочки наших бойцов и девушек из банно-прачечного отряда. Поздний вечер, густо моросивший дождь, порывы холодного ветра — ничто не мешало молодым сердцам тянуться друг к другу.

Баржа замедлила ход, стала приближаться к причалу. Здесь мы должны были получить партию овощей, картофеля. Ничто не предвещало опасности. Капитан баржи и майор Васин внимательно всматривались в полумрак, окутавший село. Оно, притихшее, мирно почивавшее, располагало к беспечности. Только-только судно наше пристало к берегу, как полыхнул он мириадами вспышек стрелкового оружия. Замелькали тени мчавшихся к нам врагов. Об отплытии нечего было и думать — не успеть.

По моей команде пулеметчики открыли огонь. Но гитлеровцев оказалось не менее батальона. Очевидно, вырвались из окружения и, тщательно продумав план захвата судна, осуществляли его.

Подняли крик женщины банно-прачечного отряда, обнаружившие на судне неприятельских солдат. Кое-где на палубе начались рукопашные схватки.

Наши "максимы" длинными очередями отсекали основную, довольно крупную группу гитлеровцев от авангарда, который с такой решительностью атаковал баржу. Убедившись, что палуба полностью очищена от врага, майор Васин повел группу автоматчиков наперехват противнику, поспешно отходившему к лесу. Я посылал вслед убегающим очередь за очередью, не видя в темноте, достигают ли они цели.

Убедившись в том, что преследование вряд ли окажется результативным, майор Васин вернулся на баржу.

— Ну, что тут?

— Убиты две девушки из банно-прачечного и матрос. Раненых семеро. Трое — по глупости, — доложил военфельдшер Авдошин.

— Как это понять?

— Матрос Сергей Полупанов хотел бросить гранату из положения лежа. Граната запуталась в поле шинели, взорвалась. Ранило рядового Скляра, самого Полупанова и санинструктора Катю в правое плечо.

Васин выругался:

— Беда с этими необученными и необстрелянными!

Медсестра Галя Скотнева и санитары перевязывали раненых. Матросы сняли с баржи нескольких убитых немцев, положили на берегу рядом с теми, которых скосили пулеметные очереди. Девятнадцать трупов.

Издали донеслись возбужденные голоса. Минуту спустя к Васину подбежал запыхавшийся матрос:

— Товарищ майор! Тут болгарский отряд. Пришли нас выручать.

Оказалось, мы уже причалили к болгарскому берегу, где нашла пристанище свора фашистских недобитков. Болгарский отряд двое суток преследовал его. Услышав пальбу, поспешил к нам на помощь.

Откуда-то появились местные жители. Староста или какой-то здешний руководитель заявил, что фрукты, овощи, картофель для советских солдат подготовлены к отправке. Гитлеровцы не успели их использовать, уничтожить. Болгарские парни и наши бойцы занялись погрузкой на баржу того, что было припасено. Староста предупредил: примерно в тридцати километрах отсюда приготовлены молочные продукты для раненых.

Теперь беспечности на борту как не бывало. Усилено наблюдение, повышена боеготовность. Не предупреди нас староста — болгарин о том, что впереди для бойцов припасены молочные продукты, мы бы шли на своей барже без остановок, чтоб скорее догнать далеко ушедшие вперед наступающие части. За несколько километров до села, где требовалось причалить, навстречу нашему

судну выплыли четыре лодки. В каждой несколько штатских. На берегу толпа. Тоже гражданские, по виду местные жители.

У нас на борту семьдесят матросов. Пулеметный взвод. Ситуация ничем не настораживала. Неожиданно санинструктор Светлана Галышева схватила меня за руку:

— Погляди, вон тот в лодке переложил автомат.

Я пригляделся: у одного "пассажира" лодки заметил выпирающую из-под рукава гранату:

— К бою!... Без суеты.

Не более трех десятков метров отделяли баржу от лодок. Хлесткие очереди "максимов" буквально смели всех сидевших в лодках. Досталось и тем, кто на берегу ждал, когда причалит баржа, надеясь захватить ее.

Поскольку Дунай еще не оправился после сражений и, кроме боевых кораблей, иные суда здесь пока не курсировали, наша баржа казалась гитлеровцам хорошей приманкой. Они рассчитывали захватить ее, если не в открытой схватке, то хитростью, а затем следовать на запад в большей для себя безопасности.

Спеша попасть в Констанцу, мы не делали остановок. Стычек с бродячим гитлеровским отребьем по счастливой случайности избежали. Зато обратный путь оказался полным тревог. И где? Далеко позади линии фронта. Наша дивизия находилась близ Бургаса. До него нам оставалось километров шестьдесят.

Капитан баржи советовал Васину идти без остановок: "К вечеру будем у своих". Васин совсем было согласился с ним. Но в предполагаемом месте на берегу мы увидели группу крестьян. Одни махали руками, другие головными уборами. Баржа причалила. Первыми спустились на берег пятеро автоматчиков и пулеметный расчет. Можно сказать, на всякий случай. Мера предосторожности оказалась более чем кстати. Из-за деревьев полоснули по нашему авангарду и по барже длинные очереди, прижали нас к земле. Немцы, оборванные, обросшие, осатанело ринулись к судну. С борта ударили мои пулеметчики. Правда, больше для острастки, поскольку остерегались сразить своих.

Васин бросил против оголтелой толпы врагов взвод автоматчиков. Пулеметчики А. Асадулин и З. Марко не справились с наседавшими довольно многочисленными группами. Пришлось вызвать с баржи еще один расчет и поставить его на левый фланг. Его огонь сразу охладил пыл атакующих. Но откуда-то из-за построек открыл стрельбу миномет. Матрос И. Семенихин и еще двое автоматчиков перебежками подобрались к домам. Гранатами уничтожили миномет и нескольких находившихся там гитлеровцев.

На берегу — печальное зрелище. Лежали скошенные вражеским огнем крестьяне. Из пятерых наших автоматчиков один убит, четверо раненых. Медсестра Света Комарова безутешно рыдала над погибшим матросом Самарцевым. Почти всем в батальоне был известен роман этих влюбленных. Да и они не скрывали своих планов:

— Закончится война — поженимся, — заявляли оба. Проклятый бой разрушил то, что вынашивали юные сердца... Там и сям валялись трупы гитлеровцев. Поднимаем на палубу раненых, убитых и в растерянности останавливаемся: здесь лежат сраженные пулями матросы Володя Мурашев, Сергей Климов и четыре девушки из банно-прачечного отряда. Пострадала и баржа. Пробоины в борту. Экипаж принялся заделывать их. Майор Васин приказал мне осмотреть ближайшие дома, встретиться с жителями, выяснить почему с десяток крестьян, вроде бы, вышли встречать баржу. Затем были расстреляны.

Заходим в ближайший дом. От увиденного бросило в озноб. Лежат на полу двое мальчишек, женщина, девочка лет пяти. Расстреляны.

Соседний сгорел. Среди головешек шесть опаленных тел. В доме напротив четверо убитых детей, две женщины, пожилой мужчина.

За сараем восемь трупов. Мужчины...

Нам не достало сил продолжать обход села. Кстати оказалась встреча с парнем. От него и узнали о трагедии. Остатки какой-то фашистской части ворвались в село. Обнаружили заготовленные для советских солдат продукты и принялись избивать, грабить жителей, расстреливали тех, кто осмеливался протестовать, возмущаться разбоем.

Что это — агония издыхающего зверя? В первые дни пребывания на болгарской земле мы не видели ничего подобного. Наступление советских войск будто сметало фашистскую нечисть, и она спешила заблаговременно уйти от возмездия. Оказалось, многие бежали к Дунаю, то ли рассчитывая здесь найти пристанище, то ли безопасный путь на Запад.

Младший лейтенант Семен Самохвалов, только что окончивший Забайкальское военное училище, еще не участвовал в боях. Майор Васин, полагая, что поездка за боеприпасами и провиантом окажется едва ли не прогулкой, взял в свою группу именно взвод Самохвалова. Сам младший лейтенант и некоторые из его подчиненных были необстрелянными. Зачем же их бросать в жестокие схватки на передовой? По воле какого-то злого рока наша "прогулка" оказалась перенасыщенной жестокими неожиданными случаями.

Парень-болгарин, поведавший нам о беде, обрушившейся на село, сам чудом избежал расстрела. Боясь один идти в свой дом, он попросил проводить его. Я предложил Самохвалову:

— Сходи со своими бойцами.

Самохвалов отправился. Парень спешил узнать что там, в его родном доме, и шагал торопливо впереди советского офицера и автоматчиков. И только распахнул калитку, как прозвучала автоматная очередь. Парень, не издав звука, упал. Автоматчики окружили дом. Началась перестрелка. Затем в окна полетели гранаты. На шум прибежало несколько матросов, медсестра Валентина Сафронова. Ранило одного матроса, затем еще одного.

Матрос Дмитрий Бахмачев догадался: бьют с чердака соседнего дома. Бросил туда гранату. Наконец со всеми вражескими солдатами было покончено. Мы возвратились к барже. У майора Васина свежая марлевая повязка на голове.

— Что случилось?

— Маленькая стычка. Группа с десяток человек навязала нам бой. Вот след от него. И пленный обер-лейтенант в придачу.

— На кой черт он вам нужен, этот пленный?! Только за то, что они натворили в селе, каждого надо послать в распыл.

— Мы не фашисты. Ты вот что, Анатолий, будь на вахте. Я отдохну. Голова трещит.

Баржа наша, преодолевая встречное течение, медленно ползла вдоль берега. Густели сумерки. В небе проклюнулись первые звезды. Как это походило на тот вечер, когда мы шли в Констанцу и как все отличалось! Тогда царили тишина, покой. Теперь покой исчез. Все заново переживали события минувшего дня. На палубе лежали раненые. В стороне от них — убитые. Парни и девушки, еще несколько часов назад наслаждавшиеся красотами природы, мечтавшие, любившие, жаждавшие мира на земле.

Отход баржи мог занять десяток-другой минут. Он затянулся... до утра. Среди спавших автоматчиков привлек внимание один. Интуиция ли сработала, глаза ли различили в темноте нечто особенное — не объяснить. Станным показался солдат, чуть ли не клубком свернувшийся под шинелью. Рука непроизвольно потянулась к шинели. Мокрая! Странно! В течение дня никто из наших в воде дунайской не плавал. Поделился закрывшимся подозрением с матросами, которые вместе со мной совершали обход. Борис Морозов насторожился:

— Вон там, на корме... Тоже, вроде, мокрый.

— Пойдем.

Действительно, шинель — хоть выжимай. Докладываю о необычных солдатах Васину. Он приказал взять подозреваемых так, чтоб не наделать шума.

— Пока мы воевали, могли проникнуть на баржу вплавь...

Четверо дюжих матросов и пикнуть не дали ни тому, ни другому, принявших водяную купель. Обыскали. Вооружены немецкими автоматами, парабеллумами, гранатами. Начали разбираться: кто? откуда, из какой части? Оба стали юлить, отвечали невпопад. Майор пригрозил: "Расстреляем и в Дунай сбросим". Сознались. Власовцы. Проникли на баржу в разгар боя. Обмундирование сняли с убитых еще до того, как попали на борт. Сколько вас? Кто главный? Долго не выдавали. Потом все-таки указали: Вильганов. Старшина 1-й статьи Вильганов, с виду морской волк с нашивками, свидетельствующими о ранениях?! Трудно поверить. Пленные власовцы возмутились:

— Никакой он не старшина первой статьи! Убил настоящего старшину и переоделся. Видели б его в немецком мундире с погонами обер-лейтенанта!

Этого еще нам не хватало!

— Давай, Водовозов. Бери эту сволочь. Волоките его сюда! Опять четверо дюжих моряков отправились на задание. Хотя б не догадался подлец, что разоблачен. Иначе без кровопролития не обойтись!

Ничего, обошлось без драки. Скрутили руки "старшине". К связанному поставили охрану. Васин, закончив допрос, как бы уdivился про себя:

— Немцы старались захватить баржу — понятно для чего. В Югославию хотели попасть! А вы-то, русские, с какой целью лезли? Да еще вплавь добирались?

Тот, которого мы задержали первым, ответил тоже удивленным: — Что тут непонятного?! Пообтерлись бы среди вас, повоевали б остаток времени в Красной Армии, да и — домой. С почетом! А солдат армии генерала Власова наверняка не с почетом встречать будете.

— Гляди, Водовозов, какие ловкачи! Часового-то зачем убили?

— Для того и убили. Один он только и видел, как мы на корму карабкались... Жрать страшно хотелось. Одна ваша красotka сухарями и консервами накормила...

Начали выяснять, кто из "красоток" проявил милосердие. Медсестра Валя Сафронова! Васин расспросил девушку: как все происходило? Почему не насторожила тебя просьба? Ведь ужином уже кормили всех — и бойцов отряда, и экипаж, и раненых... Валя плакала, раскаивалась в поступке, который поначалу не воспринимала как нечто серьезное. Узнав от власовцев, что и ее — потенциального свидетеля — они собирались убить, впала в истерику.

...С каким облегчением мы сошли со злополучной баржи на землю, прибыв в расположение дивизии! Команда бойцов занялась разгрузкой. Артвооруженцы, интенданты занялись доставкой того, что мы привезли, в полки и батальоны. А нас, причастных к "делу власовцев", еще не раз приглашали на беседы, опознания. Много времени спустя заместитель командира дивизии по кадрам майор Склиров поведал мне о том, что лишь случайность уберегла команду Васина и экипаж баржи от беды. Трое проникших на баржу власовцев уже предпринимали шаги к тому, чтоб задержать судно в пути, подобрав на берегу еще тринадцать своих дружков. В случае провала плана они готовы были взорвать баржу. Какое счастье для команды и нас, бойцов отряда, что этого не случилось!

Бои с разрозненными группами гитлеровцев на территории Румынии и Болгарии оказались своего рода репетицией в преддверии крупномасштабных операций на территории Югославии. Здесь наши войска вступали в сражения с регулярными частями, личный состав которых продолжал фанатически верить своему фюреру, геббельсовской пропаганде и дрался остервенело, по всем канонам военного искусства.

В результате переформирования ряда частей меня откомандировали служить в 571-й стрелковый полк 43-й стрелковой дивизии. Авангардные части соединения вели бои на подступах к городу Заегар, методично взламывая там прочную оборону. Наш полк, получая на ходу пополнение, вслед за наступавшими продвигался во втором эшелоне. Продвижение это было прерывистым, с задержками, поскольку приходилось вступать в схватки с недобитым фашистским отребьем, укрывавшимся в горно-лесистой местности и при удобном случае нападавшим на обозы и арьергарды наших войск.

Сутки спустя после вхождения на территорию Югославии мы ощутили перемену обстановки, требовавшей постоянной бдительности. Нашим ротам первый трудный и продолжительный по времени бой пришлось вести в семи километрах от Заегара. Командир батальона, видя, как сильно измотал бойцов марш, объявил привал. Обессиленные многокилометровым переходом, мы повалились на землю. Блаженно вдыхали теплый сентябрьский воздух, впитавший в себя запахи хвойного леса и полей. Тут-то и подкараулил нас противник. Пехота численностью до батальона атаковала расположившуюся у самой дороги стрелковую роту. Враг рассчитывал внезапной атакой достичь успеха, но встретил организованный отпор. Более того, комбат майор В. Бутко, предвидя отступление противника, бросил наперерез ему роту старшего лейтенанта В. Несмеянова, придав ей два пулеметных отделения моего взвода и взвод легких минометов.

Пока же основные события развивались у места нашего привала. Фашисты остервенело бросались в атаку. Связной от Несмеянова сообщил, что с гор спускается большая группа гитлеровцев. Комбат немедленно отправил в штаб полка донесение, а наперерез обнаруженной колонне противника выдвинул роту капитана Д. Каплина. Он исходил из правила: мелкие подразделения громить легче, нежели одно крупное. Остатки нашего батальона рассредоточились вдоль дороги, заняли оборону. Мне с частью пулеметного взвода и с двадцатью автоматчиками надлежало действовать на острие атаки противника, там, где он намеревался рассечь наш батальон и уничтожить его по частям. Пулеметы вели огонь, однако эффективность его вряд ли была высокой. Густой лес, плотный кустарник внизу позволяли наступавшим укрываться от пуль и продвигаться к переднему краю нашей обороны. Я приказал десяти автоматчикам выдвинуться навстречу атакующим. Солдаты отползли метров на пятьдесят, замаскировались и неожиданно ударили из автоматов по перебегавшим немцам, сорвав таким образом атаку.

Не предвидели такого маневра гитлеровцев воины роты старшего лейтенанта К. Муравлева. Вели наблюдение за полем боя, стреляли в гущину кустарника, и все-таки не уследили за противником. Используя складки и природные маски местности, фашистские автоматчики просочились в расположение роты. Здесь завязался

рукопашный бой. Командир батальона бросил сюда последний свой резерв, взвод автоматчиков.

В тяжелом положении оказалась и рота старшего лейтенанта В. Несмеянова. Ей пришлось вести бой не с одной, а двумя группами гитлеровцев. Каждая численно превосходила несмеяновскую роту. Комбат забрал у меня пятнадцать автоматчиков и послал ее на выручку попавшему в окружение подразделению.

Более трех часов длился бой. Закончился он успешно благодаря подкреплению, присланному командиром полка. Мы, уставшие, возбужденные происходящим, смотрели на кучку пленных немцев, грязных, обросших, истощенных. Злость постепенно утихла, запал ярости, какой бывает в бою, проходил. Зарождалось сочувствие к пленным. Медсестра Жанна Куликова на глазах у наших бойцов и немцев перевязывала рядового Полупанова. Широкоскулое лицо солдата, угловатое и строгое, что свидетельствует о силе воли, мужестве, сейчас было блее полотна. В рукопашной схватке его ударили гранатой по голове, вдобавок кто-то воткнул штык в бедро. Старший лейтенант Муравлев, склонившись над ним, благодарно повторял:

— Спасибо, тебе, Степан. Уберег ты меня от штыка! Поправляйся, дорогой. К ордену тебя представляю.

В рукопашной схватке Полупанов заколол штыком четверых гитлеровцев, успел бросить гранату в толпу подбежавших врагов. Потом, когда подоспевшие автоматчики вынудили противника отступить, Полупанов отказался оставить поле боя. Он потерял много крови, ослаб, и карие глаза его, казалось, равнодушно взирали на всех и все, что было вокруг.

Сержант пересчитал пленных. Доложил командиру батальона: "Взял под охрану двадцать семь пленных". Майор В. Бутко допрашивал пленного офицера. Тот сидел понурый, с обреченным видом. С готовностью отвечал на вопросы. Ничуть не рисуясь и не рассчитывая на сочувствие, рассказал о том, что, несмотря на стойкость солдат, дивизия трое суток назад оказалась разгромленной. Остатки частей пробивались в направлении Белграда. В районе города Чачена создан надежный узел сопротивления. Офицер вел туда своих вояк. Пробивались туда и остатки других частей, в чем мы последний раз убедились, уже готовые возобновить марш.

Рота капитана Д. Каплина обнаружила сосредоточившихся в лесу немцев и атаковала их. Многие в испуге стали разбегаться в разные стороны. Некоторых смели очереди. Но и наши солдаты, увлеченные успехом, словно забыли о боевом охранении, выставленном гитлеровцами. Беспечность оказалась трагичной. Пятеро убитых. Сам Каплин ранен. Санинструктор Наташа Дмитриенко, перевязывая капитана, заметила какое-то движение в кустарнике. Бросила туда гранату. Оттуда после взрыва послышался стон, затем прозвучала автоматная очередь. Вторично ранило Каплина. Наши бойцы обследовали кустарник. Там двое убитых и один раненый.

По-хорошему Каплина следовало бы отправить в медсанбат. Но где тот медсанбат? Ближе к передовой. А мы, смешно сказать, во втором эшелоне. Кто-то считает, в полнейшей безопасности. Однако на роту Каплина вдруг навалилась еще какая-то колонна гитлеровцев. Приняв боевой порядок, подразделение гитлеровцев зажало роту в тиски. Каплин отправил комбату донесение, указав в нем число погибших — 17 солдат, просил подкрепление.

Майор В. Бутко развернул с марша роту старшего лейтенанта Несмеянова и мой пулеметный взвод. Задача: любой ценой воспрепятствовать продвижению гитлеровцев в направлении Чачена. Минут сорок спустя мы вступили в бой. Я расставил пулеметы на опасных участках обороны. Одно отделение выдвинул на фланг, чтобы предотвратить проникновение противника с той стороны. Каплин предупредил меня:

— Командир взвода Бекташев убит. Прими взвод.

Во взводе потери значительные. Командир отделения Переверзев на чем свет костерит противника:

— Снайперов, сволочи, понасажали. Никак не можем обнаружить. Бекташева убил снайпер. Чуть-чуть приподнялся лейтенант и погиб.

Пришлось тщательно изучать местность. Невдалеке чуть виден громадный валун, поросший кустарником. Дал туда очередь из пулемета. Никакой реакции. Вызвал двух автоматчиков:

— Ну-ка, ребята, обследуйте тот валун.

Автоматчики поползли туда. Вскоре попали под обстрел. Да не какой-то хаотичный: били прицельно. Одному пуля попала в автомат, срикошетив, задела плечо. Второму солдату удалось подползти к валуну на бросок гранаты. Швырнул туда гранату рядовой Салан и, уверенный, что враг повержен, вскочил. Пуля тут же сразила его. Ясно: снайпер замаскировался на дереве. Я приказал пулеметчикам прострелять несколько деревьев с плотной кроной. После длинных очередей на землю упала винтовка с оптическим прицелом, вслед за ней — ее хозяин. Обрадованный удачей пулеметчик приподнялся над щитком "максима" и... пал ничком.

Я бросился к нему:

— Сергей... Солодухин!..

Солдат был мертв. Прошел путь от Сталинграда. И вот здесь, в лесу, в нескольких километрах от Загара, оборвалась его жизнь. В ярости я выпустил почти всю ленту, обстреляв поочередно несколько роскошных елей. Одна из множества пуль, вероятно, нашла цель. Упала на землю винтовка с оптическим прицелом. Снайпер оставался вне поля зрения.

— Не иначе на сучке каком-то повис, — уверял меня сержант Переверзев.

На всякий случай я послал туда еще одну очередь. Можно бы двинуться вперед, предпринять атаку. Однако атаквали нас немцы. Ко мне подползла медсестра:

— Что делать с ранеными?

Отправить их в тыл не было возможности.

— Возьмите двоих автоматчиков. Переправляйте раненых ближе к дороге. Там безопаснее. Рядом рота Несмеянова.

Ушла к раненым и Жанна Култкова, сама раненная в руку. В пути на раненых напали немцы. Автоматчик Виталий Березин отполз в сторону, отвлек внимание противника на себя, и когда немцы стали окружать его, он уничтожил троих гранатой. Затем вернулся к товарищам. По его команде все, кто в состоянии был держать оружие, заняли круговую оборону, начали отстреливаться. Сам Виталий опять сманеврировал. Скрываясь за деревьями, зашел в тыл к гитлеровцам. Сразил троих, одного захватил в плен.

Санинструкторы переживали за раненых. У двоих начиналась гангрена. Их могла спасти лишь срочная операция. Жанна уговаривала Наташу Дмитриенко:

— У этого рука на ниточке. Отрежь. И почерневшие ткани удали.

— Не могу, — наотрез отказывалась Наташа. — Медикаментов нет. Давайте скорее добираться.

Легкораненые, санинструкторы и один из автоматчиков волоком тащили терявших сознание товарищей. Рядом, опираясь на палку, шкандыбал пленный немец, как выяснилось, бывший десантник.

На одном из привалов Наташа, положив автомат возле себя, стала поправлять повязку на плече рядового Ж. Рахманова. Немец воспользовался беспечностью девушки, схватил оружие и дал очередь. Убил Рахманова, ранил Виталия Березина. Мог бы: наделал беды. К счастью, в диске уже не было патронов. Березин вырвал из рук фашиста автомат и со словами "зря я тебя пожалел" изо всей силы ударил его прикладом по голове.

Все произошло настолько неожиданно и быстро, что Наташа даже свою оплошность не успела осознать. Поправляя холодящее тело Рахманова, заплакала, забилась в истерику. Жанна резко потребовала прекратить истерику.

— Иди сюда! Скорее! — потребовала она. — Укол!..

Ничего этого не потребовалось. Оба раненых скончались от газовой гангрены. В одну минуту оборвалась жизнь троих солдат. Березин корчился от боли.

— Налей ему спирта, — подсказала ему Жанна. Наташа вылила в кружку остаток спирта. Виктор выпил, ему полегчало.

— Теперь и раны обрабатывать нечем, — горестно вздохнула Наташа, заталкивая фляжку в санитарную сумку.

— Возьми мою фляжку. Там еще есть немного спирта, — предложила Куликова.

О судьбе раненых мы узнали позже. А в те часы, когда происходили эти события, мы отражали атаку за атакой. Капитан Каплин, ставя мне боевую задачу, предупредил с самого начала:

— Соседом нашим слева какой-то партизанский отряд. Не уверен, что они нас не подведут. Поэтому гляди в оба. Левый фланг за тобой.

Как в воду глядел Каплин. Едва обозначился перевес в силах и гитлеровцы стали теснить нас, как слева от моего пулеметного отделения стрельба стихла. Закралось подозрение: партизаны ушли, даже не предупредив нас. Я перебрал на левый фланг еще два пулеметных расчета и весьма кстати. Воспользовавшись тем, что партизаны бежали, гитлеровцы предприняли атаку.

Пулеметчики подпустили противника поближе и по моей команде открыли огонь. Сам я до поры до времени стрелял из автомата. Неожиданно возле одного расчета взорвалась граната. Второй номер убит. У первого номера расчета перебита ключица, окровавлено лицо. Хорошо хоть пулемет цел. Как же мы недоглядели? Двое или трое гитлеровцев подползли совсем близко. В густом кустарнике не видны. Строчу из пулемета по этим зарослям, затем резко разворачиваю "максим", и длинная очередь частично скашивает цепь гитлеровцев, остальных вынуждает хорониться за деревьями.

В пулеметных расчетах есть раненые. Одним раны бинтуют товарищи. Другие занимаются этим сами. Времени на то, чтоб по-настоящему оказывать медпомощь, нет. Опять атака. Немцы рвутся к дороге. По лесу продвигаться не решаются, боятся партизан. Те неохотно вступают в затяжные кровопролитные бои. Зато мастерски устраивают засады, поскольку прекрасно знают местность и грамотно используют ее.

Пулеметы наши раскалились. Сейчас бы слить кипяток из кожуха и налить холодной воды. Ее нет даже в наших флягах. Огонь ведем с перерывами. Я приказал приготовить гранаты. Скоро они пошли в дело. Гитлеровцев много. Обезумевшей толпой ринулись на позиции оборонявшихся. Вновь звонкой дробью встретили их "максимы". В этот перестук вписались автоматные очереди двенадцати бойцов, которых нам в помощь прислал капитан Каплин.

Будто холодом меня обдало, когда сразу умолкли два пулемета моего взвода. Послал туда солдата узнать, в чем дело. Оказалось, в расчете младшего сержанта К. Бороды не осталось патронов и пулеметчики отбивались от противника гранатами. А второй расчет погиб.

С трудом отбиваем очередную атаку. Воспользовавшись затишьем, перебегаю от одного расчета к другому и невольно вспоминаю выражение "пиррова победа". История справедливо оценила "подвиг" эфирского царя Пирра, ценой огромных жертв одержавшего в третьем веке до нашей эры верх над римлянами. В моем "войске" после шести часов непрерывных боев осталось четверо пулеметчиков и столько же автоматчиков.

Понятна была сложность ситуации. Полк продвигался вслед за авангардными частями. Батальон майора Бутко оказался разорванным на части. Почти каждая рота самостоятельно решала боевую

задачу. Подразумевалось, что передовые части подчистую сметают живую силу врага. Так, пожалуй, это и было на открытой местности. А здесь, в Югославии, оказались свои особенности. В лесах скрывались довольно значительные силы противника, не совсем еще деморализованного, одурманенного фашистской пропагандой, склонного верить в миф о временных неудачах.

Командир батальона прислал в роту подкрепление. Мне "причиталось" из него поставить в строй шестерых довольно обстрелянных бойцов. Ближе к вечеру враг предпринял еще одну атаку, стремясь соединиться с основными силами своих войск все еще удерживающих Загар. Автоматчики подстать опытным пластунам, скрытно подползали совсем близко к переднему краю нашей обороны, бросали гранаты. Осколок впился в тело солдата, исполнявшего у меня обязанности второго номера. Санинструктор Люда Климова занялась им, а рядом со мной к пулемету лег один из автоматчиков.

Но вот еще одна опасность: на исходе боеприпасы. Сунься враг — отбиваться почти нечем. Опять готовим к бою гранаты. Скупными очередями отбиваемся от гитлеровцев. Глухо застонал солдат. Люда Климова отодвигает его в сторону и сама начинает вести огонь из автомата. Непонятно откуда через бруствер перепрыгивают пятеро фашистских солдат, автоматы ходуном ходят в их руках, изрыгая металл и пламя. Климова с ловкостью кошки отпрыгнула в сторону и меткой очередью рядового А. Саблина и словно напоролся на очередь из автомата рядового А. Саблина и упал. В мгновение ока и сам Анатолий оказался подкошенным пулями. Мне удалось уничтожить противника и завладеть его автоматом, рожками, набитыми патронами.

Опять поредели наши ряды. В живых-здоровых осталось семеро. Двоих я тут же отправил за боеприпасами. Люда Климова, отложив автомат, перевязывала раненых. Тем временем командир роты отправил связного к комбату.

Получив донесение, майор Бутко тотчас отправил к нам в помощь взвод лейтенанта Данилова. Во взводе насчитывалось десять человек. Но для роты Каплина и это была солидная поддержка. Тем более, что взвод подоспел в критический момент. Мои пулеметчики получили по две ленты, вели огонь экономными очередями. Но боеприпасов могло хватить совсем на короткое время.

Рядом с моим пулеметом разорвалась граната. Пришлось стволом автомата выправлять металл, освобождать ленту. Пока второй номер занялся этим, я отстреливался из автомата.

Как спасителей мы встретили лейтенанта Данилова, его взвод и военфельдшера К. Драчука. Военфельдшеру тотчас "подвернулась" работа: ранило санинструктора Климову. Драчук перевязал ее и стал оказывать первую медицинскую помощь другим бойцам. В это время меня позвали к капитану Каплину. Он встретил улыбкой.

— Все, Водовозов, уходим. Дорогу под охрану берут партизаны. Ротный указал пальцем на двоих бородатых мужчин вооруженных немецкими автоматами.

— Увидят немцев и разбегутся,— начал было я, имея в виду давешнее: ушли, оголив наш левый фланг.

— Про это я им уже сказал пару ласковых. Их отряд уже оседлал дорогу. Комбат приказал нам подтянуться к основным силам батальона. Там, вроде бы, без нас не могут обойтись.

В быстро сгушавшихся сумерках рота оставила свои позиции и двинулась по дороге в направлении Заегара. Военфельдшер Драчук занимался эвакуацией раненых. Лейтенант Данилов по распоряжению ротного организовал походное охранение. Мои пулеметчики изнемогали под тяжестью станков и стволов. Автоматчики помогали им нести оружие, боеприпасы. Глухо шумели на осеннем ветру сосны. Шуршала под ногами листва, опадавшая с кленов, еще с каких-то деревьев. Ласково мерцали звезды в чистом небе. Казалось, природа вела свой образ жизни и недоуменно взирала на безумие людей, истреблявших друг друга.

Комбат встретил нас приветливо и тотчас перешел на деловой тон.

— По данным разведки к городу прорывается какая-то немецкая часть. Задача батальона — воспрепятствовать ее продвижению. Еще лучше — разгромить, вынудить сложить оружие. В вашем распоряжении, товарищи командиры, не более двух-трех часов. Занять позиции, приготовиться к бою, накормить личный состав.

Только теперь я вспомнил: с утра ни у кого из нас крошки не было во рту.

Опять моему взводу надлежало действовать на левом фланге батальона. По моему указанию пулеметчики оборудовали позиции на возвышенных местах с таким расчетом, чтобы держать дорогу и местность под перекрестным огнем. Солдаты развязали вещмешки, вскрыли банки с тушенкой, захрустели сухарями. Еду запивали водой, взятой из ручья. А так хотелось чаю! И еще — сон словно припечатывал к земле солдат. Некоторых он сморил, помешав им утолить голод.

Командирам не до сна и отдыха. Вновь и вновь вглядываюсь в высоты, с обеих сторон сжавшие извилистую дорогу, мысленно оцениваю местность, стараюсь предугадать, как будет действовать противник, попав в засаду. Но, возможно, он окажется предусмотрительнее и примет меры, дабы избежать ловушки.

На рассвете разведчики приволокли "языков" — офицера и солдата. Оба оглушены прикладами, без сознания. Военфельдшер изрядно похлопотал, приводя их в чувство. Офицер отказался отвечать на вопросы. Его увели. Солдат, после заверений в том, что жизни его не угрожает опасность, не только охотно давал показания, но согласился помочь русским разоружить колонну немцев.

Мы ждали эту колонну, насчитывающую, по словам пленного, не менее пятисот человек. От батареи у немцев осталось всего ничего — две пушки, несколько минометов, повозки с боеприпасами.

Наконец, вот она, эта колонна. Впереди, как положено, разведдозор, пятеро солдат под командой офицера. Метрах в трехстах позади него — трое дозорных.

Разведка — глаза и уши войск. Комбат поставил задачу убрать разведдозор и дозорных. Лучше всего сделать это без шума. Восемь наших разведчиков, возглавляемых лейтенантом Даниловым, укрывшись в придорожном кустарнике, пропустили разведдозор и вмиг разделались с дозорными. Место для засады было выбрано удачно, на крутом изгибе дороги. Так что ни в колонне, ни разведдозор не заметили "подмены". Вместо дозорных теперь шли пленный немец и двое наших разведчиков из группы Данилова.

Не долго мешкая, лейтенант и его бойцы внезапно обрушились на разведдозор и тихо, без единого выстрела частично уничтожили его, двоих взяли в плен. От них узнали: через час колонна сделает привал. Люди страшно устали, голодны.

Комбат принял решение — атаковать немцев не на марше, а на привале. Старший лейтенант Несмеянов, лейтенант Данилов и младший лейтенант Гаустов расположили свои подразделения так, что немцы оказались в окружении. Во всех взводах были мои пулеметчики. По сигналу в гущу противника полетели гранаты. Очереди решетили толпу обезумевших людей. Те, кому удалось прорваться из окружения, попали под огонь резервного взвода автоматчиков. Более сотни гитлеровцев, бросая оружие, с поднятыми руками отходили в сторону, куда им указывал Несмеянов. По его приказанию пленный немец убедил соплеменников прекратить сопротивление и сдаться на милость советских солдат.

Можно подумать, нечто магическое управляло волей, разумом тысяч людей, одетых в форму немецкой армии. Разрозненные немецкие части, чудом избежав полного разгрома, из последних сил тянулись к Заегару и дальше — к Белграду. Неужели фашистские вояки еще надеялись выиграть войну?! Вряд ли. Просто тупо выполняли приказы. Но даже среди немецких офицеров были трезвомыслящие, совершенно утратившие интерес к происходящему. Иные безропотно бросали оружие, обреченно ждали своей участи.

Разведчики капитана Мазитова обнаружили большой обоз под усиленной охраной. До батальона немецких солдат сопровождали колонну машин и повозок, вытянувшуюся почти на километр. Можно было атаковать противника. Однако бой — неизбежные жертвы. Командир батальона, не отказываясь от схватки, медлил, вероятно, надеясь иным образом покончить с неприятелем. Опять-таки разведчики помогли ему принять решение. Они захватили в плен немецкого офицера, по нужде отошедшего вместе с тремя солдатами в кусты. Ни солдаты, вооруженные автоматами, ни сам

он не попытались оказать сопротивление. На допросе охотно отвечал майору Бутко. И во избежание жертв вызвался уговорить солдат сложить оружие.

Колонна как раз остановилась на малый привал. Мы окружили ее, готовые в любой миг открыть огонь. Офицер громко известил солдат о сложившейся ситуации и бессмысленности вступать в бой. Какой-то офицер озлобленно прикрикнул на "предателя", выстрелил в него из пистолета, но тут же рухнул, сраженный кем-то из немецких солдат. Так без кровопролития удалось решить "дело". В одиннадцати грузовиках оказались весьма ценные для нас трофеи — боеприпасы. В них мы очень нуждались, поскольку действовали в отрыве от основных сил полка, а потому получали все необходимое нерегулярно.

Так, следуя во втором эшелоне дивизии, полк с боями продвигался на запад. Не более двух километров оставалось до города Заегара, когда наш батальон примкнул к основным силам полка.

Скорее всего, назревали новые события, поскольку нам дали возможность отдохнуть. Батальон расположился в поселке, тихом и мирном с виду. Небольшая речушка отделяла его от горной гряды, поросшей лесом. На горизонте, в той стороне, где находился Заегар, плавилось небо. Время от времени малиновые отблески становились ярче, затмевая свет звезд. Потом они блекли, золотой пеленой падали в дымный полумрак. Игра красок притягательна. Она будоражит воображение, хотя в действительности зловеща, губительна. Я глядел на этот пылающий горизонт, а мыслями обращался к давно прочитанной поэме древнегреческого поэта Овидия "Метаморфозы", к мифу о веселом боге вина и виноделия Дионисе. С шумной толпой менад и сатиров бродил Дионис и не заметил, как отстал от свиты его захмелевший учитель Силен. Крестьяне связали Силену, привели его к царю Мидасу. Царь, узнав, кто перед ним, обошелся с ним ласково, затем сам отвел к Дионису. В благодарность бог виноделия позволил Мидасу выбрать себе любой дар. Тот выбрал: упросил Диониса сделать так, чтобы любой предмет, которого коснется Мидас, стал золотым.

Бог исполнил желание Мидаса. Тот, счастливый, возвратился в свой дворец. Все, чего он касался рукой, обращалось в золото. Вымыл руки перед обедом, с рук его стекали золотые капли. Коснулся пищи — она превратилась в золото. Тогда-то загоревал Мидас, поняв, что обрек себя на гибель: не всегда золото в радость.

С отчаянной мольбой обратился Мидас к Дионису, прося его вернуть дар. Дионис приказал ему идти к истокам священной реки и там смыть с тела "золотой дар".

Мы не смывали, а огнем оружия гасили золотистые всплески пламени. И не столько их, сколько фанатичных и злостных факельщиков войны, одурманенных фашистской пропагандой. В четыре часа утра наш 571-й стрелковый полк, вслед за частями первого эшелона, вступил в город Заегар. Там и сям чернели остовы:

обгоревших домов, высились груды кирпича, зияли воронки от снарядов, бомб, мин. Лежали трупы. Все свидетельствовало о жестоких боях.

В Заегаре наш полк выдвинулся в первый эшелон. Командир полка Герой Советского Союза майор К. Потемкин поставил батальону майора Бутко задачу — взять высоту. В тактическом отношении она ключевая. Пока она у немцев, нашим войскам не пробиться к магистрали, ведущей к Белграду.

Весь день и ночью шла подготовка к штурму злополучной высоты. Разведчики изучали подступы к ней, выявляли огневые точки, пулеметные гнезда. На рассвете авиация нанесла по высоте бомбовый удар, мощным был и артиллер. Но пошла пехота и залегла под огнем артиллерии, пулеметов. Атака захлебнулась.

Сверху недовольное и требовательное: "Высоту взять любой ценой!" Ох уж это "любой ценой"! Не всегда оправданным оно было, не всегда диктовалось срочностью, необходимостью. Но приказ строг!

Утром опять налет авиации, огонь артиллерии, минометов. Враг выдержал испытание вполне боеспособным. К концу дня мы взяли, наконец, высоту. Подсчитали потери — прослезились. В ротах до сорока процентов потерь. В моем пулеметном взводе трех расчетов как не было. Чувство удовлетворения тем, что боевая задача все-таки выполнена, приглушает боль, переживание за погибших и раненых. Впрочем, времени на это не было. Следовало до наступления темноты закрепиться на позиции. До глубокой ночи мы занимались земляными работами: расчищали траншеи, подправляли брустверы, рыли окопы. Словом, устраивались по-хозяйски. Но утром враг вынудил "хозяев" оставить высоту. Майору Бутко попало по первое число и было приказано "восстановить прежнее положение". Опять — "во что бы то ни стало", "любой ценой".

Две попытки отвоевать высоту не дали желаемого результата. Поредели наши роты. Майор Потемкин ввел в бой еще один батальон. К схватке за высоту подключился отряд югославских партизан. Очередной штурм. Наконец, слава богу, высота взята. Я потерял пятерых пулеметчиков убитыми, несколько человек выбыли из строя по ранению.

Вновь беремся за лопаты, расчищаем завалы, укрепляем окопы. Похоронная команда подбирает убитых. Неожиданно гневное: "Не хороните!" Крик медсестры Гали Липовецкой переходит в вопль, в отчаянные угрозы:

— Вы что, ослепли?!... Живых хороните!

Медсестра в истерике хлещет по щекам рыжеватого бойца из похоронной команды. У самой Гали зарванное лицо. Майор Бутко пытается выяснить причину гнева. Оказалось, один из семерых, уложенных в глубокую воронку от бомбы, подавал признаки

жизни. Медсестра случайно обнаружила это. Нервы девушки сдали. Ее настроение передалось многим. Бутко приказал проверить всех, уложенных в могилы. В живых там не оказалось никого. И все-таки на бойцов похоронной команды солдаты посматривали косо, словно они были повинны в гибели многих воинов.

Еще сутки грохотал бой за высоту. Немцы бросили против ее защитников превосходящие силы. Опять остатки батальона вынуждены были уйти с огненной высоты. Майора Бутко за эту трагическую неудачу отстранили от командования батальоном, назначив на эту должность замполита капитана Т. Бурнашева.

Утром Бурнашев самолично повел батальон на штурм высоты, но успеха не имел. Батальон потерял троих офицеров, десятка два солдат, многие были ранены.

Майор Потемкин ввел в бой чуть ли не весь полк, в том числе разведроту капитана Некряча. Следующей ночью удалось вернуть утраченную позицию. Затем почти десять суток пришлось нам отбивать атаки крупных сил гитлеровцев. У меня из пятнадцати пулеметов в строю осталось только два. Большие потери понесли стрелковые роты. Поэтому нас сменил 129-й стрелковый полк, более полнокровный и боеспособный. А мы, получив пополнение, после небольшой передышки, двинулись в пешем порядке в направлении города Чачак.

Трудным оказался путь. Узкая горная дорога серпантинном пролегла над ущельем. В него, пугающее бездонной чернотой, сорвались четыре наши повозки со снаряжением и боеприпасами и пушка на конной тяге. Медленное продвижение к перевалу, нудный дождь, усталость предательски действовали на людей. Несмотря на строгое предупреждение — крепиться, не поддаваться сну — некоторые ездовые не выдерживали, засыпали. Лошади, также измотанные, издерганные, оглушенные взрывами, то и дело испуганно шаркались в сторону.

На этой проклятой дороге полк слегка подвергся бомбардировке. Немецкая авиация, кем-то корректируемая, могла нанести нам серьезный урон. К счастью, советские ястребки не дали ей сбросить свой груз полностью. В небе, среди разорванных туч, начался воздушный бой. Буквально через минуту к земле потянулся объятый пламенем немецкий самолет и упал где-то за горой. А нашим подразделениям пришлось с ходу вступить в бой, поскольку гитлеровцы атаковали внезапно, дерзко, крупными силами, используя артиллерию, тяжелые минометы.

Стрелковый полк занял оборону. Однако сдержать натиск превосходящих сил оказался не в состоянии. Майор Потемкин связался с командованием, попросил огневой поддержки. Перелом наступил после залпа "Катюш". Удар по противнику был точен. Перейдя в наступление и к преследованию врага, мы видели изуродованные орудия, сгоревшие машины, множество трупов.

Однако и оставшиеся до Чачака километры мы преодолевали с тяжелыми боями. Немецкое командование понимало: утрата этого города открывала путь к Белграду. Между тем все дороги в направлении этого города уже были забиты советскими войсками. Готовился штурм города, обороне которого гитлеровские генералы уделили особое внимание.

Мы еще не знали, что наш путь на запад проляжет через Венгрию и Австрию, что в живописном уголке у подножия Альп узнаем о долгожданной победе, а сражаться нам придется еще и месяц спустя после капитуляции фашистской Германии.

ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ ОТВАЖНЫХ

ТРИ ДЕСАНТА КОСТИ-МОРЯКА

Как-то так получилось, что с Константином Милютиным, живой легендой 255-й бригады морской пехоты, нас после 225-дневной малоземельской эпопеи разлучили ранения, отлежки в госпиталях и прочие обстоятельства. На каком-то этапе и вовсе разошлись наши пути-дороги. Константин попал в войска третьего Белорусского фронта, я — на третий Украинский. Только послевоенные встречи в Новороссийске возродили армейскую дружбу.

И вот я по праву бывшего сослуживца пытаюсь воссоздать фронтную биографию Константина Алексеевича, теперь уже гвардии подполковника в отставке, счастливо разменявшего восьмой десяток лет жизни.

Окунулся я в эту биографию и просто изумился, увидев, какой каскад тяжелейших испытаний обрушился на долю Милютина. Даже перечислить их непросто. Костя-моряк без передышки все 1418 дней провоевал на фронте. Сражался на море и на суше. Только ранения вытягивали его с передовой то в медсанбаты, то в госпитали. Трижды он участвовал в морских десантах. Под огнем форсировал и "ревучий Днепр", и привольный Буг, и еще не одну великую и малую водную преграду. Боевой путь матроса пролег от стен легендарного Севастополя, от опаленного пламенем сражений Кавказа, через Крым, в Белоруссию, Восточную Пруссию и Польшу, в Германию и Чехословакию.

Не очень-то верю в приметы. Но Костиным талисманом, что ли, стала сама дата рождения: восьмое марта 1916 года. Родители по наивной простоте своей уверовали: сын их, появившийся на свет божий в праздник, женский день, наделен щедрой долей счастья. И вынашивал Костя надежду на это счастье до самого лихолетья военного.

В чудеса верить трудно. Да только ведь сбылось родительское предсказание. Как ни губила парня война, как ни калечила, какому риску ни подвергала, жив остался Константин Алексеевич. Назову только часть испытаний, из которых счастливо вышел моряк. В

сорок первом ему, оглушенному взрывом бомбы, раненому, сброшенному с корабля в черноморскую пучину, довелось тонуть. Случайность уберегла парня от гибели. А может, и не случайность, а чисто человеческое чувство ответственности за чужую жизнь. Среди волн матрос увидел детскую коляску с младенцем. Крохотное создание, доверчиво глядевшее в бездонную лазурь неба, не понимая произошедшего с ним, с матерью, вдруг улыбнулось незнакомому дяде, терпящему бедствие. И этот дядя нашел в себе силы продержаться на плаву, спасти ребенка, которого затем передал армейским медикам.

Во второй раз так же его, истекающего кровью, теряющего сознание, прибило спасительной волной к берегу Буга, за который успели "зацепиться" передовые цепи наших подразделений. При освобождении Бреста Косте, опять-таки раненому, выпало более десяти часов пролежать в траншее, которая восемь раз переходила из рук в руки: наши то изгоняли из нее гитлеровцев, то вынуждены были отступить на исходный рубеж. И вновь Косте улыбнулось счастье. Вынесли его санитары, подштопали хирурги израненное его тело, подняли на ноги, дали возможность с оружием в руках сражаться за Родину.

Трудно сказать, чего больше у Кости Милютина заложено природой — жизнелюбия, неодолимой стойкости, готовности к самопожертвованию, ответственности за родную землю, которую топтали оккупанты, безудержной лихости предков, кубанских казаков... Не знаю. Пытался разгадать эту загадку, побывав на родине Костиной, и не смог. Станица Гулькевичи Кропоткинского района Краснодарского края — место бойкое, гостеприимное, своими традициями гордое. Да мало ли таких мест в том краю! Отец Кости, потомственный землепашец, окончил церковно-приходскую школу. Имея четырехклассное образование, считался грамотным, работал служащим в системе "Заготзерно", а потому обязан был платить десять процентов оклада в школу, за обучение детей.

Прибегал Костя из школы, едва слезы сдерживая от обиды:

— Мама, детям рабочих и крестьян сегодня давали по кусочку хлеба, холодной котлете и по стакану сладкого чая. Мне опять не дали. Сказали: "Ты сын служащего".

— Потерпи, сынок. Такой порядок. Детям служащих бесплатные завтраки не положены.

— Почему не положены? Рабочие и крестьяне денег в школу не платят. А наш папка всякий месяц десятую часть полочки туда относит...

— Такой порядок, — повторяла мать, не понимая, кто и зачем завел его, пробуждая обиду в детских сердцах за явную несправедливость.

— Пусть папка станет крестьянином! — высказывал Костя наболевшее. — Тогда за нас не надо будет платить в школу.

В семье было шестеро детей. Те десять процентов от полочки, которые отец отдавал за обучение дочерей и сыновей, карман не

терли. Но упрямством отличался отец. Гордый, самолюбивый, никогда не поступался своим достоинством, тем более совестью. Именно за это пострадал во время оккупации. Соседи уговаривали его, уже престарелого: "Уберите со стены портрет Кости. Увидят немцы, что сын краснофлотец, покоя не дадут". Отец заупрямился: "Мне своих сыновей стыдиться не след. Родину защищают!" Матери наказал: "Костин портрет не трогать. Висел и будет висеть!"

Пытали старика гитлеровцы. После издевательств и мук скончался он, так и не дождавшись конца войны, победы, в которую верил, сыновей, сражавшихся на фронте.

Окончил Костя четыре класса своей деревенской школы и отправился в город Армавир. Поступил там в школу ФЗУ, после которой стал работать на заводе. За три года, проведенных в Армавире, "фезеушник" Милютин не получил из дому ни копейки. Государство одевало-обувало, хоть и скудно, но кормило. Остальное Костя восполнял трудом, не чураясь никакой работы. Зимой торговал газетами и журналами в поездах, на вокзалах, в клубах, что поощрялось комсомольской организацией и почтовым начальством. Летом трудился в деревне на уборке хлеба, овощей, фруктов. Часть денег отдавал матери, остальные тратил на учебники, питание, одежду.

Костя учился, подрабатывал, работал. Но в мечтах видел себя военным моряком. Посещал кружки Осоавиахима. Там учили многому: законам морской службы, стрельбе из винтовки, плаванию. Курсанты ходили на шлюпках по Дону, постигали флотский семафор, сдавали все "нормы" того времени — на значок "Ворошиловский стрелок", ГТО, ПВХО (противовоздушной и химической обороны) и т. д. Так что в ряды защитников Родины 21-летний Константин встал физически закаленным и довольно подготовленным в военном отношении.

Все ликовало в душе Костиной осенью 1937 года, когда его призвали в Военно-морской флот и направили служить в город русской славы Севастополь. Его даже не смущало, что служить надлежало целых пять лет, тогда как в сухопутных войсках срок службы был на два года меньше.

Ликовать-то ликовал Костя, но червь сомнения не давал покоя: куда пошлют, какой специальностью предложат овладеть. Направили в школу связи учебного отряда флота. Шесть месяцев спустя он успешно окончил ее и... вновь сел за парту. Начальство увидело в парне задатки организатора, решив что из Милютина выйдет хороший младший командир. Оно не ошиблось. Оправдал связист-радист Милютин доверие и на Керченской военно-морской базе, исправно выполнял свои функциональные обязанности, охотно и с выдумкой вел общественную работу. Старшине 2-й статьи Милютину присвоили звание замполитрука, и он для друзей-товарищей стал "нашим маленьким комиссаром". Шутка-шуткой, а дел прибавилось всерьез. Особенно в 1941 году. Участились выходы в море при любой погоде, даже в штормы. Первомайский праздник

и тот захлестнула волна тревог. Только поступит долгожданное: "Отбой", не успеют моряки привести технику из боевого в обычное положение, как снова звучал сигнал тревоги.

Так продолжалось до двадцатого июня. Наконец вздохнули с облегчением и радостью: приказ возвратиться "домой", в Керчь, в родные казармы и кубрики. Появилась надежда погулять по земле, интересно провести воскресный день в увольнении.

Свободные от вахты матросы исподволь наводили "морской порядок". Начищали бляхи, пуговицы, утюжили брюки, стирали. На берегу некоторым оставалась самая малость хозяйственных забот: помыться в бане. Командиры, лоцманы, понимая настроение матросов, составляли списки на увольнение в город. Как обычно, треть личного состава гуляет, две трети на месте.

Неожиданно для всех в два часа ночи 21-го июня сирена подняла моряков. Боевая тревога! Степень готовности поднималась ежесекундно. Наконец дошла до высшей. Приказ — получать боеприпасы и быть готовыми к отражению удара противника. Сердце ныло от предчувствия надвигающейся грозы. Обстановка для моряков еще неясная, но волнующая. Боевые расчеты на своих постах и местах. Никому не позволено отлучаться и на минуту. Завтрак им подали прямо к орудиям.

Миновали сутки боевого напряжения. Расчеты менялись, уровень боеготовности оставался предельно высоким. 22-го июня командира и замполитрука Милютина вызвали в штаб базы. Приказали, не снижая бдительности, организовать прослушивание радио. В двенадцать часов ожидалась передача важного правительственного сообщения. Так моряки узнали о начале беды, обрушившейся на Советский Союз.

И пошли, пошли сообщения Информбюро час от часу все более ужасающие. Бои в Брестской крепости. Отступления. "Выравнивания линии фронта". Оставление городов. Заместителя политрука Милютина матросы допрашивали:

— Как же так? Столько лет нам твердили: "Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим", а враг уже под Москвой? Одесса в огне... Совсем недавно комиссар выступал, уверял, что сейчас у нас такая техника и мы так сильны, что утром позавтракаем в Бресте, а ужинать будем в Варшаве или где-то западнее польской столицы... Зачем это говорилось?!

Будь Костина воля, бросил бы он свою должность "маленького комиссара", сорвал бы четыре узких шеврончика с красным просветом, пришитых на рукав, и занялся бы любым делом на любом корабле. Благо, успел овладеть всем штатным оружием и техникой связи. Но нет, исполняй, замполитрук, что тебе предписано, не дай упасть боевому настрою! Готовь моряков своего подразделения к схваткам!

Керченская база не теряла времени впустую. Готовилась к боям. Они не заставили себя ждать. Милютину и его друзьям выпало сражаться на море. Потом в составе наспех сформированных

подразделений моряки воевали на Крымской земле, точнее на Крымском перешейке. Затем отступали, нанося противнику удары. Помнит Константин Алексеевич кровопролитные бои у озера Севаш и на Тузлевской косе. Обидными они были для моряков, потому что не хватало оружия, боеприпасов, чтоб остановить врага, повернуть его полчища вспять. Моряки сражались оружием противника, отбитым в схватках. Храбро отстаивали каждый поселок, холм, бугор. Оставляли их со слезами на глазах. Не скрывали слез, отступая от Керчи, покидая город, ставший для многих в прямом смысле слова родным. Здесь оставались друзья, подруги, семьи командиров, не успевшие эвакуироваться.

Город ждал помощи, возмездия. Город жил надеждой на то, что защитники не бросят его фашистам.

25 декабря 1941 года был предпринят первый морской десант в Камышбурун, с тем, чтоб пробиться к Керчи, изгнать оттуда врага. Моряки Керченской военно-морской базы действовали вместе с Азовской флотилией. Удар оказался сильным, внезапным. За пять дней боев удалось разгромить крупное сосредоточение фашистских войск, освободить Керчь.

Радость и печаль были на лицах моряков. Радость от одержанной победы. Тоска по друзьям, погибшим в боях.

Константин Милютин тоже недосчитался многих товарищей. Ходил опечаленный и горестными вестями из осажденного Севастополя. Неожиданно поступило распоряжение срочно прибыть в штаб Керченской военно-морской базы, находившейся в Тамани. С большим трудом он в Новый год добрался до штаба. Здесь начальник политотдела батальонный комиссар Эдельвани поздравил моряка с награждением медалью "За отвагу" и вручил предписание убыть на учебу в военно-политическое училище Черноморского флота.

"В такую пору учиться?!" — недоумевал Милютин. Надо Керчь оборонять, Севастополь в осаде, Ленинград блокирован...

— Засомневался? — заметил Эдельвани. — Война только разгорается. Ох, как нам нужны будут обстрелянные опытные командиры, политработники! Постигай науку побеждать и опять — к нам, на флот. На оформление документов и сборы в твоём распоряжении два часа. В Новороссийск отправляется колонна...

Два часа... Даже съездить на маяк Железный рог за вещами нет времени. В чем был Константин, в том и поехал в Новороссийск. Начальство к прибывшему фронтовику, удостоенному награды, отнеслось с вниманием, выпрашивали подробности боев, действий в десантной операции, но как ушатом воды окатило вопросом:

— Как же вы в своем десантном обмундировании появитесь в глубоком тылу?

— В глубоком тылу?!

— Да, училище эвакуировано из Севастополя и находится в Гаграх. Это глубокий тыл. Вам надо переодеться, иметь комплект

нательного белья... Ладно, исправим ваш недосмотр. Идите в баню. Все, что надлежит иметь, получите.

В тот же день в ладно подогнанной форме Константин Милютин и его новые товарищи представились контр-адмиралу Холостякову, еще не ведая, что судьба некоторых из них не раз сведет с этим внимательным человеком и властным начальником, подвиги которого будут отмечены многими наградами, в том числе Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Курсантские будни. Не предполагал даже Костя, что они окажутся загруженными "под завязку", насыщенными тревогами, нарядами, восьми-десятичасовой продолжительности занятиями, стрельбами из штатного оружия своих войск и противника. Иные не выдерживали, требовали отправки на фронт. Не нагрузки выбивали слушателей из колеи — вести с передовой. В самое сердце, кажется, поразило Милютина сообщение Совинформбюро о том, что Керчь снова захвачена врагом, что немецкие дивизии рвутся к Сталинграду, Кавказу... До учебы ли тут?!

Должно быть услышано было там, "наверху", трепетное биение сердец курсантских, сократили срок обучения для пяти из них, понюхавших пороху. На построении зачитал начальник училища полковник Волков приказ Командующего Черноморским флотом вице-адмирала Октябрьского о досрочном выпуске и присвоении звания "политрук". Среди этих выпускников был и Милютин. В тот же день он получил предписание прибыть в Новороссийск, уже прифронтовой город с нелегким будущим. Здесь расстался с другом детства Михаилом Черниковым, с которым когда-то играл в дворовой футбольной команде, служил на флоте, случайно повстречал его в училище и одним приказом оба получили звание "политрук".

Михаил угодил служить на подводной лодке. Константин — в батальон морской пехоты, формирующийся для защиты Севастополя.

— Будете заместителем командира роты по политчасти, — сказали Милютину в отделе кадров. И предупредили: — Командир роты — ваш капитан Морозов. Он лет на десять старше вас, но боевого опыта не имеет. Призван из запаса. Так что, дорогой, помогите человеку, кстати, бывшему пограничнику, уволенному из войск по состоянию здоровья.

Взгрустнул Костя, но за дело принялся рьяно, чем порадовал капитана Морозова.

— Думаю, в бою не подкачаем. Народ в роте отменный, моряки. И на замполита мне повезло, — рассуждал ротный.

Милютин соглашался. Моряки в основном добровольцы с разных флотов. Да ведь это на корабле они мастера воевать, но не на суше. Полевой выучки недостает им, богатырям. Нужно проводить занятия на горной местности.

Ротный соглашался. В батальоне начались занятия, тренировки, марш-броски. Жаль, мало времени отвела война на эти занятия.

Глубокой ночью три маршевые роты, поднятые по тревоге, приступили к погрузке на корабли. Неожиданная команда "Отбой" прервала ее. У матросов огорчение на лицах.

— Почему отбой? Севастополь ждет помощи!

— Командованию виднее, — успокаивал Милютин, сам не менее остальных расстроенный.

Матросы помогали снимать с кораблей раненых бойцов. Сочувственно оглядывали лидер "Ташкент". В пути из Севастополя его обстреливала и бомбила вражеская авиация. Корабль нуждался в ремонте.

Вдруг опять зазвучали сигналы тревоги. Милютин не увел своих моряков.

— Быстрее выносите раненых! — торопил он бойцов.

Стаей стервятников налетела немецкая авиация. Средства ПВО слабо, разрозненно вели огонь, словно оробев перед этим большим количеством самолетов. Основной удар противник наносил по кораблям. Дрогнул красавец лидер "Ташкент", на глазах у всех пошел ко дну. Накренился корпусом пароход "Украина". Получили повреждения несколько вспомогательных судов. Громыкнул боезапас на одном из торпедных катеров...

Как горько было морякам видеть это варварское уничтожение и чувствовать свою беспомощность!

Город потонул в дыму. В казармах не повернуться. Со всех флотов съехались моряки и томятся от безделья. Сутки прошли в неведении обстановки. Вечером сознание опалило печальное леви-тановское: наши войска оставили Севастополь.

Милютина и таких, как он, вызвали в Политуправление. Беседа крутая, установка суровая: потеря Севастополя — утрата огромная. Но не раскисать! Севастополь еще не вся страна. Защитим страну, изгоним с нее оккупантов — вернем Севастополь. А теперь марш в управление кадров, получите новые назначения. Так Милютин стал замполитом роты в 142-м Отдельном батальоне морской пехоты, прибывшем из Ярославля, где он был сформирован.

Не искал Константин Алексеевич легких уголков и должностей. Обрадовался тому, что идет в часть сугубо морскую. Единственно о чем попросил — взять из "своей" роты матросов, с которыми успел сойтись душой. Двенадцать связистов и восемнадцать моряков других специальностей "увязались" за своим замполитом. И еще одну просьбу Милютинскую удовлетворили начальники. Разрешили впрок запасть средствами связи и боеприпасами.

Когда Милютин во главе тридцати прекрасно экипированных морских "витязей" предстал перед новым своим командиром, капитан-лейтенантом Олегом Ильичом Кузьминым, тот сразу проникся к молодому политработнику уважением и доверием.

Ох, как нужна эта теплота взаимоотношений, это созвучие сердец и чувство локтя людям в шинелях! Недолгими были знакомство, подготовка к боевым действиям. Однако в районе Адамовической балки уже в первых схватках с врагом батальон

проявил стойкость, поразившую даже врагов. С 27 августа по 5 сентября морские пехотинцы вели оборонительные бои с превосходящими силами противника. Четыре раза фашисты окружали командный пункт батальона и всякий раз откатывались, не выдерживая рукопашных схваток.

Милютина, помимо исполнения непосредственно замполитовских обязанностей, комбат назначил ответственным за связь. "Чтоб связь действовала безотказно!" — приказал он. Милютин и его бойцы проложили линии в роты, к соседям справа и слева. Осколки и пули при интенсивных обстрелах перебивали кабель. Связисты под огнем устранили обрывы, давая возможность капитан-лейтенанту Кузьмину управлять подразделениями.

Трое суток сражалась в окружении рота, где командование на себя принял политрук Н. Лежнев. С ней-то и оборвалась связь. Милютин отправился устранять повреждение, а также узнать ситуацию на месте.

Рота находилась в плотном кольце. Но Милютину удалось проскользнуть. Вернулся он, доложил комбату: командир роты погиб. Моряки отбили двенадцатую по счету атаку. Им необходима поддержка.

Отважно дрались защитники Кавказа. Но враг на том этапе был сильнее. Его преимущество в живой силе и технике было налицо. Вот уже захвачены им железнодорожный вокзал, элеватор, порт Новороссийска. Из рук в руки переходили отдельные цехи завода "Пролетарий". Наконец подобно локомотиву, выпустившему пар и остановленному крутым подъемом, иссяк наступательный порыв гитлеровцев. 16 сентября 1942 года советские войска остановили продвижение вражеских полчищ на Кавказ. Началось методическое уничтожение оккупантов. Неоднократно отличавшись в боях Милютина наградили медалью "За боевые заслуги".

События развивались стремительно, изобилуя неожиданностями. Прорыв немцев к Туапсе заставил командование перегруппировать силы подразделений морской пехоты на туапсинское направление. С ног валил моряков долгий многокилометровый переход по труднодоступной горной местности, через бурные реки с ледяной водой. На себе несли все, начиная от боеприпасов, кончая сухарями.

Милютин, по установившейся традиции отвечавший за связь, наравне с бойцами тащил катушки проводов, кабеля и, конечно, боеприпасы. Но все — и марши, и жестокие бои — оказались цветиками в сравнении с десантом в район Южной Озерейки.

142-й батальон шел в первом эшелоне десанта. Его задача — захват плацдарма. Вновь Милютин получил от Кузьмина задание "под персональную ответственность".

— Костя, будь моим помощником по связи, — не приказал, а скорее доверительно, как испытанного друга, попросил комбат. Затем окрепшим голосом, по-военному четко:

— Идешь на четвертом болиндере головных сил батальона. Действовать по обстановке. Принимай любое решение, которое

посчитаешь единственно правильным. Потребуются — прыгай в воду и веди за собой бойцов. Захвати плацдарм хоть десяток метров по фронту. Отвоевывай у врага берег, сколько удастся. Будут раненые, обеспечь их доставку в укрытие...

В темноте, преодолевая крутую волну, шли боевые корабли, болиндеры, вспомогательные суда к невидимому берегу. Вдруг ожил он, озарился вспышками сотен выстрелов. Осветительные ракеты повисли над штормящим морем, над кораблями. Повела огонь и эскадра. Берег словно кипел от взрывов и огрызался еще злобнее. Горели болиндеры. Матросы с полной выкладкой и оружием бросались в ледяную воду, выбирались на берег.

На глазах у тех, кто еще не успел броситься в пучину, погибла ударная группа захвата, которой командовал капитан 2-го ранга Шацкий.

Ударная группа... Она, проявляя героизм, первой приняла на себя удар противника, даже не успев высадиться на берег.

Мысленно Милютин перенесся в 1941 год, в Камыш-Бурун, когда бросаясь в ледяное декабрьское море, моряки штурмовали оборону противника и освободили Керчь. Тогда все проходило по плану. Тогда разведка установила, что гитлеровцам, встречавшим Рождество, вряд ли будет охота воевать. Они действительно проявили беспечность.

Теперь что-то не сработало. По чьей-то преступной небрежности боевая операция срывается, гибнут люди. Корабельная артиллерия ведет огонь. Но как? По площадям, не подавляя орудий противника.

Болиндер № 4, на котором следовал "помощник комбата по связи", сиротливо качивался на волнах. Ветром его разворачивало, гоняло. Буксир, обрубив трос, бросил суденышко. Оно вдруг вспыхнуло. Милютин взял командование десантниками на себя. Перекрывая грохот канонады, приказал:

— Всем прыгать в воду! Вплавь добираться до берега!

Обнаружил несколько насмерть перепуганных. Вместе с дюжими парнями сбрасывал таких в волны. Но уже и отыскивать людей на пылавшем болиндере было нельзя. Кто испугался морской пучины, погиб от огня.

Прыгнул Костя и с головой ушел под воду. Оттолкнулся от дна, поплыл. Кос-как достиг берега. Собрал группу. С криками "Полундра! Ура!" ринулся вперед, навстречу вспышкам. Мешала бежать оледеневшая одежда. Озноба, однако, не чувствовали. Одна мысль "захватить плацдарм, расширить его для второй волны десанта" вела вглубь Озерейки. Еще не знал никто и не догадывался, что второй волны десанта не будет, что флотилия кораблей стыдливо ушла к Большой земле, бросая 142-й батальон на произвол судьбы.

На берегу все потонуло в дыму, свинцовой круговерти, грохоте. Он был усеян убитыми и ранеными. Константин Алексеевич организовал доставку раненых в ложбинку, слегка прикрываемую валунами. Но как помочь им? Ни медпункта, ни врачей. Вся

надежда на милосердие жителей, которых еще следовало отыскать. Санструкторы с ног валяются от пережитого и перенагрузок.

Линии связи прокладывать не к кому. Кузьмин, действуя по утвержденному плану, повел основную часть десанта в район поселка Глебовка и там моряки вели неравный бой, еще не зная, что к исходу четвертых суток только волей израненного своего командира вырвутся из удушающего кольца превосходящих сил противника, чтоб пробиваться к Новороссийску. Через связного передал Милютину: действовать самостоятельно.

Несколько мелких групп десантников оказались разбросанными и действовали самостоятельно. Милютин собрал их, принял на себя командование, организовал оборону. Решение принял, помня о приказе: "пробиваться к Мысхако". Не выпуская из рук автомата, перебежал от одного участка обороны к другому. Утешительными считал слова: "Продержаться здесь до вечера!" Матроса Плотникова, своего земляка-кубанца подбадривал:

— На тебя надежда, Василий. Не подведи, дорогой.

Пулеметчик Плотников не подвел. Не одна атака немцев захлебнулась под меткими очередями "максима".

На другом фланге так же хлестко сметал атакующие цепи пулеметчик Сурен Ожиянц. Осколком снаряда старшего сержанта ранило в спину. Командир взвода Гарелин увидел, приказал второму номеру рядовому Федору Кулибабе заменить товарища. Сурен не уступил. Так и продолжал разить врага.

Стойкость, инициатива в бою — явления обычные. Но то, что совершил Денис Фролов, матрос богатырского роста и телосложения, восхитило и Милютину. Гитлеровцы, выкатив орудие на прямую наводку, били по десантникам. Денис ползком добрался до этого проклятого орудия, уничтожил расчет и, развернув орудие открыл огонь.

Фашисты бросили против смельчака группу автоматчиков. Милютин отправил на выручку Фролову нескольких матросов. Они сражались отважно.

Отряд Милютину все разрастался. Прибывались к нему группы и группки воинов батальона и приданных подразделений, корректировщики корабельной артиллерии, танкисты, машины которых сгорели в болиндерах. Всех терзала неясность: почему прекращена высадка десанта, ведь плацдарм мы захватили, расширили?

У Милютину голова кругом шла. Надо было вести бой, разобраться с людьми, скомплектовать взводы, отделения, назначить командиров. И пробиваться к Мысхако. Пробиваться? А как быть с ранеными? Тех, кто способен передвигаться самостоятельно, можно взять с собой. Тяжелораненых Милютин решил оставить в Южной Озерейке, надеясь на то, что местные жители не выдадут их врагу и будут ухаживать. Отправил бойцов договориться. Заручившись согласием хозяев, разнесли товарищей по домам и хатам.

Гора с плеч, когда пристроили всех раненых. Возникла другая проблема. Карты местности у Милютину не было. О Мысхако он

лишь слышал. Никто из его подчиненных там не бывал. Расспрашивать у посторонних, как туда добираться, было рискованно. Милютин принял решение двигаться вдоль берега скрытно, в затяжные бои не ввязываться, мелкие неприятельские группы уничтожать, общаясь с местными жителями, не раскрывая плана. Ведь среди жителей могут оказаться предатели.

Несмотря на все предосторожности, противник разгадал замысел. То и дело отряд Милютина попадал в засады, отражал нападения, отбивался от преследования. Сутки спустя начались налеты авиации.

Благодаря разведке, организованной по всем правилам, отряд избежал коварной ловушки в узкой лощине, зажатой высотами. Гитлеровцы решили, что отряд будет продвигаться по дороге, петлявшей между высотами. Десантники же пробивались вдоль берега моря, по высотам. Разведчики доложили Милютину об опасности: навстречу колонне выдвигалось подразделение румын, вслед за ним шли немцы. Милютин приказал пропустить румын, а немцам устроить засаду.

Моряки почти в упор расстреляли противника, захватили много трофеев. Более всего остались довольны тем, что запаслись автоматическим оружием, боеприпасами и куревом.

Успех окрылил моряков. Соблазнительно было еще с такой же легкостью расколотить какое-то подразделение и раздобыть продуктов питания. Однако, понеся урон, гитлеровцы стали осторожнее и уже не отдельные подразделения направляли на уничтожение десанта, а довольно крупные силы. Вот и худо пришлось морякам к вечеру на следующие сутки. Десантники попали под перекрестный огонь, понесли потери. С трудом избежали полного разгрома и оторвались от преследования.

Набредли на зенитчиков. Четыре орудия, боекомплект. Уничтожив все это, отряд поспешно стал отступать. Однако противник опять навязал бой. Только хороший запас патронов, гранат, пулеметных лент морякам дал возможность отбиться. Опять потери... Без слез, но с болью душевной похоронили пулеметчиков Кузьму Степаненко и Валентина Птицина, еще нескольких морских пехотинцев, перевязали свои раны — и в путь.

В отряде ни медиков, ни медикаментов. Все надежды лишь на свой организм. Милютину ранило в руку. Матросы перевязали его. Моршась от боли, Костя пошутил: "До свадьбы заживет". Обвел глазами свое "войско" и посуровел. За шесть суток прорыва к Мысхако не осталось и десятой части от прежнего отряда. Пообносилось обмундирование. Густой щетиной заросли почерневшие лица. Худые, изможденные люди...

Судя по отдаленному грохоту артиллерии, до Мысхако осталось 15-20 километров. Решено разбиться на группы. Так легче незаметно для противника приблизиться к передовой, а затем прорваться к своим.

В группе Милютина двенадцать человек. Старшина 1-й статьи Степан Муравьев составил список, передал Косте.

— Ну, товарищи, давайте подкрепимся и в путь.

Горька шутка Костина: о нормальном питании мечтать перестали. За шесть суток последние сухари давно съедены... Ползли по промерзшему февральскому лесу. Кору с молодых побегов обдирали, жевали. Кому посчастливилось заваливший плод яблони-дичка отыскать.

Еще двое суток пробивалась группа Милютина к своим. Двое суток, не вступая в бой и лишь уничтожая встретившихся на пути врагов, преодолевала она последние километры. Наконец моряки вышли в расположение своих, к сожалению, не родной 255-й бригады морской пехоты. И надо же! Подоспели к завтраку. Запах полевой кухни вскружил голову. Командир взвода, увидев пришельцев, оцепенел:

— Брат-цы... С того света, что ли?!.. Проводите их в землянку, — приказал он солдатам.

Десантникам принесли в землянку горячей воды, мыло, бельё. Моряки умылись, переоделись, сели завтракать.

— Не очень-то налегайте на еду с голодухи, — волновался командир взвода, зная, к чему это может привести.

Но как было сдерживать себя? Слово и не было двух ведер супа и макарон по-флотски. Двенадцать человек вмиг осушили миски, подобрали горку хлеба со стола.

В землянку набилось народу — не протолкнуться. Все вопросы о судьбе батальона, о товарищах: "Такой-то жив?... Что с Кузьминым?" Иные просто сочувственно рассматривали "смертников".

Наконец пожаловало начальство. Батальонный комиссар. Выпроводил любопытных из землянки, начал расспрашивать. Милютин вдруг почувствовал: расспросы, скорее, похожи на допрос. Кольнуло от обиды. Неужто у кого-то может возникнуть грязное подозрение о предательстве? Как можно подозревать людей, которые сражались, не щадя жизни, которые так упрямо пробивались сюда, на Мысхако, к своим?! "Значит, придется оправдываться, давать показания?" Мысль о недоверии к нему, Косте Милютину, к изможденным его товарищам ужаснула.

Группе разрешили отдыхать. "Спать до вечера!" — пошутил политработник, пообещав вечером переправить в 255-ю бригаду морской пехоты.

В сумерках группа предстала перед полковником Потаповым. С 1937 года знал его Милютин. Потапов тогда служил в школе связи учебного отряда, обучал молодых матросов. Не узнал полковник бывшего своего питомца. Расспросив, узнав кто перед ним и откуда, слез не сдержал! Крепко обнял лейтенанта, долго расспрашивал о том, как сражался 142-й батальон, о Кузьмине.

— Иди, дорогой мой, представься начальнику политотдела, — отпустил наконец комбриг.

Получилось иначе. Лейтенанта перехватил начальник особого отдела бригады, и, покормив ужином, взял в оборот. Вопросы, вопросы... Мутило Милютину от подозрительности. Сдерживал себя, чтоб не вспылить. Подполковник что-то записывал, с чем-то сличал. Отпустил далеко за полночь. Утром опять беседовал и записывал.

Ушел подполковник, вместо него другой офицер "Смерш" стал задавать вопросы, требуя четких ответов.

Вечером еще раз вызвал начальник особого отдела. Долго беседовал. Наконец улыбнулся:

— Идите, лейтенант, к Видову. Сутки ждет вас. Все, что вы говорили, правда. Подтверждено другими людьми.

...Только много лет спустя на встречах ветеранов бригады бывшие офицеры "Смерш" признались, что двое суток Милютин находился под следствием. Станным показалось тогда кому-то, что из более чем полуторатысячного состава 142-го батальона только Милютин организованно вывел остатки своего отряда. Узнав же о трагической судьбе комбата Кузьмина, Константин Алексеевич невольно пожегся: сам он тоже мог оказаться не в лучшем положении. Подозрение хуже смолы, прилипнет — отмыть трудно.

Встреча с начальством взволновала Милютину. Вошел он в политотдел, представился как положено. Все, услышав его фамилию, дружно встали. Взоры устремились на него, лейтенанта, вырвавшегося из "преисподней" Южной Озерейки. Батальонный комиссар Дорофеев взял со стола лист бумаги и, подойдя к Милютину, проговорил приветливо:

— Здравствуй, старший лейтенант... Пока ты шел к нам, на Малую Землю, тебе очередное звание присвоили. Поздравляю!..

Было от чего трепетно забиться сердцу! Столько неожиданностей за трое суток! А еще — омрачительные новости с Южной Озерейки. По непроверенным данным комбат Кузьмин погиб, погибли замполит батальона, еще несколько офицеров, которых знал Милютин... К счастью, не все эти сведения оказались достоверными. Кое-кто "воскрес из мертвых". Об этом стало известно много времени спустя. В тот день штабу и политотделу бригады надлежало в срочном порядке решать множество дел. Вновь формировался 142-й батальон. Вместо ушедшего в небытие.

Старшего лейтенанта Милютину, назначенного на должность помощника по комсомолу начальника политотдела бригады, тотчас послали в формируемый батальон. Чем только не занимался он там! Составлял списки вышедших с Южной Озерейки. Составлял политдонесения, описывая в них подвиги морских пехотинцев. Сам участвовал в боях. Работал в других батальонах. Там тоже приходилось браться за оружие: Малая Земля не знала тишины. Назначили его ответственным за эвакуацию раненых с передовой к причалам.

Командир 142-го батальона Семен Тимофеевич Григорьев подчас распекал в шутку:

— К нам командирован, так и работай у нас, не бегай в соседние батальоны...

— Там тоже дел невпроворот, товарищ майор, — оправдывался Костя. — Но у вас я поработаю больше. — Все-таки родной мне батальон.

— Ты мне про Кузьмина расскажи. Когда в последний раз видел комбата?

У всех изболелась душа о Кузьмине. Никто не хотел верить в то, что он погиб. Любили бывшего комбата искренне.

— Ладно, комсомольцы, идите в роты. Лучше всего в первую. Там, кажется, начинается...

Комсомольские работники — Милютин и комсорг батальона А. Гронский, бывший студент пединститута, пришли в роту в добрый час. Морские пехотинцы, отбив атаку, сами перешли в наступление. Милютин и Гронский заняли место в цепи. Пробриться к кладбищу, потеснить там гитлеровцев не удалось. Цепь залегла, приготовившись к схватке с танками. Милютин перебежками пробрался к бронебойщикам.

— Давай, Коля!

Подбодрил матроса Овчинников. Других бойцов предупредил:

— По пехоте огонь по моей команде.

Ударил из ПТР Овчинников. На другом фланге роты лейтенант Воронов возглавил бронебойщиков и нескольких матросов с гранатами в руках. Почти одновременно открыли огонь. Подбили два танка. Застрочили пулеметы и автоматы, уничтожая пехоту.

Хлесткие очереди изрешетили плотные немецкие цепи. Пехотинцы, завидев пылающие танки, хаотически начали отступать. Местность перед позициями батальона была усеяна трупами. Роты перешли к преследованию противника. Однако пробиться к траншеям неприятеля не смогли. Морские пехотинцы залегли под автоматными очередями. Оборонявшиеся решили, что в атаке батальон выдохся и не в состоянии оказать сопротивление и вмиг бросились в контратаку. Группа бойцов, возглавляемая Милютиным, подпустила гитлеровцев метров на сорок-пятьдесят, подчистую смела их огнем и ворвалась в первую траншею.

Моряков не столько обрадовала эта отвоеванная пядь земли, сколько трофеи. Большое количество стрелкового оружия и боеприпасов досталось Милютину и его морским пехотинцам. Лишь опасность быть отсеченными от основных сил батальона вынудила бойцов оставить позицию, отойти на прежний рубеж. Зато не с пустыми руками покидали они траншею. Кто сколько мог поднять, столько и прихватил с собой автоматов, гранат, патронов.

Гитлеровцы подтянули резерв, мощными артиллерийскими залпами искромсали траншею батальона. Милютин, намеревавшийся в течение дня побывать в других подразделениях бригады, отказался от своего первоначального плана. Разве можно было оставить 142-й батальон, который с утра до вечера сражался, потеряв в схватках двух командиров рот, троих замполитов, четверых взводных и сорок девять бойцов?! Батальон сражался храбро, умело, но не успевал залечивать раны. Помощник начальника политотдела по комсомолу

печально перебирал комсомольские билеты. Откладывал в сторону те, которые уже некому было вручить. Похоронная команда предавала погибших земле. Милютин возвращался в политотдел с чувством неисполненного долга. Стопки членских билетов, не врученных принятым в комсомол, казалось, обжигали руки.

В политотделе Милютину обрадовались. Но начПО Иван Андреевич Дорофеев отругал:

— Мы зачем тебя в 142-й батальон посылали? В атаки ходить и моряков в бой водить? За твое самовольство мне от Видова досталось.

Милютин поспешил сгладить остроту упреков. Пошутил, протягивая Дорофееву трофейный "парабеллум":

— Вот ради чего я в атаку моряков водил. Чтоб пистолет вам в подарок принести.

Дорофеев рассмеялся:

— Ладно уж. Только впредь прошу заниматься своим непосредственным делом. Каждому овощу — свое место и время. Завтра поработай в 322-м батальоне.

Как ни старался Милютин выполнять свои непосредственные обязанности, чисто комсомольской работой он заниматься не мог. Передовая — не казарма в глубоком тылу. Здесь и просто беседы подчас прерывали боевые схватки. И автомат в руках помощника по комсомолу бойко отбивал своеобразное пиччатико. Сам помощник по комсомолу в глазах моряков слыл опытным воином.

Так было на Малой Земле, в последующих сражениях. Константина называли счастливецом. Но не за этот в боях добытый авторитет. За то, что судьба убергла его от гибели. В Керчи во время артналета тяжелый снаряд разрушил дом. Засыпало подвал, в котором оборонялись двенадцать солдат и он, старший лейтенант Милютин. Более суток откапывали попавших в беду воинов. Из дюжины бойцов в живых остались четверо. В их числе он, Константин Алексеевич Милютин, тяжело раненный, потерявший много крови.

Потом Костя долго искал ту медсестру, которая дала ему свою кровь, благодаря чему он остался жив.

В Бресте, за который шли жестокие бои, Милютин, опять-таки раненный, тонул при форсировании Буга. Вытащила его... чья-то лошадь, за гриву которой он машинально ухватился, уже успев хлебнуть водицы. Санитар, обнаружив его на берегу, махнул безнадежно рукой:

— Этот не жилец. Вон как кровь фонтанирует из горла...

Пуля пробила легкое... Молодая врач, оказалась ангелом-спасителем. Заштопала раны, интенсивное лечение подняло счастливица на ноги.

Десанты Милютина. Керчь. Южная Озерейка. Эльтигенский десант... Его действительно хочется назвать счастливецом. Он, шагая по хрупкой кромке жизни, сумел сохранить ее. Значит, действительно счастлив день его рождения — 8 марта.

АЛЕША, ИЗВЕСТНЫЙ БОЛГАРИИ ВСЕЙ

Лейтенант Алексей Барбелюк, юный, порывистый, эдакий сгусток энергии и обаятельной веселости, словно ворвался в мое сердце еще в оборонительных боях на Кавказе. Ворвался, отвоевав в душе моей достойный для себя уголок, а затем удивительно яркой звездочкой засветился в памяти. И не только моей. Алешу любили морские пехотинцы 255-й Отдельной Краснознаменной Таманской бригады морской пехоты, Боевое Знамя которой, едва не утраченное при штурме Новороссийска, он спас. Гордились им подчиненные, матросы минометной роты, где он командовал взводом. Ценил своего взводного командира минроты капитан Ильин. Благоволило к нему и начальство. Только награды, которых он заслуживал, по воле случая или чьей-то прихоти обходили его стороной. Лейтенант, многократно раненный и контуженный, слывший в бригаде героем и раз за разом не получавший ни орденов, ни медалей, умел подавить в себе потаенное чувство обиды. Оптимистичный, простодушный, он заявлял безмятежно и ничуть не рисуясь: "Ничего, когда-нибудь все скопом получу из рук самого Всесоюзного старосты! Вот уже детям и внукам расскажу, как побывал в Кремле!"

Не сбылись возвышенные надежды патриота. Ни в войну, ни после нее не отыскали награды истинного героя. Так и ушел он из жизни, не обласканный Союзным правительством. Неоднократные и вполне убедительные письма-ходатайства очевидцев подвигов лейтенанта, письма совета ветеранов 255-й бригады морской пехоты оставались если не безответными, то бесплодными.

"Красиво только редкое", — утверждал один из братьев Гонкуров, французских писателей. Возможно, Барбелюк тем и красив был, что, несмотря на молодость и внешнюю бесшабашность, обладал исключительным даром воина: умением выполнять приказы и отдавать их, одинаково грамотно управлять огнем минометного взвода и роты, отважно и по-умному действовать в разведке и отбивать атаки танков и пехоты. Он безукоризненно владел мастерством корректировщика. Он был талантливым. С высоты минувшего полувека, осмысливая давние события, не могу не согласиться с этим утверждением. Есть талантливые полководцы. Есть и талантливые солдаты. Барбелюк — один из них, солдат Победы. Талантливое не выкроишь по шаблону. В боевой обстановке лейтенант Барбелюк не принимал шаблонных решений, что выручало и его, и подчиненных.

Он, со своей манерой доверительной простоты общения, был ровен и внимателен во взаимоотношениях с младшими по званию и полон достоинства и почтительности в отношениях со старшими. В бою, ведя огонь и подавив миной цель, испытывал неуверенность в том, что дело завершено. Для него уничтоженная цель, словно фраза, оборванная многоточием. Он искал объект атаки сам,

требовал от наблюдателей: "Не прозевай... Должна быть еще хотя одна цель".

Он редко ошибался в таких случаях. Предвидение в бою становилось изысканной и примечательной способностью Алексея. Способностью, которая создавала ему доброе имя. А он, не хвастливый, ничуть не поднимался над своими удачами и подвидами. Он затушевывал их скромным: "Другой мог лучше меня это выполнить".

Так заявил он, когда его благодарили за спасение Боевого Знамени родной нашей 255-й бригады морской пехоты. Высадка десанта в Новороссийске получилась не совсем удачной. Подразделение разметало по берегу крутой волной, шквалом встречного огня с мощной немецкой обороны. Роты и просто группы бойцов действовали на разобщенных направлениях. А это все равно, что наносить удары растопыренными пальцами.

Барбелюк, каким-то седьмым чувством сумевший разобраться в ситуации, собрал разрозненные группки моряков и повел их вглубь вражеской обороны. Уничтожал огневые точки, ломая сопротивление, группа Барбелюка, общим числом около пятидесяти человек, пробилась к дому, который успели захватить морские пехотинцы и который чем-то особенно привлек внимание врага. Гитлеровцы беспорядочно атаковали засевших там бойцов, обстреливали из танков, минометов.

Проникнув к осажденным, лейтенант убедился в том, что ситуация здесь трагическая. В живых оставалось двое или трое воинов. Остальные погибли. В углу на древке стояло зачехленное Боевое Знамя. Барбелюк и его подчиненные взяли на себя ответственность за спасение святыни части. Пятеро суток сражались отважные. От первоначально сколоченной группы осталась лишь горсточка моряков. Израненные, обессиленные, они понимали, какая святая ответственность выпала на их долю. Барбелюк, раненный в обе ноги, пытался вынести Знамя, обернув его на груди. Очередная атака помешала этому. Спрятали святыню в печную трубу. Отбив вражескую попытку уничтожить поредевший гарнизон дома, морские пехотинцы решили пробиваться к своим. Не удалось. Они отражали атаку за атакой, теряли бойцов. К исходу пятых суток Барбелюк пошел на крайнюю меру: тщательно упаковав Знамя в брезент, он закопал драгоценный сверток в погреб, бросив гранаты, бойцы разрушили погреб.

В 18-й армии считали, что Знамя бригады потеряно. Судьба его была неизвестна. Утрата святыни — позор для части. Виновные подлежат суду. Когда матросы на плащ-палатке доставили к штабу бригады своего командира, и он, изнемогший от ран, обессиленный от голода, доложил начальству о том, что Знамя спасено, и когда Знамя извлекли из тайника и доставили в часть, то попросту решили умолчать о случившемся. Поскольку "ничего такого не было", то и награждать некого и, вроде бы не за что.

Оправившись от ран, лейтенант вновь оказался в котле вражеских событий. В последних числах октября 1943 года 322-й батальон морской пехоты, в котором служил Барбелюк, в течение нескольких суток преследовал гитлеровцев на Таманском полуострове и вышел к косе Чушка. Плескались глянцевитые в ночи волны пролива. На черной поверхности воды трепетали блики трассеров пролива. На черной поверхности воды пронизывал до костей. В ожидании плавсредств морские пехотинцы укрывались от него и осколков в воронках и ямах. Лежали, сидели, вслушиваясь в разрывы, доносившиеся с юго-западной стороны, где за проливом простиралась Крымская земля.

Оттуда, из туманного мрака, вдруг зачастили снаряды. Поступил приказ окопаться. Взялись бойцы за лопаты и... хоть отбрасывай их. Сверху грунт мерзлый, возьмешь на пару штыков в глубину — проступает вода.

Иссякало терпение так вот отсиживаться и отлеживаться на невзрачном берегу, зная, что у Керчи уже ведут бой части 56-й армии, сводный батальон 255-й бригады морской пехоты. Они, правда, вводят противника в заблуждение, отвлекают на себя часть его сил. Основной удар надлежит нанести нам, высадившись где-то севернее города.

Сколько можно терзаться безделием! Но приказа все нет. Наконец четвертого ноября батальон вышел к полуразрушенным причалам. Над проливом густой туман. В небе — непроницаемые тучи. Едва различные покачивались на волнах катера, сейнеры, мотоботы. Только после погрузки моряки узнали: десант идет в Еникале. Знал Барбелюк эти места, овеянные легендами. Помнил крепость, которая будто оседлала холм, чтоб взирать на окрестности.

Неприветливо встретили десантников и горохом рассыпанные по склонам высот домики, и сама крепость. Прерывчатые нити трассеров потянулись от них к судам и высаживавшимся матросам. Наша артиллерия из скрытого темнотой Таманского берега вела огонь по этим злым вспышкам.

Минометная рота капитана Ильина заняла позиции среди развалин. Ильин отправился на КП батальона, чтоб оттуда корректировать огонь. Старшим на батарее оставил Барбелюка. Связисты в считанные минуты проложили телефонную линию от минбатареи к КП батальона, и капитан Ильин сразу же передал координаты целей.

Туманный рассвет сменился хмурым осенним утром, пропитанным пороховым дымом, наполненным грохотом разрывов. Инстинктивно Алексей взглянул на небо. На малой высоте вдоль берега, занятого десантом, стремительно пронеслись немецкие самолеты, сбросив десятки бомб. В минроте — потери. Убит командир взвода, наводчик, заряжающий. Гитлеровцы тотчас после бомбежки бросили в атаку пехоту. Капитан Ильин все чаще менял прицельные данные, требовал вести беглый огонь, затем по его приказу минрота повзводно сменила огневые позиции. Барбелюк не видел того, что

делалось на передовой. Но судя по командам с КП, десантники отбили атаку противника, сами предприняли контратаку и продвинулись вперед.

Уже по нескольку человек выбыло из каждого взвода. Их нечем было заменить. Расчеты действовали в сокращенном составе.

В роту пробился начальник отдела "Смерщ" майор Тютюнников. Стал перевязывать раненых, уносить их в укрытие.

Гитлеровцы получили подкрепление и точас изменилась ситуация в расстановке сил. Наступление батальона застопорилось. Огонь со стороны противника усилился. Под его прикрытием автоматически подползли к позиции минбатарей. Минометчики отстреливались.

Барбелюк отбивался гранатами и в этой жестокой схватке память его опалил странный поступок матроса Девадзе. В каком-то исступлении он отбросил автомат и с ножом в одной руке, с гранатой в другой бросился на буквально опеших гитлеровцев. Замешательство противника было мгновенным и могло пройти. Тогда б матросу не сдобровать. Вести огонь по немцам возможности не было, поскольку среди них оказался наш воин. Находчивость проявил матрос Мирзоян. Ворвался в стихийно образовавшийся круг. Прикладом, короткими очередями уложил троих врагов. Еще минуту спустя кровавая схватка закончилась. Минрота выстояла. Опять повела огонь.

Тем временем заместитель командира 322-го ОБМП майор Г. Воронин, спасая критическое положение, поднял в атаку морских пехотинцев. Матрос Мироненко по ходу бросил гранаты. Вслед за разрывами моряки приблизились к окопам, в которых засели фашисты. Майор Тютюнников не утерпел. Охваченный общим порывом, ринулся вслед за цепью. В одном из окопов обнаружил двух гитлеровцев. Дал очередь. Враги подняли руки.

Барбелюк досадовал: в столь ответственный момент тяжело ему было оставаться на позиции. Поддержка наступающих огнем — дело важное. Да разве его сравнить с тем, что делали моряки, расширившие плацдарм!

Бои за Керчь оказались затяжными, шли с переменным успехом. К середине марта наши войска несколько продвинулись вперед. 322-й ОБМП очистил от врага пригород и занял оборону вдоль широкого канала. Мосты через него разрушены. Значит, придется преодолевать водную преграду на бревнах, досках, иных подручных средствах. Барбелюк с отвращением взирал на это препятствие, собравшее в себе, кажется, нечистоты со всего света. Прямо по фронту возвышалась гора Митридат, словно наспигованная орудиями убийства, уничтожения всего живого.

Минометную роту рассредоточили в полуразрушенных постройках. В подвале одного из домов Барбелюк обнаружил женщину с двумя детьми. Много видел лейтенант ужасного. Однако вид несчастного семейства заставил содрогнуться. Худые, грязные, в изорванной одежде, женщина и дети, вероятно, стали психически

ненормальными от пережитого. Пугались всех и каждого, дико отбивались от людей, желавших им помочь. Бойцы не могли сдерживать слез при виде столь острой человеческой трагедии. И лейтенант, мужественно терпевший физическую боль, страдальчески морщился от травмы моральной.

— Ладно, братцы, давайте готовиться, — горестно произнес Барбелюк и увел своих минометчиков, знавших, о какой подготовке напомнил командир. Шла подготовка к штурму Митридата.

В ночь с 10 на 11 апреля поступил приказ о наступлении. Комбат 322-го ОБМП Г. С. Бундюк приказал Барбелюку находиться на КП, вести огонь из минометов сосредоточенно и бегло, подавляя важные цели. Легче это сделать, когда у обороняющихся несколько огневых точек. А если их сотни? Зато и обрушился на них град снарядов, мин. С воздуха бомбила авиация.

После огневого налета морские пехотинцы двинулись в атаку. Минометчики прекратили обстрел. С командного пункта требовали вести огонь. Но как? Можно поразить своих. Они в непосредственной близости от пулеметных гнезд и прочих огневых точек противника. Очереди по наступающим не прекращались. Несколько матросов были сражены ими. Барбелюк, нервничая, злясь на вынужденное бездействие, забрал у раненого солдата гранаты, переполз улицу. Вражеский пулеметчик устроил на него настоящую охоту. К счастью, впереди тянулся низкий полуразрушенный заборчик. Благодаря этому какому-никакому прикрытию лейтенант сумел подползти к подвалу, откуда поливал свинцом проклятый пулемет. До амбразуры оставалось метров тридцать, когда гитлеровцы заметили смельчачка и стали обстреливать. Алексей притаился среди развалин. Что-то отвлекло внимание гитлеровцев. Барбелюк воспользовался паузой. Метнул гранату в амбразуру. Раздался взрыв, из подвала повалил дым. Бойцы ринулись в атаку. В тот день Митридат был взят. Барбелюк взобрался на вершину и долго всматривался в подернутые дымом и дымкой дали, в панораму города, сильно пострадавшего от бомбежек и обстрелов. Кое-где тянулись колонны пленных. В прокопченном небе сыло желтое солнце. Склоняясь к западу, оно словно торопило туда освободителей. К Алексею подошел Тютюнников:

— Давай, лейтенант, и тебя перевяжу. Вон кровь из рукава капает.

Барбелюк только теперь почувствовал боль.

— Зацепило, однако... Я и не заметил...

— Может, в медсанчасть пойдешь?

— Не стоит. Пустьак...

Молодой, по-мужски красивый, сильный, Алексей не скупясь, отдавал здоровье, энергию во имя Родины и Победы. Таким он пришел на фронт. Таким оставался, пока грохотали сражения на советской земле. Таким он прославил себя на территории Болгарии, затем Румынии.

В Болгарии жители звали его просто по имени: Алеша. По чистой ли случайности или в силу каких-то обстоятельств Барбелюк в первый же день нашего продвижения по болгарской земле обрел ореол спасителя, защитника местного населения. Близ села Стажер он, следуя с группой матросов в боковой походной заставе, обнаружил болгарских фашистов и жандармов, занятых грабежом. Барбелюк сориентировался в обстановке мгновенно. Отправил нескольких бойцов к окраине села, сам с остатками своей группы через сады с тыла подобрался к тяжелогруженным повозкам. На одной из них сидел связанный пожилой мужчина, у которого было не лицо, а, скорее, кровавая маска. Видно, что избивали человека жестоко, изощренно. Барбелюк разрезал веревки, освободил пленника. Метнулся к следующей повозке. Там тоже сцена, от которой дрогнет самое крепкое сердце: две девушки, привязанные спинами одна к другой. Обе истерзанные, избитые. Пожилой болгарин, тоже связанный, услышав русскую речь, закричал: "Русские братья, спасите!"

Освободив несчастных, Барбелюк и его подчиненные бросились вдогонку за убежавшими жандармами. Те начали отстреливаться. В короткой стычке некоторые из них были убиты. Трех матросов привели к повозкам. В это время сюда прибежало множество жителей села. Они с омерзением взирали на грабителей, набрасывались на них с кулаками и палками. Подоспели партизаны. Им Барбелюк и передал пленных.

Пожилой болгарин, только что избавленный от пут, низко поклонился Барбелюку, стал благодарить за спасение:

— Я, мои дочери, все мы будем молиться за тебя. Как зовут тебя?

— Алеша Барбелюк.

Возможно, трудно запоминаемой оказалась фамилия лейтенанта. Зато имя пошло гулять по земле болгарской. Особенно после назначения Барбелюка помощником коменданта города Варны. Комендантом был другой офицер, которого тоже уважали. Однако предпочтение отдавали полюбившемуся им Алеше. К нему обращались не только жители Варны. Приходили крестьяне из окрестных деревень и даже отдаленных сел. От имени командования Барбелюк организовывал помощь безлошадным крестьянам в обработке земли. В городе он открыл несколько пунктов питания, где из солдатских кухонь обнищавшие люди получали бесплатно обеды, хлеб. Болгары также не оставались в долгу. Приглашали наших солдат в гости, приносили в подразделения фрукты, виноград.

Майор в отставке Николай Яковлевич Тютюнников, бывший офицер "Смерш", приславший мне письмо, сообщает о таком случае:

"По долгу службы мне приходилось бывать в разных уголках Болгарии. В конце сентября 1944 года я со своими подчиненными возвращался из Пловдива в Варну. По пути в вагон к нам подсели несколько мужчин и женщин. Все они, бедно одетые, с мешками и котомками, смущенно поглядывали на нас, долго не решаясь вступить в разговор. Затем осмелели. Постепенно разговор обрел

нормальный характер. Попутчики рассказывали, что их сыновья и дочери были партизанами. Некоторые из них погибли от рук жандармов.

Я поинтересовался, куда они едут. Они чуть ли не все разом ответили: "В Варну едем. Люди говорят, там русский комендант Алеша помогает бедным болгарам, дает семенное зерно. Нам бы хоть немного получить, чтоб посеять".

Не хотелось разочаровывать болгар, сказав им, что комендантом в Варне капитан-лейтенант А. П. Коротких, офицер деятельный, отзывчивый на просьбы. Я просто объяснил, где находилась комендатура и кто такой Алеша Барбелюк. Думаю, заверил я болгар, с пустыми мешками от него не уедете. Попутчики наши повеселели..."

Учитывая такую популярность молодого офицера, командование 255-й бригады морской пехоты назначило лейтенанта Барбелюка ответственным за трофейные продуктовые склады. Уверенное в бескорыстии офицера, оно предоставило ему право распределять продукты питания среди нуждавшихся болгар. Если приезжие и обращались к "главному командиру"— начальнику гарнизона, их все-таки направляли к Алеше.

Завидная популярность ничуть не снизила боевых качеств Барбелюка. Он не то, чтоб был излишне подозрительным. Просто не забывал о бдительности. Хоть и по-доброму относились к советским воинам болгары, а затем и румыны, но где гарантия, что среди них не скрывался вмиг "перекрасившийся" фашист, затаившийся враг? Именно боевая настороженность в очередной раз выручила лейтенанта, когда наши подразделения прочесывали подозрительные места близ города Констанцы. По дорогам, ведущим в город, шли толпы беженцев, возвращавшихся домой, мчались машины, тянулись повозки. Даже ночью не прекращалось это движение. И надо же было в нем, в таком потоке, обратить внимание на обычную с виду крытую грузовую машину! Чем-то привлекла она внимание лейтенанта Барбелюка. Он поднял руку, предупредив своих разведчиков, чтоб остановились. Осветил фонариком автомашину. Затем оставил фонарик на земле, сам отпрянул в сторону и залег. Из кабины автомобиля по фонарику раздалась автоматная очередь. Ее тут же оборвала очередь барбелюковская. Машина остановилась, ударившись бампером о дерево на обочине. Из крытого брезентом кузова донеслись крики. Затем оттуда на землю стали прыгивать люди. Матросы бросились к машине. Обнаружили в кабине двоих убитых. В кузове находились двое немцев-конвоиров. Бывшие арестованные набросились на этих гестаповцев, обезоружили, стали избивать их и того, третьего, который ехал в кабине. Матрос Князев, понимавший по-румынски, переводил то, о чем поведали освобожденные. Оказалось, что за несколько дней до прихода войск нашей армии гестаповцы выловили в городе многих подпольщиков. Шестнадцать из них везли расстреливать.

За очередной свой подвиг Алексей, вне всякого сомнения, достоин был награды. Но командир батальона подполковник Г. С. Бундюк, раздраженный тем, что все представления на Барбелюка где-то застревают, остаются без ответа, лишь горько пошутил: "Я не румынский король. Наградить тебя за спасение румынских граждан не могу. А за проявленные бдительность, умелые действия и отвагу объявляю благодарностью".

— Служу Советскому Союзу! — по-уставному четко ответил лейтенант.

Он продолжал служить. Честно, добросовестно, можно сказать талантливо выполняя все боевые распоряжения и задачи. Только многократно раненный, он иногда вынужденно оставлял поле боя.

Возвратившись после войны в родной Фрунзе, он беззастенчиво отдавал себя делу военно-патриотического воспитания молодежи. Фронтальные раны и невзгоды сократили век отважного защитника Родины. Он ушел из жизни в ореоле славы, как истинный герой. Он и был героем, хотя Кремль упрямо отказывался узаконить это даже запоздалым указом. Кому-то не по нраву была правда о временной утрате Боевого Знамени 255-й бригады морской пехоты. Знамени, спасенном отважным офицером и горсткой подчиненных ему матросов.

ТРАГЕДИЯ КОМБАТА КУЗЬМИНА

Героическое не поддается старению. И нетленно оно! Хотя война с фашизмом для фронтовиков, их потомков, для всех послевоенных поколений становится далекой историей, что-то властно продолжает стучать в душу, будоражить ум, заставляет учащенно биться сердце. Время выветрило из памяти человечества наносное, отчасти даже скверное. Зато оставило ценности истинные, не подлежащие пересмотру.

Но почему обжигают память судьбы людей, безраздельно преданных Родине, круто опаленных несправедливостью при жизни, не поднятых на заслуженный пьедестал почета даже десятилетия спустя и даже после кончины не реабилитированных? Впрочем, о какой реабилитации можно вести речь, если никакой вины за ними не числилось. Чужая вина или ошибка грязным камнем пала на них, оскорбив, изувечив, придавив к земле.

Пишу об этом, имея в виду конкретного человека, героя, по личной моей убежденности. Ведь я знал этого офицера не один день. Такого же мнения о нем были очень и очень многие моряки, бойцы и командиры 255-й бригады морской пехоты. Речь идет о капитане 3-го ранга Олеге Ильиче Кузьмине, бывшем командире 142-го отдельного батальона морской пехоты.

Прекрасной отличительной чертой Кузьмина, как мне казалось, были его самостоятельность, оптимизм, неистребимая вера в справедливость, надежда на удачу. Таким мне виделся он, сын потомственного рабочего, подросток, скорее пацан еще, решительно

заявивший о желании получить образование. Отнюдь не роскошествовала семья и не могла урвать рубля из своего бюджета. Олег, надеясь лишь на себя, в 1930 году поступил в Ленинградское ФЗУ при заводе "Русский дизель". Два года спустя он завершил учебу, пришел в заводской цех. Проработал, правда, недолго: по спешному поручению его, физически крепкого, довольно начитанного, жадного к знаниям, направили в Высшее военно-морское училище там же, в городе на Неве. Он окончил его блестяще и готов был служить там, куда пошлют. Не послали. Оставили служить в родном училище. Должность солидная: командир курсантской роты. Его ценили как умелого воспитателя подчиненных, как грамотного моряка. Не случайно именно его в 1939 году отдали приказом, сделав ответственным за стажировку будущих моряков. С мая по пятнадцатое августа они под началом лейтенанта Кузьмина отработывали практически многие вопросы программы. И где? На легендарном крейсере "Аврора".

После авторитетная комиссия с удовлетворением отметит прочные навыки стажеров. Правительство, высоко оценив деятельность Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, наградила лучших командиров и преподавателей училища орденами и медалями. Ордена "Знак Почета" был удостоен Олег Ильич Кузьмин, самый молодой из когорты счастливицов.

Не успело сгладиться в сознании это радостное событие, как последовало другое. Решением правительства и Наркома Военно-Морского флота страны в Баку формировалось Каспийское высшее военно-морское училище. Кузьмин вместе со своими подопечными, второкурсниками, прибыл к новому месту службы. И опять замечены патриотический порыв молодого командира, его старание, эрудиция. Лейтенанта назначили заместителем начальника курса. В самый канун войны, в 1941-м, Кузьмин со своими курсантами "проходил практику" на боевых кораблях в Севастополе. Прозвучал набат Родины. Кузьмин рвался на боевой корабль. Кем угодно! Его отправили... в Астрахань. Учиться! Повышать квалификацию! Садиться за парту в момент, тяжкий для Родины? Кто-то властью приказа прервал учебу и откомандировал старшего лейтенанта в Ярославль формировать 142-й батальон морской пехоты.

Сюда, в древний русский город, отовсюду съезжались моряки. Многие — с боевым опытом, успев повоювать у стен Одессы, в Севастополе, на Балтике, под Ленинградом. Стекались сюда из госпиталей, призванные из запаса. Батальон готовился спешно, чтоб идти защищать Москву. Он не успел в это историческое сражение. Враг здесь потерпел поражение. Тогда для полного укомплектования по штату военного времени батальон отправили в распоряжение Новороссийской военно-морской базы.

Кузьмин был неутомим. Требовал, "выколачивал" кадры, вооружение, боевую технику. Очень переживал, что формирование батальона осуществлялось медленнее, чем хотелось бы. Не было за ним никакой вины в том промедлении, а совесть мучила. Он

изнывал от мысли, что "отсиживался в тылу" в то время, как героически сражался Севастополь, шли кровопролитные бои на всем протяжении фронта. Но фронт неумолимо приближался и к Новороссийску, и к Кабардинке, где комплектовались подразделения батальона. И вот, уже 142-й ОБМП, поднятый по тревоге, брошен в Мефодиевку, занял оборону в районе заградительного кордона, Адамовической балки и близ цемзавода на окраине Новороссийска. С 27 августа по пятое сентября батальон вел кровопролитные бои. Героически он отбивал атаки многократно превосходивших сил печально знаменитой 73-й пехотной егерской дивизии. Упорство, отвага и самоотверженность моряков не могли остаться незаметными для противника. Четыре раза фашисты прорывали оборону, удерживаемую поредевшими ротами и взводами. Четыре раза окружали они командный пункт батальона, и все, начиная от комбата Кузьмина, кончая связными, телефонистами, вступали даже в рукопашный бой. Забрасывали врага бутылками с зажигательной смесью, гранатами, отбивались прикладами, ножами.

Кузьмин переживал за третью роту, потерявшую большую часть личного состава и командира. Под командованием политрука Н. Нежнева она отбила дюжину атак и уже трое суток находилась в окружении. Помочь ей комбат не мог. Резерва у него не было.

Несмотря ни на что, выстояв, 142-й ОБМП получил новый рубеж обороны. Относительное затишье после одержимого натиска фашистских войск дало возможность батальону пополнить свои ряды, подготовиться к очередным схваткам. Скрытно подтянули резервы наши войска и сосредоточенными ударами с воздуха и с суши разгромили третью горно-стрелковую дивизию румынской армии. Потеряв тысячи солдат, боевую технику, военное имущество, вражеские войска откатывались назад. 142-й батальон продвинулся в ходе боев на полтора десятка километров. Он пленил политического советника главнокомандующего румынских войск генерала Антонеску и его окружение.

Многие воины 142-го ОБМП за подвиги были удостоены наград. Орден Боевого Красного Знамени засиял на груди капитан-лейтенанта О. Кузьмина. Наградили этим орденом и 255-ю бригаду морской пехоты. Ее, измотанную бесчисленными схватками, потерявшую большую часть личного состава, отвели с передовой в местечко Тонкий Мыс под Геленджиком. Она принимала пополнение. Интенсивно проводилось обучение молодых бойцов. Майор О. Кузьмин отдавал службе всего себя. Он полагал, что батальону очень скоро придется участвовать в десантных операциях. Поэтому на занятиях отрабатывались порядок посадки морских пехотинцев на плавсредства, высадка с них, захват плацдарма, тактика ведения боя на пересеченной местности. Кузьмин самолично водил десантников в учебные бои. Моряки с полной выкладкой бросались с судов в воду, атаковали оборонявшегося "противника", преодолевали

противодесантные и противотанковые заграждения. Все это в стремительном темпе.

Второго февраля 1943 года офицерам зачитали приказ. Из него явствовало, что десант в составе 255-й бригады морской пехоты во взаимодействии с 83-й бригадой и усиленный танковым батальоном должны были овладеть плацдармом в районе Южной Озерейки. В первом эшелоне действовал 142-й батальон. Его задача — захват плацдарма, очистка от противника кромки берега, что позволило бы осуществить высадку основных сил десанта.

На батальон Кузьмина, таким образом, выпала наиболее ответственная часть боевой операции. Комбат, уверенный в подчиненных, деятельно хлопотал о том, чтоб они в достатке были обеспечены боеприпасами, пайком, перевязочными материалами. Восьмого февраля он ничем не выдавал внешне своего состояния. Крепкий, подтянутый, спокойно обошел строй. Изредка бросал взгляды в направлении далекого берега, скрытого ночной темнотой, на небо, по которому ветер гнал тяжелые тучи. Море штормило. Глухо бились волны о причал. Покачивались на них катера и болидеры. Наконец команда — грузиться на плавсредства. Заскрипели трапы под ногами бойцов. Глухо застучали каблучки о палубы. Именно в этот момент погрузки, когда нервы на пределе, подбежал к майору щеголеватый офицер. Кузьмина поразил его вид, никак не соответствовавший обстановке. Ни оружия, ни "сидора", под завязку набитому. Вон как под ними ступулились даже самые крепкие бойцы.

Казалось, какая-то внутренняя пружина выскочила из ограничителей, и комбат, обычно сдержанный, мягкий в обращении, вспылжил:

— Ты что, лейтенант, к теще в гости собрался?! Как воевать думаешь?

Опалил гневным взором новичка с ног до головы, но увидев на его груди медаль "За отвагу", смягчился. Значит, не салага выпускник офицерских курсов, успел повоевать. Возможно, что-то помешало парню прихватить все необходимое в походе.

— Ладно, — произнес, отходя сердцем. — Повтори, кто ты, откуда.

— Лейтенант Солодкин. Прибыл для дальнейшего прохождения службы...

— Иди на последний катер. Примешь там взвод и будешь командовать. Передай старшине, чтоб обмундирование тебе срочно подыскал, вооружись, как подобает.

Олег Ильич за какой-нибудь час до начала погрузки на суда вернулся с совещания для узкого круга командиров — участников десанта. Дважды на совещании было повторено, что противник не подозревает о предпринимаемой операции. Следовательно, не сможет оказать организованного сопротивления. Кузьмина так и подмывало тогда спросить, откуда, мол, такая уверенность. Но к

чему вопросы, если план десантной операции разработан, утвержден? Да ведь и самый лучший план не всегда осуществим в боевой ситуации. Вот эту непогоду к плану не пристегнешь. Море, все сильнее штормившее, раздражало. Глаза комбата, привыкшие к темноте, искали, выхватывали из сгрудившихся на катере моряков то одного, то другого. Он подбадривал бойцов, которым, по его мнению, не доставало закалки, повторял, как действовать при высадке на берег. Отважному своему заместителю, начальнику штаба Николаю Серебрякову не приказал даже, а попросил:

—Коля, растолкуй-ка хлопцам еще раз боевую задачу.

Замполит майор Эдельвани, убежденный в непреходящей значимости суворовского "Каждый солдат знай свой маневр", вместе со взводными уточнил воинам порядок действий.

Корабли, выбрав якоря, заняли свои места в кильватере для похода. Поеживаясь от холодного северо-восточного ветра и нудного дождя, комбат тщательно пытался разглядеть берег у Южной Озерейки. Как встретит он десантников? В сознании майора теплилась надежда на удачу. Он верил в своих подчиненных, в их выучку, физическую закалку. Верил в свою счастливую звезду, в спасительную любовь жены Любови Васильевны, детей Бориса и Людочки, оставшихся в Баку. Его, утомленного хлопотами за последние сутки, словно убавкивало штормившее море.

Вдруг вспыхнули прожектора на ничем не выдававшем себя берегу. Осветительные ракеты зависли над кораблями. Мощная артиллерийская канонада встретила десант. "Куда же смотрела разведка?!" Мелькнуло отчаянно-горькое и возмущенное в мозгу Кузьмина. Огонь бушевал на болидерах, доставивших танки. Пламя охватило еще некоторые суда. Запоздало и в каком-то отчаянии ударили орудия крейсеров и эсминцев.

Кузьмин приказал своему батальону прыгать в воду, выбираться на берег, отвоевывать его у гитлеровцев. Вода и сам берег словно кипели от взрывов снарядов, мин. Надежда на группу захвата исчезла. Морские пехотинцы подразделения капитана второго ранга Шацкого частью сгорели на объятых пламенем катерах, частью погибли в морской пучине.

Выбравшись на берег, комбат повел своих пехотинцев на штурм вражеской обороны. Десантники подавили множество огневых точек, уничтожили десятки врагов. Заняв позицию, укрепившись, ждали вторую волну десанта, которая бы развила успех. Но что это? Подкрепления батальон не получил. Кузьмин обеспокоенно глядел на догоравшие болиндеры с пылавшими на них танками, на исчезающую в ночи поредевшую эскадру. Санинструктор Люба Гапонова тщательно бинтовала ему голову, и он морщась от боли, проклиная "случайную пулю", едва не уложившую его еще в воде, торопливо перестраивал план действий, казавшийся четким, выверенным и вдруг ставший непригодным.

Несмотря ни на что, Кузьмин повел батальон к Южной Озерейке. Весь день десантники вели бои, пробиваясь к селу.

Выполнив эту задачу, стали пробиваться к Глебовке. У комбата ни связи, ни резервов, ни боеприпасов. Моряки использовали трофейное оружие. Его также не доставало. На четвертые сутки остатки батальона были окружены в районе Глебовки и не могли пробиться сквозь плотное кольцо частей немецкой гренадерской стрелковой дивизии.

Еще одна пуля ужалила комбата. Он нашел в себе силы собрать оставшихся моряков, повести их на прорыв из окружения. В этом решающем бою Кузьмина в третий раз ранило и тяжело контузило. В бессознательном состоянии, с отмороженными ногами он и еще несколько таких, не способных передвигаться, попали в плен.

Начало трагедии не стало ее концом. Лагерь для военнопленных под Херсоном. Раны. Голод. Унижения. Заболевание тифом... Ничто не сломило воли офицера. О стойкости, духовной чистоте патриота уже после войны поведают в своих воспоминаниях бывшие врачи С. Волкорез и З. Сотская, которым выпало работать в лагере. Медики помогли многим военнопленным. Одним из счастливчиков был Олег Ильич. Едва он начал поправляться, как вместе с другими гитлеровцы отправили его в Германию. Кузьмин в пути бежал из эшелона. С огромным трудом добрался он до брянских лесов, был принят в партизанский отряд. Оттуда ему удалось переслать записку жене: "...Добился вновь своей свободы. 2 сентября мне удалось бежать из плена и соединиться с партизанами. Сейчас нахожусь с ними. Мечтаю возвратиться на флот. Попал я в плен раненым, с отмороженными ногами на десятые сутки после десанта. Остается рассказать моему командованию о тех событиях, которые я пережил со своими товарищами".

Он "рассказывал командованию". Конкретно — офицерам "Смерш". В этих органах не принято было принимать на веру сказанное, многократно повторенное. Олега Ильича проверяли долго и тщательно, посылая запросы, уточняя, перепроверяя. Наконец, вроде бы, все утряслось. И хотя комбат Кузьмин рвался на фронт, его направили в армейский запасной полк, по случайному совпадению тоже 142-й, как и батальон, которым командовал майор. Направить направили, но в воинском звании не восстановили, в чем Олег Ильич видел свое бесчестье. Не восстанавливали его и в партии, хотя вины своей перед ней он не видел. Олег Ильич, выхлопотав разрешение, ездил в Москву. Нечто трагическое, черной тенью повисшее над ним, не развеивалось, не исчезало. Судьба боевого офицера, в силу создавшихся обстоятельств попавшего в плен, перестала интересовать больших и малых начальников. А те, кого она многие годы волновала, в ответ на свои запросы получали справки из Центрального архивного управления Министерства Обороны СССР. В них сообщалось, что Кузьмин Олег Ильич прибыл в 142-й армейский запасной стрелковый полк приказом № 267 от 5 октября 1943 года. Отметки о выбытии нет. Хотя полк в декабре был расформирован. Следы боевого комбата затерялись. Лишь песня

о нем жила в 255-й бригаде морской пехоты. Ее пели даже те, кто влился в ее ряды позже и не знал Кузьмина:

Под взрывы бомб, снарядов, мин
Свистели пули-лиходейки.
Вел за собой комбат Кузьмин
Десант у Южной Озерейки...

Убежденность ветеранов в нравственной чистоте комбата, его верности военной присяге наполняла чувством гордости сердца молодых моряков. Лично меня глубоко потрясла судьба отважного и умного командира. Известная поговорка о том, что даже свадьба без дурака не обходится, оправдывала головотяпство и черствость отдельных чинуш времен войны. Но легче от этого сравнения не становилось.

ПЯТНАДЦАТЬ ПРЕЗРЕВШИХ СМЕРТЬ

Возможно, и неправ я, считая, что глаза А. П. Солодкого и до сей поры полны печали. Но, думаю, простит меня за это Алексей Павлович, дорогой и славный мой собрат по 255-й бригаде морской пехоты. Мы встречались на Малой Земле и потом много лет спустя после войны. И мне казалось, что боль огромной беды, пережитой Солодким после десантной операции в районе Южной Озерейки, до сих пор не дает ему покоя. Он страдал по тем, кто пал в боях, кого, пробываясь из окружения, не довел до "спасительной пристани", печально знаменитого Мысхако. Страдал, гневно обличая в душе виновников скверно подготовленной, а потому заведомо обреченной на провал боевой операции. Назначенный, как и я, командиром пулеметного взвода, он и покомандовать им не успел. Еще на катере снарядом уничтожило одного из его расчетов. При высадке взвод также понес потери.

Кадровый моряк, Солодкий отличался особой, внутренней, что ли, организованностью, способностью действовать, сообразуясь с обстановкой, не боясь дополнительных обязанностей и ответственности.

Называю Алексея кадровым моряком, хотя он, парубок из глубинки Полтавской области, до призыва на действительную и моря не видел. В 1936 году призвали его на действительную. И он до 1941 года служил на кораблях Черноморского флота командором, старшиной, главстаршиной на эсминце "Смышленом". С первых дней войны — на передовой. Командир пулеметного отделения, взвода в отряде морской пехоты, оборонявшем Одессу.

Как и тысячи других бойцов, он испил горькую чашу отступлений. Послужной список его во фронтовой период на редкость велик. Старшина батареи, командир взвода морской пехоты, командир батареи в 79-й бригаде морской пехоты... Оборона Севастополя. Солодкий, уже лейтенант, отличается в боях, отмечен

наградой и мечен пулями. С июля по сентябрь 1942 года лечился в госпиталях. Затем опять передовая. И вновь фронтовая судьба, будто играючи, швыряла его из одного места на другое. Вот он, лейтенант, командует взводом ПТР в отдельном армейском противотанковом батальоне. Вот сражается в Сталинграде. Вот возвращен в родную стихию: назначен командиром пулеметного взвода в 142-й батальон 255-й бригады морской пехоты. Южная Озерейка. Затем двухмесячной протяженности лечение в госпитале.

Поправившись, он рвался в родную бригаду. Начальники распорядились им по собственному усмотрению. Назначили многоопытного лейтенанта командиром отдельной штрафной роты, которую бросали в самые трудные места сражений. Оттуда она всякий раз выходила поредевшей.

Видно счастье порхало за плечами лейтенанта, нет уже старшего лейтенанта Солодкого. Водил роту в бой, терял солдат при выполнении поставленных задач и удивлялся тому, что из свинцовой круговерти выходил живым-здоровым.

Умением воевать обратил на себя внимание начальства. Назначили его сначала командиром стрелковой роты, некоторое время спустя — командиром отдельной разведроты. На этой должности он и очередное звание получил и очередное тяжелое ранение, которое аж на три месяца приковало его к госпитальной койке. Там, в палате, его застала радостная весть об окончании войны с фашистской Германией. Там же узнал он об эшелонах с войсками и техникой, мчавшихся на Дальний Восток. Поправившись, получил новое назначение: высокую и страшно ответственную должность командира отдельного разведывательного батальона, которому надлежало выполнять боевые задачи на совсем ином театре военных действий.

В соответствии с предписанием Алексей Павлович убыл на Забайкальский фронт. Моряк стал сухопутчиком. Не плески крутых черноморских волн убаюкивали его отныне, не качка штормящего моря вытрясала душу, а солью пропитанные сыпучие барханы Гобийской пустыни изматывали неокрепшее после ранений тело. Он стойко перенес испытания. За фронтовую удачу, командирскую сметку он был удостоен ордена Красной Звезды. Но из всех тягот и невзгод самой болезненной для него оказалась южноозерейская трагедия. Та самая, которая погубила более тысячи прекрасных бойцов. Прислав недавно мне письмо, Алексей Павлович опять делился этой неизлечимой болью. Читая бередящие душу строчки, я как бы вновь окунулся в события хмурого февральского дня 1943-го, увидел щеголеватого лейтенанта, представшего перед комбатом Кузьминым и услышавшего гневное из уст всеми уважаемого Олега Ильича:

— Ты что, лейтенант, к теще в гости собрался?!

Откуда было знать командиру 142-го батальона морской пехоты, что лейтенант Солодкий только-только прибыл в 255-ю бригаду. Времени на подготовку к походу у него не было.

Алексей буквально на ходу принял пулеметный взвод. С личным составом знакомился наспех. Обмундирование для взводного старшина собирал буквально с бору по сосенке: у одного нашлись лишние брюки, у другого — сапоги. В сумерках лейтенант не разглядел даже как следует лиц своих подчиненных. Поэтому при десантировании, да еще под шквалом вражеского огня, не сразу собрал свой взвод. Хорошо еще на старшину в темноте наткнулся. Радость от встречи омрачил доклад старшины о том, что несколько бойцов погибли, пошли ко дну два пулемета, большая часть боеприпасов.

Лейтенант рассредоточил расчеты по берегу. Под огнем пулеметов десантники, выползая из воды на сушу, могли осмотреться, занять позиции. Ими никто не командовал. Солодкий сколотил группу, которая несколько минут спустя решительно отбила атаку противника. В этом скоротечном, но динамичном бою погиб один из пулеметных расчетов. Погиб и старшина, на которого мог опираться Солодкий, поскольку тот хорошо знал бойцов подразделения.

Группа Солодкого оказалась изолированной от основных сил батальона. Более суток вела она бой с превосходящими силами противника. На исходе были боеприпасы. В строю оставалось пятнадцать человек. Солодкий решил забрать тяжелораненых (их было четверо) и ночами пробиваться к десанникам майора Куникова, сражавшихся на Мысхако. Днем гитлеровцы могли быстро смять горстку страшно утомленных, изголодавшихся и обмороженных моряков.

На вторые сутки в короткой, но жестокой стычке с врагом группа потеряла троих бойцов. Гитлеровцы выслеживали остатки разрозненных подразделений. Днем в небе барражировали немецкие самолеты. Пришлось еще больше соблюдать осторожность, ничем не выдавая своего местонахождения. Воинам нечего было есть. Питались кореньями, корой деревьев. Алексей Павлович печально взирал на товарищей по несчастью. Обросшие щетиной ввалившиеся щеки, водянистые отеки под глазами, растрескавшиеся до крови губы, опухшие ноги... Сам лейтенант ранен, голова кружилась от потери крови и общей слабости. Нечего было и думать такими силами и при таком состоянии людей ввязываться в бой, чтоб пробиться к своим. А там, у Новороссийска, все грохотало, ходуном ходила земля. Гитлеровцы предпринимали попытку за попыткой, норовя сбросить десантников с Малоземельского плацдарма. Солодкому и его товарищам невозможно было отыскать лазейку к своим: вражеские подразделения густо облепили передний край своей обороны.

В группе Солодкого осталось только шестеро бойцов. Не было сил и возможности идти. Они ползли, просачиваясь сквозь боевые порядки гитлеровцев. Пуля настигла одного из них. Пятеро продолжают путь к своим. Взрыв мины. Все помечены осколками. Лейтенант ранен вторично. Еще один взрыв. В живых осталось

трос. У лейтенанта кровоточит еще одна рана. Бинтов нет. Раны забиваются пылью, грязью. До чистоты ли теперь, здесь, на нейтральной полосе! До своих рукой подать. Но черно-сизый султан взрыва опрокидывает навзничь ближайшего к Алексею Павловичу моряка. Тяжелый осколок вспорол бок лейтенанта, опалил внутренности. Невольный страдальческий крик, просьба о помощи привлекли внимание оборонявшихся. Десантники бросились на выручку. Втащили в траншею лейтенанта и матроса, едва способного шевелить губами, терявшего сознание.

— Николай, Николай! — склонился над ним Солодкий. Страдая от трех тяжелых ран, он сочувствовал матросу, которому при последнем взрыве перебило ноги. В тот же день отважных моряков, презревших смерть и почти десять суток пробывавшихся к своим, отправили в госпиталь. Только один из них, лейтенант Солодкий, остался в живых.

После госпиталя он вернулся в 255-ю бригаду морской пехоты. Но, зачисленный в 14-й батальон, повоевал недолго. Еще одно тяжелое ранение. Опять долгое и мучительно надоедавшее лечение, ради жизни, ради того, чтоб встать в строй бойцов.

ПОДВИГ, ДЛЯЩИЙСЯ ПОЛУВЕКА

Есть подвиги мгновенные и яркие, как вспышка. В критический момент бросился солдат со связками гранат под гусеницы танка, на клочущую огнем амбразуру дота. Грудью прикрыл в бою командира, ценой собственной жизни защитив его от вражеской пули. Летчик, израсходовав боекомплект, таранил в небе фашистский самолет... Но есть подвиги, растянувшиеся на годы, десятилетия, вроде бы не отмеченные наградами и тем не менее достойные почтения. По своей человеческой значимости, моральной чистоте и величию они не уступают героическим поступкам.

Подвиг, который занимает по времени более полувека и, к счастью, продолжается, принадлежит простой узбекской женщине, фронтовой медсестре. Раненые в медсанбате ласково называли ее сестрой милосердной. Именно так: не сестрой милосердия, а сестрой милосердной. Преднамеренное искажение слова, вошедшего в армейский лексикон чуть ли не со времен Крымской войны 1853-1856 годов, объясняли просто. Сестра милосердия — должность. Не все эти сестры бывали по-настоящему милосердны. Юная в ту пору Мавжуда Самадова милосердна и по должности, и по характеру своему. Такой она была в 1943-м, когда попала во фронтовой госпиталь. Такой осталась и поныне, хотя в первый послевоенный год, сняв солдатскую шинель, сменила профессию медика на другую, стала школьной учительницей.

...Глядя на эту седовласую улыбчивую и приветливую женщину с ветеранским значком на скромном платье, трудно поверить, что за плечами ее и неласковое детство, и юность, опаленная войной, и богатая событиями трудовая биография, и череда невзгод, и

отчаянная борьба за жизнь любимого человека, и кропотливое воспитание детей, и нескончаемая общественная работа.

Мавжуда Самадова — коренная жительница Ташкента. Детство ее прошло в одном из древнейших уголков города — на Шейхантауре. Отец, Абдусамад, простой рабочий, умер совсем молодым. Мать, Тохтахон, овдовев в двадцать семь лет, нашла в себе силы поднять, поставить на ноги всех шестерых детей. И подняла, не чураясь никакой работы, пуская в дом квартирантов. Одаренная природой педагогическим талантом, житейской мудростью, она сумела создать в семье атмосферу доброжелательности, заботы друг о друге, трудолюбия. Семья Абдусамадовых (Самадовых), под стать благодатному питомнику, взрастила у детей задатки нравственной чистоты, трудолюбия, жажду знаний, высокого чувства гражданственности. Два старших брата Мавжуды обрели авторитет, много лет проработав в Ташкентском авиационном производственном объединении имени Чкалова. Доброй славой укрепил честь семьи брат Мавжуды Манон, у которого еще в раннем детстве проявилась страсть к рисованию. Теперь Манон Абдусаматов человек в республике известный. Он заслуженный работник искусств Узбекистана. Полезными обществу людьми оказались и сестры. Максуда сорок семь лет проработала в системе соцобеспечения. Мухизода трудится на фабрике художественных изделий. Признанный мастер кисти, она создала не один подлинный шедевр.

Вот в какой среде происходило формирование личности нашей героини. Она сама с детства отличалась настойчивостью, целеустремленностью. Почему-то решила, что ей непременно надо учиться в русской школе. Убедила мать, и та отвела первоклассницу в 145-ю школу. Мавжуда училась прилежно. В 1941-м, когда в школе был размещен военный госпиталь, ученики стали шефствовать над ранеными. Ежедневно приходила сюда и Мавжуда. Что делали? Писали письма по просьбе безруких или прикованных тяжелым недугом к постелям. Читали письма, газеты лишившимся зрения. Устраивали концерты художественной самодеятельности. Дежурили в палатах.

Словом, помогали раненым. А в мозгу неотступное, бередящее душу: "Разве это настоящая помощь фронту?" Подруга Мавжуды Углай Мусаева однажды не справилась с этой тревогой:

— Пойдемте в военкомат. Пусть нас призовут в армию, отправят на фронт.

— Молодец, Углай! — подхватила Мавжуда.

Почти всем классом отправились в райвоенкомат. Там охладил пыл юных: малы вы, дескать, подрастаете, шестнадцатилетних в солдатский строй не поставишь.

Шестнадцатилетние... Неужели так и сидеть сложа руки?! Мавжуда и Углай отправились в Ташкентский мединститут, узнав, что там открылись курсы медсестер. Их приняли. Не бросая школу, девушки аккуратно посещали занятия. Программу осилили успешно. И опять — в райвоенкомат. На этот раз "дипломированным

медсестрам" не отказали. Но в пору было удивиться: девушек-добровольцев оказалось много. Русские, узбечки, еврейки, татарки, представительницы других национальностей, они жили одной мечтой — встать в армейский строй, попасть на фронт.

Семнадцать патриотов из Ташкента отправили в Ростов-на-Дону, где как раз шли тяжелые бои. Медсестра Мавжуда Самадова получила предписание прибыть в загадочный АГЛР 18/15. Кадровик расшифровал: армейский госпиталь легкораненых. Назначение несколько разочаровало Мавжуду. Школьницей ухаживала за тяжелоранеными, а здесь направляют обслуживать легкораненых? Но уже в первый день осознала свою неправоту. АГЛР находился совсем недалеко от передовой. Попадали сюда те, кого поцарапало осколками, задело пулей, контузило. Несколько дней лечения, и боец возвращался в строй. Но частенько доставляли в госпиталь и тяжелораненых.

Госпиталь попадал под обстрелы и бомбежки, нес потери. После каждого боя он принимал множество раненых. Медики трудились большую часть суток. Мавжуда иной раз со счета сбивалась, не могла припомнить, сколько сделала перевязок, уколов, наложила шин, сколько раненых перенесла с операционного стола на койки. Небольшого росточка, хрупкая с виду, она удивляла подруг выносливостью. Однажды, к сожалению, и ее молодой организм не вынес перегрузок. Случилось это под Таганрогом. Снимала с грузовика тяжелораненого бойца, поднатужилась и повалилась от дикой боли. Приступ аппендицита. Прооперировали. Потом долго лечили в Ростовском госпитале. Выписавшись из него, не попала в родную свою 28-ю армию.

Теперь довелось служить в Крыму, в медсанбате. Бои грохотали лютые, кровопролитные. Скольких жизней стоил один только штурм легендарной Сапун-горы, прикрывающей подступы к Севастополю. Медсанбат располагался в низине, в глубокой балке. Но и здесь земля подрагивала от взрывов. Поток раненых был нескончаем. Мавжуда сама выволокла на шинели одного из-под огня. Отдышаться не успела, пот с лица отереть сил не было. А тут приказано срочно прибыть в штаб полка. Опять — под огонь, под пули. Где ползком, где перебежками добралась до штаба. Начальник штаба, немногословный, донельзя уставший, весь ушедший в дела, коротко распорядился:

— Окажите помощь. Лично отвечаете за жизнь капитана Мухамеджанова.

Обмерла Мавжуда, увидев раненого, распростертого на плащ-палатке. Пулей выбит правый глаз. Нос, рот, уши забиты землей...

— Миной капитана накрыло, — объяснял солдат, доставивший раненого заместителя командира батальона.

Мавжуда торопливо обрабатывала рану, освобождала дыхательные пути от грязи. Из медсанбата ее отправили сопровождать раненого в Севастополь. Там, в госпитале, прооперировали капи-

тана, вынули деформированную немецкую пулю, застрявшую в кости и благодаря этому не выбившую левый глаз.

Хирург, мудрый и заботливый человек, признался:

— Жаль капитана. Молодой. Каково ему остаться без зрения?!

— Как?! Левый глаз у него цел! — запротестовала Мавжуда.

— Ошибаетесь. Он тоже поврежден. Единственно кто мог бы хоть частично спасти зрение — академик Филатов. А он со своим институтом в Ташкенте.

Честь и хвала тому фронтовому хирургу. Настоял он на отправке капитана Мухамеджанова в Ташкент. Сопровождающей назначили Мавжуду Самадову. Вниманием, заботой покорила сестра милосердия своего пациента. Испытав многие невзгоды дальней дороги, она все-таки благополучно доставила раненого в институт знаменитого глазника. Сама присутствовала на операции. Счастлива была, узнав, что ее Ахмед увидит белый свет. Пусть самую малость, но зрение удалось спасти.

Ее Ахмед... Обогретый сердечной лаской миловидной сестры милосердия, капитан признался ей в любви. Мавжуда тоже успела проникнуться к нему возвышенным чувством. Кроме того, ее страшила судьба этого молодого еще мужчины родом из Коканда, инвалида первой группы, по воле злосчастной судьбы оказавшегося вдруг совершенно одиноким. Отца его убили басмачи. Единственный брат пропал на фронте без вести.

Потянулось сердце к сердцу. И мать не отговаривала Мавжуду от брака, хотя понимала, какое бремя ответственности брала на свои плечи ее совсем юная дочь, только что демобилизованная из армий. Бремя ответственности оказалось действительно великим. Причем, на года, на всю жизнь. Время от времени напоминали о себе фронтовику раны. Бывшая медсестра ночей недосыпала, ухаживала за мужем, искалеченным войной. Но не сетовала на судьбу. Напротив, радовалась тому, что встретила на своем пути человека достойного, волевого, искренне любящего. Мавжуда Самадова не скрывала от родных и окружающих того, что по-своему счастлива. Семья ее оказалась крепкой. Дети с почтением относились к отцу и к ней. Родители воспитывали сыновей Анвара и Акмаля. Возможно, не столько требовательность и доброе слово влияли на мальчишек, сколько пример старших. Пример настойчивости, трудолюбия. Разве не могла не восхитить подростков несломленная воля Ахмеда Мухамеджанова. Он, работавший до войны агрономом, все еще надеялся на улучшение зрения и пытался читать литературу по специальности. О матери, делившей сутки между семьей и работой, говорить излишне. Поступила в Кокандский женский пединститут, на факультет русского языка и литературы. Бог весть, когда успевала вести домашнее хозяйство, добывать лекарства для мужа, ухаживать за ним и преподавать в школе. Нагрузка огромная. И не один день. Сорок три года педагогического стажа у Мавжуды Саидовны Самадовой. Тысячи детишек прошли через ее руки, вернее, через ум и сердце.

Попадались и "трудные" мальчишки да и девчонки тоже. В таких случаях обычно учителя идут к родителям жаловаться на непослушных. У Мавжуды Саидовны чаще всего происходило обратное. Приходили отцы и матери учеников. Просили: "Поговорите с моим сыном (или дочерью). Он (она) только вас слушает". И говорила учительница, беседовала по душам. И менял мальчишка или девчонка свое поведение к лучшему.

Самадова, педагог по призванию и образованию, отличник народного образования. Ей было присвоено почетное звание заслуженной учительницы Республики Узбекистан. К фронтовым наградам прибавились орден Трудового Красного Знамени и медаль "За доблестный труд". Труд заслуженной учительницы отмечен и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекистана.

Однако высшим признанием авторитета учительницы можно считать доверие тысяч земляков. Дважды Мавжуда Саидовна избиралась в Верховный Совет Союза ССР. Была народным депутатом Верховного Совета девятого и десятого созывов, работала в комиссии по иностранным делам. В составе парламентской группы выезжала за рубеж. Проявляла упорство, настойчивость, выполняя наказания избирателей.

К ней и теперь по привычке обращаются жители махалли за содействием и помощью. И она, жена, мать, бабушка, не отказывает. Общественная работа стала частью ее жизни. Как член Совета ветеранов своего района посещает фронтовиков, утративших здоровье, встречается со школьниками, с допризывной молодежью. По-прежнему она заботливая сиделка у мужа — инвалида первой группы, которым гордится:

— Знаете, он был отважным воином. У него ордена, более десятка медалей. Главное, он человек сильной воли. Борется с болезнью...

Борется Мавжуда Саидовна с недугами мужа (да и со своими) каждодневно. Обзванивает аптеки, добывает лекарства где придется. Так вот уже более полувска. Это ли не подвиг женщины, одаренной щедрым сердцем, поистине милосердной!!!

...Как-то в порыве откровенности она доверительно поделилась своей грустью.

— Юбилей у нас прошел так скромно... Мечтали с мужем золотую свадьбу справить. Пятьдесят лет прошло, как поженились. Но подсчитали, во сколько выльется застолье при нынешних бешеных ценах, и решили: скромной была свадьба, еще скромнее — юбилей, наших пенсий и сбережений не хватит на торжество.

Добродушным смехом отогнала седовласая моя собеседница пожившуюся было грустинку.

— Ничего. Дождемся лучших времен!

**В РОДИМЫЙ КРАЙ ДОЗОРОМ
СЕРДЦЕ ВЫСЛАНО**

Ласковую весну 1945-го, весну Победы нашей над ненавистным фашизмом, мы встретили на живописной австрийской земле, не познавшей ужасов, которые испытали белорусские, украинские, российские города, села, деревни. Город Мариацель, зеленый, уютный, чистый, который нам пришлось брать с боем, и то особенно не пострадал. Советским войскам был дан приказ щадить то прекрасное, чем гордится мировая культура. Щадить великолепные шедевры зодчества, архитектуры. Одиннадцатого апреля, после штурма и взятия города, наш полк был оставлен в нем "для поддержания порядка и отражения нападения разрозненных банд гитлеровцев". Так гласил приказ.

Разрозненных банд мы пока не встречали. То ли их не было вовсе окрест города, то ли затаились. Офицеры квартировали в домах местных жителей и поначалу спали по очереди. Ничего подозрительного никто из нас не замечал. Хозяева относились к нам доброжелательно. Были предупредительны, гостеприимны, гневно отзывались о фашизме. Меня приказом по гарнизону назначили начальником контрольно-пропускного пункта. Представления не имея об этой должности, круге своих обязанностей, я пытался выяснить это у командира полка, начальника штаба. Оба ответили примерно так: "Жизнь подскажет, что делать".

Жизнь подсказала не лучшим образом: несколько дней спустя после подписания поверженной фашистской Германией акта о капитуляции, когда мир ликовал, празднуя победу, в отдаленных уголках Австрии еще продолжались стычки с отребьем гитлеровских войск. В Мариацель доходили только отзвуки тех боев. К нам попадали раненые, пленные. А так обстановка такая, что хоть усиленные караулы отменять, от патрулирования на улицах отказаться.

Вдруг беда: утром на своей квартире были обнаружены убитыми лейтенант Свиринов и старшина Маляк. Хозяева не могли объяснить,

как это произошло. На следующий день новые жертвы. Ни шума, ни выстрелов никто не слышал.

Мне указание: быть бдительнее. Строже следить за каждым, кто входит в город. Уследишь тут! Из плена, концлагерей в родные места возвращались сотни людей. Кто мог сказать определенно, что в этот поток не затесался переодетый фашист?! Но мне покоя не давал краснокаменный замок, памятник старины, воздвигнутый на крутояре. В стороне от него возвышались стены монастыря, тоже краснокаменные, местами поросшие зеленоватым мхом. Ворота монастыря, кажется, вообще не открывались, и наши разведчики склонны были утверждать, что монахи невинны и тихие как овечки.

Тем не менее, наблюдение за этими объектами продолжалось. А полк продолжал нести потери. Бандиты оставались неуловимыми. Подозревать хозяев в соучастии мы не могли. Никаких свидетельств не было.

Мы с военфельдшером сменили квартиру на более, как нам казалось, надежную. Впрочем, дом чем-то походил на прежний, только поближе к центру города. Одна дверь выходила на улицу, по которой постоянно патрулировали наши солдаты. Вторая дверь, застекленная, выходила в сад, тянувшийся к склону горы. Мы забили ее гвоздями, придвинули к ней мебель. Спали по очереди. На вторую или третью ночь после вселения меня разбудил Авдошин и предупредил: "Послушай". За дверью кто-то возился. И не один. Не сумев открыть дверь, они бесшумно выставили стекло. Тут их встретила пулеметная очередь.

Раздался глухой звук упавшего тела, стоны, топот убегавших.

Мы с Авдошиным прикладами выбили дверь, выскочили в сад, открыли стрельбу. Патрули примчались мигом. Похвалили:

— Хорошо вы их. Один убит, двое раненых.

Командир батальона майор Дудко тоже одобрил:

— Думаю, раненые скажут, кто здесь занимается разбоем и где скрывается.

Однако допросы раненых пленников и усиленное наблюдение за монастырем и замком в течение нескольких суток ничего не дали. Только случай помог раскрыть гнездо, приютившее фашистское отребье. Разведчики задержали четверых смиренных монахов, вышедших из монастыря. Капитан Нскряч на свой риск приказал обыскать их. Когда у них обнаружили оружие, монастырь стал для нас еще подозрительнее. Через потайной вход нашим бойцам удалось проникнуть на территорию монастыря. Там были обезоружены и взяты в плен около полтора десятка вражеских солдат и офицеров.

Только после ликвидации этой банды мы могли сказать с уверенностью: наступил долгожданный мир. Мы наслаждались тишиной, радовались солнцу, любовались величавой здешней природой, достоинства которой, вероятно, лишь теперь стали оценивать как подобает. Над Альпами курчавились серебристые

облака, сбивались в седые тучи. Те, подхваченные ветром, то окутывали горные кряжи, то таяли в небе, омытом дождями. Буйно вымахали травы. Деревья, чарующим шепотом листья встречали первое послевоенное лето. Соловьи заливались в садах. Суетливые птицы порхали в ветвях, кружились над полями, добывая пропитание прожорливому потомству.

Солдаты и офицеры читали письма, полученные из дому, делились сокровенным. Думы — о будущем. О мирной жизни. Кого-то зажала семья. Кого-то — невеста.

— Приеду, дня ждать не стану. Сразу в загс. Знаете, какая моя Дусенька, Евдокия? Красавица! В работе — огонь! Хозяйка будет — во!

— В один день встреча фронтовика и свадьба? — глядя на высоко поднятый большой палец счастливого жениха, хитрит Павел Ниско.

— Н-не знаю.., — несколько сбавляет тон размечтавшийся, — свадьба, брат мой, денег требует. А мать моя пишет, деревня на лебедь сидит, ши из крапивы хлебает. Но распишемся с Дусей в сельсовете незамедлительно...

Бывший морской пехотинец, а теперь просто пехотинец Василий Старцев резко прерывает мечтателя Бычкова.

— Не бери душу, Иван!... Кому сказал, будя?!

У Василия погибли в оккупации мать, сестры. След невесты, Жени, затерялся. Старцев писал тетке своей в станицу. От нее узнал про родных и Женю. "Немцы угнали Женю твою в Германию", — такова весточка, способная убить человека.

— Мне ехать некуда...

Командир пулеметного взвода младший лейтенант Нуртали Каржаулов обнимает за плечи лучшего своего командира расчета. От самого Кавказа прошагал с ним. Только при штурме Новороссийска Нуртали был ранен и это разлучило друзей. Вернулся младший лейтенант в часть, "вытребовал" в свой взвод Старцева. С тех пор они вместе.

— В который раз говорю тебе, Василий, поедем ко мне. Как брата прошу. Место для тебя в моей кибитке найдется. Живу я, казах, в русском поселке Солдатском недалеко от Ташкента. Я там сад посажу. В честь Победы нашей. Фруктовый сад! Часть урожая государству в счет поставок. Часть — в какой-нибудь полк. Часть — в детдом, сиротам фронтовиков.

— Тех, кто фронт прошел, ни в каком полку не останется, пока твой сад вырастет.

— Сыновья фронтовиков служить будут. Лет через двадцать твои, мои сыновья в армейский строй встанут.

— Ох и мечтатель ты, Нуртали! Еще не женился, а уже сыновей солдатами видишь.

— На фронт шел, боялся об этом загадывать. В бой шел, тоже не мечтал об этом. Теперь мечтаю. Твердо знаю: все будет так, как решил.

— У меня не знаю, что и как будет, — склонил голову на грудь Старцев. У него короткая стрижка. Шевелюра густая, с проседью. Под черными кустистыми бровями глубоко запавшие глаза.

— Не журысь, друже Василий! Цэ мини трэба журыцца. Бо як побаче мая Наталка цю склянку, покою мини не даст, а сама слезами изыйде.

Павел Ниско, высокий широкоплечий, бережно высыпал из крохотного пузырька пшеницу на ладонь и, благоговей, рассматривал крупные зерна.

— Ох и пшеничка! Увидел то поле, залюбовался. Колос в четверть! У нас такой пшеницы нет.

Прочесывая окрестности Мариацеля, автоматчики вышли к солидной усадьбе. Там и выпросил Павел щепоть зерен у хозяина, весьма довольного тем, что его поле очень приглянулось русскому солдату.

— Но почему твоя Наталка от склянки этой слезами изойдет?

— Сад вырубать буду.

— Сад вырубать? Младший лейтенант Каржаулов думает сад разводить, ты — вырубать. Старый сад, что ли?

— Нет, жинка пишет, второй год сад ее и детишек кормит. В аккурат перед войной я его посадил.

— Для чего ж вырубать?

— Пшеничку посажу.

— Пшеничку сеют.

— Когда у меня ее много будет, и я посажу. А пока по пятьдесят зерен ношу с собой. Четыре сорта. В Болгарии взял. Там низкорослую пшеницу видел, колос у нее крепкий, зерно наливное. Низкорослая для наших засушливых земель в Южном Казахстане в самый раз. А у этой зерно, как горох. Посмотрю, какая у нас приживется.

— Сад-то зачем вырубать?

— Земля нужна.

Целеустремленность мечтателей несколько развеивает старцевскую печаль.

— Спасибо, Нуртали Байназарович! Спасибо, дорогой мой командир, за приглашение. Только сам же ты говорил: жить чужим умом, значит, жить чужую жизнь. Думаю, и я имею право на счастливую долю. В родные края подамся.

— Правильно, Вася, ехай на родину! Своя земля и в горсти мила. Гляди, родичей отыщешь. Зазнобу свою — тоже. Мои вон нашлись...

Рядовой Григорий Мурашко счастливо улыбается.

— Два года про семейство свое ничегошеньки не знал. В оккупации ли оказались, эвакуировались ли — никаких сведений. Осенью письмо мое отыскало их, а ихнее — меня. Верите, как заново на свет я родился. Жена слезами письма залила, по избе тоскует. Немцы деревню спалили, жить людям негде. Да шут с ней, с избой! Она и годами была втрое старше меня. Дед мой в

ней век прожил. Отписал я жене, чтоб не ревела, себя б да детишек берсгла. Приеду, посулил ей, избу поставлю на том же месте, где стояла. Дочкам накажу, чтоб черемуху, цветы под окнами посадили, вроде здешних.

Перед особняком, в котором квартировали солдаты, благоухала сирень, расцвели нарциссы. В бездонной лазури неба величественно плыли облака и таяли над горизонтом, не коснувшись горных вершин. Рядовой Чернов мечтательно вглядывался в альпийские дали, что-то быстро записывал в блокнот.

— Не адреса ли записываешь? Куда ехать собираешься?

— Не адреса... Вас слушаю. Главное уловить пытаюсь. Не знаю, что выйдет. Вы еще тут, а сердцем каждый — дома.

Григорий прочитал стихотворение, из которого мне запали в душу строки:

В родимый край

Дозором сердце выслано...

Рядовой К. Абдыбаев, снайпер-молчун, как мы его называли, вдруг заговорил ни на кого не глядя. Будто сам с собой и для себя:

— Один ты, Керимбек, на свете. Нет и не было у тебя ни невесты, ни семьи, ни родных. Никто у тебя не сжег кибитки, не угнал в Германию любимую девушку. Счастье это или несчастье? Ни то, ни другое. Война меня зачем-то пожалела. Отцов, братьев, женихов убивало в бою. Меня пули щадили. А если не щадили, то, значит, мстили мне! Даже не ранен я! Даже кровью не расплатился за подлости, которые делал в молодости... Значит, Аллах меня так наказывает! Война раскрыла глаза мои, чтоб горе людское увидел да на себя человеческими глазами посмотрел... Совесть покоя не дает. Верите мне, братцы?!

— Да что ты на себя наговариваешь, Керимбек? Про какое бесстыдство вспомнил? Старцева раненого кто из-под огня вытащил? Ты! Воевал честно...

Нуртали Каржаулов перешел с русского на казахский язык, в чем-то разубеждая товарища, тыкая пальцем в ордена Красной Звезды и Славы III степени, которыми был награжден снайпер. Абдыбаев вприщур глядел мимо Каржаулова и продолжал свою исповедь:

— Сразу после демобилизации на разезд поеду. Маленький разъездишко в степи недалеко от станции Чили в Казахстане. Там до войны не больше десятка кибиток стояло. Выйду из вагона, паду на колени перед людьми. Прощение вымаливать стану... Сколько лет прошло, люди меня не узнают, наверное. Скажу им: "Винovat я, человек, своих родителей не помнящий". Напомню им про старика, который много лет на разезде этом путевым обходчиком работал. Доверчивый был старик Утеген. Вот этого деда я и обманул. Он сам встречным и поперечным рассказывал про свою беду. Голод был в степи. Старик в тот страшный тридцать третий год похоронил жену, двоих детишек. Из большой родни только он да брат выжил. У брата, по его словам, дети были. Кто-то из них умер, а один

сын остался. Нашлись добрые люди, усыновили его. Старик разыскивал этого племянника. Сам всю жизнь копил деньги, чтоб построить мазар (склеп). Из аула в аул гуляла старикова мечта отыскать единственного своего родственника.

Я в ту пору беспризорничал. Просто говоря, шпанил. Услышал про деда и решил выдать себя за племянника. Телеграмму дал. Приехал. Весь разезд вышел меня встречать. Деда Утегена люди уважали и жалели. Из кибитки в кибитку меня водили в гости. Распрашивали про отца, братьев. У меня один ответ: "Не помню, маленьким осиротел, в детдоме рос". У меня, вроде другое имя было. В приюте Керимбеком назвали".

История моя всех растрогала. Люди отнеслись ко мне душевно. Придели, ботинки купили. Дед поручил мне ехать за кирпичом. Денег он накопил за свою жизнь две тысячи рублей и был уверен, что их на строительство мазара вполне хватит.

Брал я у него деньги, слушал его просьбу: "Скорее возвращайся, дорогой племянник" и смех меня разбирал. "Жди, думаю, меня до самой смерти. Мертвым мазар не нужен. А деньги "племянничку" карман не протрут".

Машинисты деду были знакомы. Посадил он меня на паровоз, попросил довести до Кызыл-Орды. С гордостью такой начал рассказывать, кто я и зачем еду в город. "Привезет кирпич, мазар будем строить", — обьявил он.

Кирпича дед Утеген не дождался. Без мазара, думаю лежит в могиле...

Было чему удивляться, слушая Керимбековскую исповедь. Выходит, всю войну носил солдат на себе тяжкий крест и вот, когда отгремела война, в человеке наступил душевный надлом. Впрочем, и не надлом вовсе. Тысячам людей война несла горе. Для некоторых она стала духовным чистилищем.

— Приеду, на колени встану. Скажу людям: "Простите, меня, если можно. Позвольте мне загладить вину. Покажите могилу старого Утегена, жены и детей его. Клянусь, построю мазар.

О разном говорили солдаты. В мечтах уносились в родные края. Исповедь К. Абдыбаева не вписывалась ни в одну категорию задумок. И все-таки память не отторгла ее, вместившую в себя человеческую боль, раскаяние, надежду на искупление вины одного человека перед многими.

Я слушал однополчан, завидовал тем, кто уже определил свой путь. Мне мое будущее представлялось расплывчато. Куда ехать, чем заниматься, не имея ни специальности, ни отчего крова? Семью нашу война разбросала по стране. В городе Саки, где мы жили до 41-го, не осталось ни кола, ни двора. И вдруг счастливое озарение — ответная реакция на письмо от родственников, в свое время эвакуированных в Узбекистан и решивших там жить постоянно.

Целый год, вплоть до демобилизации мучился я запавшей в душу мыслью поселиться в солнечном краю. Воображение рисовало

эту землю этаким зеленым ковром и бесконечным фруктовым садом, изобильным и сказочно красивым. Что касается людей, мне казалось, я достаточно хорошо узнал их за годы войны. Узнал и проникся уважением за добродушие и честность, за смелость в боях и умение быть верным дружбе.

Короче говоря, Узбекистан стал моей второй и, можно сказать, основной Родиной. Здесь я, бывший пулеметчик, обрел гражданскую специальность, работу по душе и способностям. Здесь мой труд оценивали многократно и щедро. Подтверждение тому — государственные награды, Почетные грамоты Президиума Верховного Совета республики.

По-человечески же не раз до глубины души трогало внимание со стороны правительства Узбекистана, особенно — Шарафа Рашидовича Рашидова, с которым мне посчастливилось встречаться. В мою память врезалась одна встреча в ЦК Компартии Узбекистана, где Шараф Рашидович вручил мне, в числе других, орден Дружбы народов.

Сам фронтовик, испытавший тяготы окопной жизни, Ш. Рашидов понимал ветеранов, был отзывчив на просьбы, обладал удивительным даром общения. Теплой была, например, встреча с ветеранами накануне Дня Победы. Она состоялась в комитете ветеранов, который возглавлял генерал-лейтенант артиллерии в отставке Файзулла Нарходжаев. Проникновенно прозвучало тогда слово Шарафа Рашидовича, обращенное к людям, прошагавшим фронтовыми дорогами. Всех участников встречи взволновало оно.

Приятно сознавать, что внимательное отношение к фронтовикам в Узбекистане не изменилось и после распада Советского Союза. Свидетельство тому — и Указ Президента И. А. Каримова о подготовке к празднованию 50-летия Великой нашей Победы над фашистской Германией, награды Республики Узбекистан тем, кто воевал и трудился в тылу во имя разгрома врага.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ОБОРВАННАЯ СТРУНА

На протяжении своей пятидесятилетней истории китайцы верили, что великие катастрофы предвещают смерть императора и приход к власти новой династии. Советский Союз, семь десятилетий живший без императора, более четырех десятков послевоенных лет занятый мирным трудом, развалился отнюдь не по причине катастрофы гитлеровского рейха. Как бы то ни было, трагедия не обошла стороной ни одну из бывших советских республик, а для нас, фронтовиков, оказалась если не последней, то неизлечимой раной. Неожиданно, вдруг, оборвалась связь сердец, навечно спаянных фронтовым братством.

Непросто сегодня фронтовику-узбеку навестить друга — молдаванина, белоруса, украинца, грузина. Бывший солдат-азербайджанец не отважится погостить у героя войны таджика, киргиза, туркмена. Границы, таможи, разные денежные знаки — все разъединило нас.

Какой прилив сил, бодрости, какое счастье испытывали мы, встречаясь с однополчанами в местах былых сражений! С каким благоговением возлагали мы венки и цветы к могилам боевых друзей, чьими подвигами, самопожертвованием достигался успех в боях, завоеван мир на земле!

Неужели встреча фронтовых побратимов, состоявшаяся весной 1985-го, в которой участвовали и воины-узбекистанцы, оказалась последней?! Неужели мы, бывшие морские пехотинцы и просто пехотинцы, бывшие танкисты, артиллеристы, связисты, саперы, медики, не пройдемся вновь по металлу нашпигованной Малой Земле, по возрожденным городским кварталам Новороссийска, Керчи, Севастополя, других городов, за освобождение которых отдано столько жизней?!

Война зарубцевалась в сознании, как страшнейшее бедствие. Она вторглась в память тех, кто сражался, кто трудился в тылу, тех, кого она обрекла на лишения и страдания, кого осиротила. Но и потомкам людей старшего поколения оставила о себе тысячи жесточайших напоминаний и волнующих реликвий. Городом-памятником представляется нам, фронтовикам, Новороссийск. В нем

на братских могилах установлены плиты, воздвигнуты обелиски с именами захороненных солдат, матросов, офицеров. На скалистом берегу Цемесской бухты, между цементными заводами "Пролетарий" и "Октябрь" застыл на вечной стоянке остов товарного вагона, изрешеченный тысячами пуль и осколков. Вагон стоит там, где наша разноплеменная и героическая рать остановила рвавшиеся на Кавказ гитлеровские войска. Здесь майским днем 1985-го стояли мы, соседские и не пышущие здоровьем. Грустили об огненном прошлом, о друзьях, сраженных на этом пятачке, радовались тому, что после войны жизнь здесь текла размеренно, в обыденном ритме. Голубела под солнцем Цемесская бухта. У причалов грузились теплоходы. По улицам спешили по своим делам люди... Нам виделась бухта сурового сорок третьего. Тогда она клокотала от взрывов, жадно поглощала раненых. Берег встречал десантников смертоносным шквалом.

С утеса виден участок земли, где когда-то стоял знаменитый "сарайчик", который гитлеровцы так и не смогли захватить. На месте прорыва вражеской обороны силами танкового полка 318-й стрелковой дивизии поднята на пьедестал легендарная "тридцать-четверка".

Мы на встрече не любуемся красотами природы и достопримечательностями возрожденного города. Мы заново переживаем давнее, заполнившее наши сердца. Проходим на Приморский бульвар. Здесь Аллея Героев. В ней спят вечным сном защитники города и его освободители. Магические всплески Вечного огня оберегают этот сон. Мраморные памятники и надгробья. На одном из них золотом отликает имя Героя Советского Союза майора Цезаря Львовича Кунникова. На соседнем — капитана 3-го ранга Николая Ивановича Сипягина, тоже Героя Советского Союза. Богатыри десанта, плацдарма, получившего название "Малая Земля", покоятся рядом. Чуть в стороне братская могила. И в ней знакомые каждому участнику 225-суточной эпопеи имена. Мы знали всех их, прекрасных своей отвагой, своим мужеством, преданностью Родине. И поныне испытываем чувство гордости за то, что довелось служить, сражаться под командованием умудренных боевым опытом Героя Советского Союза С. Н. Каданчика, бывшего командира полка; майора П. Т. Беремца, тоже командовавшего полком.

Здесь, у Вечного огня, вроде бы, стихийно возникает митинг. Вокруг ветеранов собрались сотни юных. Парни, девушки, взволнованы встречей. Сыроч Насруллаев, полковник из Ташкента, обращается к ним с проникновенным словом. Свое выступление завершил стихами Расула Гамзатова, прозвучавшими в данный момент, как завет ветеранов юным патриотам:

Нужно вам, как вершинам,
далеко смотреть
Взволноваться, как морю,
как звездам гореть.

Будьте долгу верны,
светлым думам верны.
Вы о нас, сыновья,
забывать не должны.
Все, что мы завещали,
и вам — завещать.
Все, что мы защищали,
и вам — защищать.
Потому, что свобода
не знает цены
Вы о нас, сыновья,
забывать не должны.

...Забывать не должны. Ни тех, кто пал на полях сражений, воюя как надо. Ни тех, кого не стало за послевоенные годы. Время, к сожалению, неумолимо. Неумолимы и законы природы. За полвека, истекшие после салюта Победы, сильно поредел строй ветеранов, солдат войны. Ушли из жизни ташкентцы Герои Советского Союза Б. И. Иргашев и Б. Д. Бабаев. Нет больше среди нас отважного командира полка Сыроча Насруллаева и отчаянного командира пулеметного взвода Нуртали Каржаулова, так любившего землю, мечтавшего вырастить сад и сполна осуществившего свою задумку — он работал председателем колхоза. Из дальних краев поступили печальные известия о кончине отважных воинов 255-й бригады морской пехоты Героев Советского Союза Ладос Давыдова и Кости Миловатского. Им и тысячам таких, как они, мы обязаны говорить:

Спасибо за чистое небо,
За мирную радость земли!

ОБ АВТОРЕ

Анатолия Ильича Водовозова можно было бы и не представлять читателям. Из-под пера фронтовика, прошедшего всю войну от начала до конца, вышли книги "Огненные меридианы" и "Ось планеты". Причем первая, пользуется большим спросом у читателей-фронтовиков, выдержала два издания и не залежалась на полках магазинов.

Новая книга — не только рассказ бывшего пулеметчика о подвигах однополчан. Она носит несколько полемический характер. Автор аргументированно возражает тем, кто полвека спустя после войны пытается внушить современникам, будто советские бойцы и командиры воевали "не так, как надо".

Воевал "как надо" и сам бывший юнга батальона морской пехоты, затем пулеметчик, командир расчета, взвода, роты. Он был трижды ранен и контужен. За подвиги удостоен четырех орденов войны, трех орденов Красной Звезды, трех медалей "За отвагу". После войны за отличную работу в производственном объединении "Узбекнефть" награжден орденом Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медалями.

А. И. Водовозов активно ведет общественную работу. Встречается и переписывается с ветеранами войны, выступает перед молодежью.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ГЛАВА 1

ПЫЛАЮЩИЙ ГОРИЗОНТ

8

ГЛАВА 2

ВОЕВАЛИ КАК НАДО!

19

ГЛАВА 3

ОПАЛЬНЫЕ... ГЕРОИ

32

ГЛАВА 4

КРИК ПАМЯТИ

38

ГЛАВА 5

АНГЕЛЫ В ШИНЕЛЯХ

64

205

ГЛАВА 6
КРЕПКИЙ ТЫЛ —
БОЕСПОСОБНАЯ АРМИЯ

88

ГЛАВА 7
КОМАНДИРАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

100

ГЛАВА 8
ДОРОГА НА ЗАПАД

119

ГЛАВА 9
НАД ГРАНИЦЕЙ — ХМУРЫЕ ТУЧИ

128

ГЛАВА 10
ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ ОТВАЖНЫХ

158

ГЛАВА 11
В РОДИМЫЙ КРАЙ ДОЗОРОМ
СЕРДЦЕ ВЫСЛАНО

194

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ОБОРВАННАЯ СТРУНА

201

ОБ АВТОРЕ

204

Анатолий Ильич Водовозов

ПЫЛАЮЩИЙ ГОРИЗОНТ

Редактор *В. Колегова*
Художник *Д. Уразаев*
Худож. редактор *Ж. Гурова*
Техн. редактор *С. Сабирова*
Корректор *Т. Пекишина*

Сдано в набор 30.01.95 Подписано в печать 25.04.95.
Формат 60×90¹/16. Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 15,0. Уч.-изд.л. 13,80 + 1,86 вкл.
Тираж 5 000. Заказ № 102 Цена договорная

Издательство "Ўзбекистон", 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.
Изд. № 251-94.

Оригинал-макет изготовлен на базе технических и программных
средств ОсОО "Ношир". Отпечатано Государственного
комитета по печати Республики Узбекистан

Отпечатано на Ташкентской книжно-журнальной фабрике. Госу-
дарственного комитета Республики Узбекистан по печати.
Ташкент, Юнусабд, ул. Мурадова, 1.